

К63.3(2)6

П53

БИБЛИОТЕЧКА ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА “ОРЛОВСКИЙ ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК”

Выпуск 25

Из архива Матвея Матвеевича

КРОВАВАЯ ТРАПЕЗА
ФАШИСТСКИХ
ЛЁТЧИКОВ стр. 24

«ВОСПОМИНАНИЯ»
ДОКТОРА ТУРБИНА стр. 34

ТРАГЕДИЯ НАД
БОЛЬШОЙ ГАТЬЮ стр. 45

ПОБЕГ ИЗ ОРЛА стр. 55

РАЗВЕДЧИЦА МАРТА стр. 65

ПИСЬМО
ИЗ ПРОШЛОГО стр. 80

МАТВЕЮ МАТВЕЕВИЧУ
МАРТЫНОВУ
ПОСВЯЩАЕТСЯ... стр. 146

12

к 63.3(2)6
П53

Библиотечка военно-исторического журнала
ОРЛОВСКИЙ ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК
Выпуск № 25

A 306536

КР2024

Александр Полянкин

**ИЗ АРХИВА
МАТВЕЯ МАТВЕЕВИЧА**

БУХО
«Орловская областная научная
универсальная публичная
библиотека им. И.А. Бунина»

УДК 82-1+94(47)+335/357

ББК 84(2р)6

П 49

Серийное оформление обложки: Александр Ухин

Библиотечка военно-исторического журнала «Орловский военный вестник»

П 49 **Александр Польшин**. Из архива Матвея Матвеевича / – Орёл:
ПФ «Картуш», 2021. – 152 с.

Редакционная коллегия: С.А. Ветчинников (главный редактор)
А.М. Польшин

В этой книге известного орловского краеведа и исследователя содержатся очерки, написанные автором на основе документов из архива М.М. Мартынова. Несколько лет тому назад эти документы были переданы А.М. Польшину дочерью первого исследователя орловского подполья и партизанского движения Валентиной Матвеевной Романовой (Мартыновой). Первоначально очерки печатались в СМИ, в том числе, в журнале «Орловский военный вестник», в этой книге они впервые сведены вместе.

УДК 82-1+94(47)+335/357

ББК 84(2р)6

На обложке: Матвей Матвеевич Мартынов (отреставрированное фото)

Оборот: Сквер Танкистов в освобождённом Орле

© ПФ «Картуш», 2021
© «Библиотечка ОВВ», 2021

Матвей Матвеевич Мартынов и неизвестные страницы его книги «Фронт в тылу»

2 августа 2012 года в Орловском Военно-историческом музее состоялась открытие выставки, посвящённой журналисту, писателю, чекисту и общественному деятелю **М.М. Мартынову**, человеку, имя которого на Орловщине уже вошло в историю.

Оставил после себя...

Его столетний юбилей (Матвей Матвеевич родился 9 августа 1912 года) стал хорошим поводом подвести некоторые итоги деятельности первого исследователя подполья и партизанского движения в нашем крае. Более 30 отдельных его публикаций в орловских газетах, в сборниках и 4 выпущенных Мартыновым книги позволили вызволить из забвения имена героев-орловчан, долгие годы остававшихся неизвестными или даже числившихся предателями.

Благодаря Мартынову, его четвертьвековым исследованиям и поискам, многим нашим землякам, героически сражавшимся в фашистском тылу, было возвращено доброе имя, а почти сто человек удостоились правительственных наград (к сожалению, очень многие – посмертно). На зданиях орловской школы №32 и областной клинической больницы появились мраморные доски с именами орловских героев подпольного движения, а в селе Протасово Малоархангельского района на могиле казнённых гитлеровцами местных подпольщиков устремился к небу памятник-obelisk.

Своеобразным памятником исследователю Мартынову стал и труд всей его жизни – **книга «Фронт в тылу»**, выходившая в Приокском книжном издательстве дважды при жизни автора – в 1975 и 1981 годах (второе, дополненное, издание – тиражом 10 000 экземпляров). В этой книге Матвей Матвеевич свёл вместе все свои предыдущие публикации, создав монументальное полотно *«...истории борьбы советского патриотического подполья с немецко-фашистскими оккупантами на Орловщине в 1941-1943 годах»*. Многолетнюю работу автора по достоинству оценили читатели, и оба тиража были раскуплены достаточно быстро. Матвей Матвеевич мог гордиться своим произведением, которое положило начало исследованиям орловских краеведов по темам *«Орловщина и Великая Отечественная война»*.

С момента публикации второго издания замечательной книги Мартынова прошло уже 40 лет, с тех пор **«Фронт в тылу»** не издавался и подзабыт современными краеведами. Однако за это время не появилось каких-либо других солидных исследовательских работ по истории подполья и партизанского движения на Орловщине, да, мне кажется, и едва ли они появятся. Матвей Матвеевич сумел и успел провести огромную пред-

варительную работу, когда многие его герои ещё были живы. Их воспоминания, свидетельские показания, наравне с архивными документами, стали прочной документальной базой как отдельных очерков, так и основного труда всей жизни писателя и исследователя Мартынова.

Матвей Матвеевич Мартынов в послевоенные годы

Так получилось, что накануне очередного юбилея Матвея Матвеевича, 110-ой годовщины со дня его рождения, есть повод вернуться к книге **«Фронт в тылу»**. Этот повод предоставила мне дочь исследователя – **Валентина Матвеевна Романова (Мартынова)**, с которой я познакомился несколько лет назад. Валентина Матвеевна во время одной из наших бесед сказала, что у неё сохранилась часть материалов из архива отца. По каким-то причинам её мама, Александра Васильевна, сдала на хранение в Государственный архив Орловской области не все документы и черновики Матвея Матвеевича.

Через пару недель после разговора Валентина Матвеевна вручила мне для изучения и использования («как захотите», – сказала – А.П.) некоторые из хранившихся у неё бумаг отца. Их оказалось довольно много, в основном, – воспоминания участников подпольного движения на Орловщине и их фотографии. Но главным сюрпризом для меня стала рукопись (точнее, машинопись) книги М.М. Мартынова **«Фронт в тылу»**. Она хранилась вначале у вдовы писателя, а после её смерти – у дочери, Валентины Матвеевны.

Валентина Матвеевна
Романова (Мартынова)

С этим ценнейшим подарком оказались связаны мои дальнейшие поиски и открытия. Начал я с изучения **«Личного фонда М.М. Мартынова»** в Государственном архиве Орловской области (Ф. Р-3976, оп.4). Он оказался сравнительно небольшим, и рукописи книги «Фронт в тылу» в нём нет. Значит, та, что была передана мне Валентиной Матвеевной Романовой, – основная сохранившаяся (но не единственная, как я понял позже).

Я не ограничился поиском рукописи этой книги в «Личном фонде М.М. Мартынова», а решил познакомиться и с другими, имеющимися в фонде документами. Самыми интересными для меня оказались письма Матвея Матвеевича **«дедушке советского**

спецназа» Илье Григорьевичу Старинову и ответные письма партизана и диверсанта Мартынову (ГАОО, ф.р-3976, ед.хр.2). Но, прежде чем перейти к рассказу о том, какую информацию я в них почерпнул, обращусь к биографии первого исследователя орловского подполья: как и почему Мартынов начал заниматься делом, которое во второй половине его жизни стало для Матвея Матвеевича главным.

Обыкновенный чекист

Родился он на Донбассе, в шахтёрском и металлургическом посёлке Макеевка (в настоящее время – город-спутник Донецка в Донецкой Народной Республике, кстати, кроме даты 9 августа в некоторых источниках называется и 15 число того же месяца 1912 года – А.П.), но после смерти отца семья возвратилась на его родину – в большую деревню Семеново Кромского уезда (ныне – Кромской район Орловской области – А.П.). Здесь Матвей получил первоначальное образование и начал трудовую деятельность: пастухом, почтальоном, работником сельского потребительского общества и даже некоторое время исполнял обязанности заместителя председателя местного колхоза.

А в 1933 году произошёл в судьбе Мартынова «коренной поворот», который в последующем определил дело его жизни: он стал литературным сотрудником Кромской районной газеты «Ленинский путь». Этот, достаточно короткий (полтора года), период выработал у молодого человека потребность в писательстве.

С октября 1934 по октябрь 1936 года, будучи мобилизованным в Красную Армию, Матвей Мартынов служил в 16 стрелковом полку, входившем в состав 6-ой Орловской Краснознамённой стрелковой диви-

зии (территориального формирования). После демобилизации был направлен на отделение журналистики межобластной партийной школы, но доучиться не успел: его отозвали в связи с назначением специальным корреспондентом ТАСС по только что образованной Орловской области. Три года в этой должности способствовали выработке прочных профессиональных навыков молодого журналиста, и на корреспонденции Матвея Мартынова обратило внимание высокое московское начальство.

А в 1940 году в его судьбе снова происходит крутой поворот: Мартынова направляют в «органы». Служил Матвей Матвеевич следователем Управления НКВД по Орловской области, руководил следственным подразделением в сложнейшие военные годы. За выполнение заданий командования был награждён орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги». После окончания войны закончил Высшую школу усовершенствования командного состава МВД СССР и вплоть до ухода в отставку трудился в областном управлении КГБ на разных должностях, в последние годы – начальником архивного отдела, где очень пригодился его журналистский опыт.

Первый исследователь орловского подполья

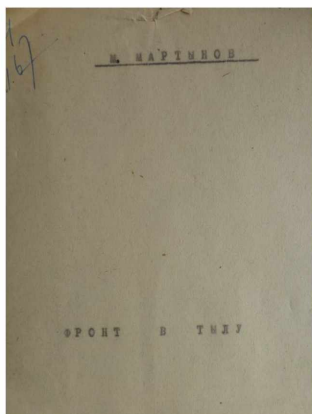
Именно тогда, в ходе постоянного изучения документов периода оккупации и зародилось в нём желание изучить эти «тёмные страницы» военного прошлого и показать жителям Орловщины и страны, что на территории нашего края действовали в фашистском тылу многочисленные подпольные группы и отряды, наносившие гитлеровцам ощутимый урон и приближавшие нашу общую Победу.

Как начальник архивного отдела областного Управления КГБ, он имел доступ к большому массиву информации, в том числе и считавшейся «секретной» в те годы.

В конце 1963 года Матвей Матвеевич, выйдя в отставку в звании майора госбезопасности, полностью ушёл в исследовательскую деятельность по истории подполья и партизанского движения на Орловщине, став пионером этого важнейшего дела.

Результаты появились достаточно быстро. В октябре 1960 года «Орловская правда» в четырёх номерах подряд (8-11 октября) публикует первый очерк Матвея Мартынова **«Это было в Орле»**, где исследователь называет первые имена героев орловского подполья: Георгий Огурцов, Анатолий Евдокимов, Александр Комаров-Жорес, Михаил Суров и Анна Давыденко.

В мае-июне 1961 года в той же «Орловской правде» появляется второй большой материал Матвея Матвеевича – **«Они из Орлиного**

М. Мартынов –
обложка рукописи

племени». В переработанном и дополненном виде этот очерк превратился в повесть, опубликованную отдельной книгой Орловским книжным издательством в 1963 году (под названием «Орлиное племя».

Так орловские читатели стали знакомиться со своими земляками — героями подпольного и партизанского движения, многие из которых не дожили до Победы.

А исследователь Мартынов продолжал свой нелёгкий труд: искал, находил и публиковал в орловских газетах всё новые и новые очерки, в которых оккупационное прошлое области стало вырисовываться по-другому. Не только как беспробудно тёмный период существования местного населения при «новом» фашистском порядке, но и как время двадцатидвухмесячной героической борьбы орловских подпольщиков и партизан с гитлеровцами самыми разными способами, без оглядки на собственные жизни.

Первый очерк в «Орловской правде»

Публикация в «Орловском комсомольце»

В 1964 году вышла в свет вторая книга М. Мартынова — «Подпольный госпиталь», написанная в соавторстве с журналистом А. Эвентовым, в 1970-ом году — третья — «Тайна сапожной мастерской» (обе появились в Туле, в Приокском книжном издательстве). С результатами поисковой деятельности Матвея Матвеевича познакомилась теперь уже гораздо более широкая читательская аудитория, его книги читали учителя и ученики.

В начале 70-ых годов Мартынов решил результаты всей своей многолетней поисково-исследовательской деятельности по истории патристического подполья на Орловщине свести в один большой труд — книгу

под названием **«Фронт в тылу»**, в которую бы вошли в том или ином виде все ранее опубликованные им очерки и книги.

Матвей Мартынов и Илья Старинов

За консультационной помощью и моральной поддержкой Матвей Матвеевич обратился к знаменитому земляку – Илье Григорьевичу Старинову, который о партизанах и подпольщиках знал не понаслышке. Тем более, что «дедушка» советского спецназа имел самое непосредствен-

Илья Григорьевич Старинов

ное отношение к так называемой школе «пожарников», созданной в Орле в первые месяцы войны и предназначенной для подготовки кадров партизанского и подпольного движения.

Переписка двух ветеранов КГБ началась в 1960 году, когда Мартынов был в процессе поиска материалов и имён. Илья Григорьевич подсказал Матвеевичу некоторые адреса и фамилии. А уже 25 октября того же года Мартынов отправил Старинову четыре номера газеты «Орловская правда» с очерком **«Это было в Орле»** (ГАОО, ф.р-3976, оп.4, ед.хр.2). Очень оперативно, 28 октября Илья Григорьевич откликнулся: *«Статьи получились хорошие. Будет полезным возможно скорее подать в газете материал о комсомольском подполье»* и дал несколько советов, как можно подготовить статьи для центральной прессы.

С этого времени началась регулярная переписка земляков, в которой они обменивались новостями, а Илья Григорьевич постоянно «подбрасывал» Матвею Матвеевичу всё новые и новые данные, которыми Матвеев с благодарностью пользовался. Был и обратный процесс, поскольку Старинов тоже готовил к печати свою книгу. Илья Григорьевич высылал рукопись Мартынову для ознакомления, и тот сделал «весьма ценные замечания и предложения» ((ГАОО, ф.р-3976, оп.4, ед.хр.2).

Когда Матвей Матвеевич закончил основную работу с рукописью главного своего труда, то один из экземпляров машинописи «Фронта в тылу» он тут же отправил в Москву, Старинову. 10 февраля 1972 года Илья Григорьевич пишет Мартынову письмо:

«Дорогой Матвей Матвеевич!

Прошу простить за задержку с ответом. Болею после гриппа. Прочёл с большим удовольствием большой труд «Фронт в тылу».

Огромная полезная работа, основанная на научном исследовании. Эта книга будет иметь большое воспитательное и познавательное значение. Страна должна знать героев подполья. Они были на всей

временно оккупированной территории, были они в Орле и городах Орловской области.

Особо важна глава, в которой показывается подпольная деятельность немцев-антифашистов. Мне довелось встречать много материалов в архивах, в которых есть факты антифашистской деятельности немецких солдат...

Матвей Мартынов – молодой журналист

До сего времени в нашей литературе не показано вовсе антифашистское подполье в немецко-фашистской армии, а оно было. И Ваше, Матвей Матвеевич, раскрытие антифашистской деятельности рабочих-немцев, которые сохранили классовое самосознание, хотя их насильно одели в ненавистную им форму, является весьма ценным. Пора уже показывать и немцев-интернационалистов».

Писатель Мартынов и рецензент Фирсанов

Такой отзыв для автора был очень приятен и важен, тем более, что у него возникли серьезные проблемы с подготовкой книги к публикации. Нужно было обязательно получить положительную рецензию на рукопись, и областное партийное начальство определило для этого отставного генерал-майора Кондратия Фирсанова, бывшего непосредственного начальника Мартынова. Кондратий Филиппович в предвоенные и военные годы возглавлял Орловское Управление НКВД и НКГБ.

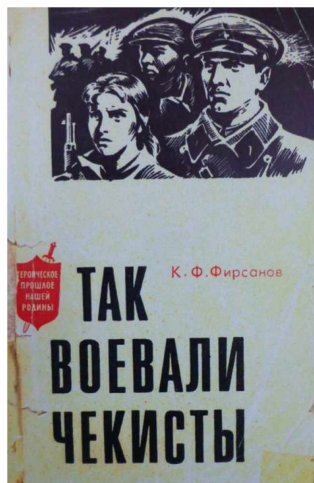
Будучи с 1960 года в отставке, Фирсанов готовил к публикации и выпускал собственные мемуары. В 1970 году в издательстве «Московский

рабочий» появился сборник воспоминаний ветеранов органов госбезопасности «Так воевали чекисты», и в нём Кондратий Филиппович стал одним из авторов. Но этого бывшему начальнику Управления НКВД было мало, и он захотел выпустить целую книгу под собственным именем.

А здесь вдруг объявился Мартынов, и хотел Кондратий Филиппович или не хотел, но увидел он в Матвее Матвеевиче конкурента. Тем более,

Кондратий Фирсанов

что в 1972 году в Москве, в Политиздате (в те годы каждый автор мечтал здесь опубликоваться), был опубликован сборник **«Это было в Орле»**, в котором Мартынов на тридцати страницах уже для союзного читателя представил результаты своих поисков героев подполья на Орловщине.

Фирсанов отреагировал немедленно и отправил в адрес директора Политиздата Тропкина письмо с резкой критикой очерка Мартынова (оно хранится в личном фонде К.Ф. Фирсанова в Государственном архиве Самарской области, и отрывки из него опубликовал в своей статье брянский исследователь Андрей Кукатов в сборнике: **«Брянщина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Люди. События. Факты. Материалы научно-практической конференции, посвященной освобождению Брянщины от немецко-фашистских захватчиков (12 сентября 2013 года)**, Брянск, 2013, с.с.80-91» – А.П.).

В политиздатовском очерке Мартынов перечислил ряд сотрудников местного орловского самоуправления во время фашистской оккупации: Шалимов А.А. – бургомистр Орла, Ставицкий П.Л. – главный полицмейстер Орла, Головкин В.И. – главный полицмейстер (после Ставицкого), Мячин П.К. – начальник полиции Орловского уезда, Языков Д.М. – заместитель начальника русской тайной сыскной полиции г. Орла, показав их советскими патриотами-подпольщиками. Фирсанов не согласился с таким

выводом, цитирую его письмо Тропкину:

«Кем, когда, где собраны данные, что они являлись патриотами-подпольщиками, автор умалчивает, кто вынес заключение о признании их подпольщиками, автор держит в секрете. Перед войной и в го-

ды ВОВ я работал начальником управления НКГБ-НКВД по Орловской области...являлся членом бюро Орловского обкома ВКП(б), практически занимался вопросами организации партизанского и подпольного движения в Орловской области в ее довоенных границах и утверждаю, что как в период оккупации г.Орла, так и после его освобождения каких-либо материалов, в какой-то степени подтверждавших, что эти лица были советскими патриотами-подпольщиками, не было собрано. В г. Орле действовало несколько патриотических групп и организаций, и ни с одной из них никто из этой пятерки лиц не имел никаких связей. Наоборот, имеется немало фактов, примеров, подтверждающих, что вся эта пятерка лиц добросовестно служили немцам в ущерб советскому народу».

И далее Фирсанов резюмирует: «Мне представляется, что составитель сборника «Герои подполья» В.Е. Быстров и редактор Е.Н. Политов с легкостью подошли к вопросу опубликования в столь важном сборнике алиби Мартынова группе лиц, занимавших высокие посты в органах оккупационной власти и карательных органах».

Книги М.М. Мартынова

Аналогичной позиции Кондратий Филиппович придерживался и в оценке деятельности «Ревкома» – подпольной организации в Орле, считая её ловушкой спецслужб противника, предназначенной для выявления и уничтожения советских патриотов: «Падкий на открытия под-

польщиков Мартынов эту фашистскую ловушку «Ревком» и представил читателям, как настоящую массовую подпольную организацию с централизованным руководством города Орла, отметив лишь, что Ревком провалил сибирский кулак, втершийся в доверие Ревкома. Такое представление в печати фашистской ловушки как настоящей подпольной организации считаю неправильным и недопустимым...».

Естественно, когда Фирсанову предоставилась возможность, как рецензенту, оценить уже всю подготовленную к печати книгу Мартынова «**Фронт в тылу**», он повторил все свои критические замечания, приведённые мною выше и добавив к ним другие. Мнение бывшего начальника Орловского Управления НКГБ-НКВД Орловский обком КПСС проигнорировать так просто не мог.

Процесс продвижения книги в печать затормозился. Черновой вариант «Фронта в тылу» был подготовлен к концу 1967 года, заканчивался 1971-ый, а шансы издать рукопись у Матвея Матвеевича оставались минимальными. Мартынов был вынужден написать письмо о событиях вокруг книги в Орловский обком партии и рассказать об этом в очередном письме Старинову. 12 февраля 1972 года Илья Григорьевич отвечает Матвею Матвеевичу большим посланием:

«Дорогой Матвей Матвеевич!

Матвей Мартынов
у знамени полка

Прочитал Ваше письмо секретарю Обкома по вопросу о злоключениях рукописи Вашей книги «Фронт в тылу». Всё Вы пишете правильно, убедительно, но, на мой взгляд, допустили организационную ошибку.

Письмо написать коротко на 2-3 стр., а к нему приложение и то короче, чтобы мог прочитать и сам секретарь. Там есть много важного, интересного.

До сего времени я был иного мнения о рецензенте. Мне уже не раз приходилось читать писания Иванов – «не помнящих родства». Меня же удивила преднамеренная забывчивость генерала. Себе он приписывает то, что делали другие даже в том случае, когда ещё живы исполнители. Называя школу «пожарников» нашей, т. Фирсанов ничего о ней и её работе

конкретного сказать не может, потому что школа была школой Обкома и Военного Совета Западного фронта. У меня есть все архив-

ные материалы о результатах деятельности школы, и я их опубликую с ссылками на источники.

Но это только штрих и не главный. Главное другое. Рецензент, судя по его рецензии, задался целью не допустить издания Вашей книги по двум причинам:

а) чтобы скрыть свои ошибки, просчёты, незнание основ партизанской борьбы, бездеятельность – в одних случаях, перегибы, стоившие жизни советским патриотам – в другом;

б) чтобы использовать часть материалов в своём очерке.

В рецензии сквозит предвзятость, недостаточная осведомлённость о партизанском движении в тылу врага. Желание показать порочность книги, когда она в действительности написана на высоком идейно-теоретическом уровне, привело рецензента к саморазоблачению, к показу его явно предвзятого отношения и желания выгородить себя. Ваш Старинов» (ГАОО, р-3976, оп.4, ед.хр.2).

Илья Григорьевич не ограничился констатацией фактов и словами сочувствия в адрес Матвея Матвеевича. Он предложил ему найти нового, более объективного и авторитетного рецензента для книги. Мартынов с радостью согласился, и вскоре Старинов договорился с доктором исторических наук Юрием Павловичем Петровым из Института марксизма-ленинизма. Юрий Павлович, ознакомившись с рукописью «Фронт в тылу», оценил её очень высоко и рекомендовал к печати. Отзыв Ю.П. Петрова был отправлен в адрес Орловского обкома КПСС, и процесс сдвинулся с «мёртвой точки» (мнение доктора наук из Института марксизма-ленинизма

в те годы значило очень много – А.П.). Однако в 1973 году в Военном издательстве уже успели появиться мемуары Кондратия Фирсанова. Если отставной генерал свою задачу видел в том, чтобы опубликоваться первым, то он сумел это сделать.

К 30-летию Победы

И только в 1975 году в Приокском книжном издательстве появилась многострадальная книга М.М. Мартынова «Фронт в тылу». Не прошло и восьми лет с момента готовности рукописи. Наверное, сказалось и то, что в том году отмечалось 30-летие Победы в Великой Отечественной войне. Я уже написал, что замечательный труд Матвея Матвеевича быстро нашёл своего читателя.

Прошло 35 лет. И, знакомясь с оказавшейся в моих руках рукописью, я обнару-

М.М. Мартынов –
во время службы

жил, что исследователь и писатель Мартынов для того, чтобы книга, наконец-то, в 1975 году увидела свет, был вынужден пойти на определённый компромисс. От основного содержания Матвей Матвеевич, естественно, не отказался, но вот некоторые моменты, чтобы «не дразнить гусей», он решил (или редакторы ему настоятельно рекомендовали – А.П.) или вовсе не публиковать, или сделал это в очень сокращённом виде. Прежде всего, это касается событий, связанных с «подпольным госпиталем» («Русской больницей») и с деятельностью патриотов, служивших в органах гитлеровского самоуправления в годы оккупации. То, что было опубликовано в книге по деятельности этих подпольщиков, – это очень небольшая часть подготовлённого Мартыновым к публикации.

И сейчас я предлагаю читателям познакомиться с некоторыми неизвестными страницами из книги **«Фронт в тылу»**. Хочется верить, что удастся издать и весь труд Матвея Матвеевича без купюр. Это станет данью нашей памяти первому исследователю орловского подполья и подарком к его очередному юбилею.

Матвей Мартынов «Фронт в тылу»

(машинопись 1967 года)

(отрывок из главы «Ревком», страницы 157-174)

Предатель

...Темные, грязные и холодные подвалы под одним из домов на Черкасской улице были постоянно заполнены орловцами-патриотами. И редко кому удавалось выйти оттуда живым. А если и случалось такое, то человек возвращался настолько искалеченным, что оставался уже не долгим жильцом на земле.

Но орловские подпольщики проносили в полицию, в том числе и в сыскное отделение Букина и в другие административные органы оккупационных войск и там проводили свою работу.

Так, первым орловским городским бургомистром являлся Алексей Афанасьевич Шалимов; первым полицмейстером города был Павел Антонович Ставицкий; заместителем начальника сыского отделения полиции работал Дмитрий Митрофанович Языков; на должность полицмейстера после Ставицкого оккупанты назначили Василия Ивановича Головки; орловской уездной полицией в первый период оккупации руко-

водил Петр Корнеевич Мячин; паспортную службу в городской полиции возглавлял Николай Борисович Челюскин.

Никто из них, занимая высокие посты, не проявил активности в пользу фашистов, но их истинная роль в трагических событиях периода оккупации не была известна населению, и многие до последнего времени считали их предателями. Но теперь собраны данные (хотя еще далеко неполные), которые свидетельствуют о том, что они являлись патриотами-подпольщиками. Об этом говорит и тот факт, что все они уничтожены гестаповцами, которые постоянно следили за лицами, находившимися на руководящих постах в городской управе и полиции.

Николай Челюскин - один из героев книги М.М. Мартынова

А.А. Шалимов – медицинский фельдшер. До оккупации – активный работник органов здравоохранения. О его работе в качестве бургомистра бывший работник торгового отдела горуправы И.А. Поздняков в своих воспоминаниях пишет: «Будучи бургомистром гор. Орла, Шалимов давал установку сбергать все материальные ресурсы и особенно, продовольственные, для нужд советских людей... Шалимов давал указания Сидорову (зав. торговым отделом горуправы, умер во время оккупации – М.М.) не отпускать немцам товары, нужные населению Орла. Решено было промтовары реализовать через ларьки по удешевленным ценам...».

Шалимов давал распоряжения Сидорову, а он другим работникам управы, скрывать дефицитные товары и продовольствие и не показывать их в списках, представляемых в комендатуру...». Зимой 1941-1942 годов в

Орел приехали на лошади неизвестные люди с требованием на отпуск соли якобы для населения Дмитровского района. Остатками соли в Орле распоряжался лично бургомистр Шалимов. Он дал торговому отделу распоряжение отпустить 500-600 килограммов соли, что и было сделано, хотя в городе соль была большим дефицитом, и за снабжение населения районов бургомистр не отвечал.

Сам Шалимов через комендатуру обеспечил приехавших документами на провоз соли. «Случай этот, — пишет Поздняков, — был необычным, о нем говорили в торговом отделе. Шалимов сказал Сидорову, что приезжали от партизан... и поэтому он произвел отпуск соли».

Известны факты, когда бургомистр Шалимов на руководящие посты в горуправу и другие органы назначал людей, которых он хорошо знал и доверял им, как патриотам, но однажды к нему явился Николай С. и сообщил, что он пострадал от Советской власти, сидел в тюрьме за преступления против Советского государства (это соответствовало действительности — М.М.) и попросил назначить его на какую-нибудь руководящую должность, чтобы верой и правдой служить оккупантам. Шалимов ответил, что «вакантных должностей нет и не предвидится».

Сам С. впоследствии по этому поводу писал: «Слышанное мною в пути (С. бежал с фронта и пробирался в Орел — М.М.) сообщение о занятии немцами города Орла подтверждается. Беспрепятственно дохожу до квартиры. На следующий день у коменданта... получаю временную справку на жительство. Обращаюсь к бургомистру Шалимову... с просьбой о назначении на работу, объявив предварительно своё антисоветское прошлое. Получаю отказ».

Алексей Афанасьевич Шалимов был расстрелян в орловской тюрьме в марте 1942 года. После его ареста гитлеровцы убрали с руководящих постов в городской управе и других подчиненных ей организациях многих советских граждан, объявив, что они являются «шалимовцами», ставленниками бургомистра Шалимова. Были арестованы и расстреляны как саботажники работники торгового отдела горуправы Щепков, Сальков и Давыдов.

Через работников сыскного отделения полиции в городе стало известно, что Шалимов расстрелян за связь с партизанами.

Павел Антонович Ставицкий в первые годы Советской власти был чекистом, в тридцатых годах проживал в Орле, являлся членом КПСС, работал в системе «Рудметаллторга», а затем выехал в Воронежскую область и работал прокурором Алешковского района, в 1937 году подвергался репрессированию, а потом реабилитирован и незадолго до оккупации прибыл в Орел, а когда гитлеровцы организовали городскую полицию, его назначили полицмейстером.

Комплектуя штат полиции, Ставицкий подбирал людей, которых хорошо знал по прежнему жительству в городе, некоторым открывался,

что он является руководителем подпольной группы, в задачу которой входит освобождать из-под ареста советский и партийный актив, арестованный немцами, оказывать помощь семьям арестованных и командирам Красной Армии, оставшимся в Орле. Он вызывал к себе отдельных коммунистов, вел с ними доверительный разговор, расспрашивая, почему они остались в городе и отпускал, советуя не беспокоиться за свою судьбу.

О последнем часе пребывания Ставицкого на посту полицмейстера бывший дежурный городской полиции Николай Дорохин рассказывает: «Примерно в феврале 1942 года... я пришел в городскую полицию и принял дежурство от полицейского Игнатова Николая Васильевича. В это время сюда пришел гражданин Ермаков, которого я знал, как коммуниста, и попросил разрешения зайти к начальнику полиции Ставицкому. Увидев его, Игнатов заявил: «А, ты, коммунист, еще по земле ходишь» и тут же избил его и посадил в камеру. Я об этом доложил Ставицкому, который приказал выпустить коммуниста, а Игнатова посадить в камеру. Но Игнатов убежал и минут через тридцать вернулся с двумя жандармами, которые арестовали Ставицкого и увели с собой...

На другой день стало известно, что Ставицкий, находясь в застенке гестапо, покончил с собой, чтобы избежать пыток и душегубки.

В августе 1942 года сыскное отделение полиции и гестапо арестовали полицмейстера города Василия Ивановича Головка, старшего паспортиста городской полиции Николая Челюскина, полицейского Павла Кунца и агента сысканого отделения Дмитрия Сорина. Это была глубоко законспирированная патриотическая группа, действовавшая в полицейских органах.

Лишь в 1957 году, когда орловские чекисты изловили скрывавшегося от возмездия Букина, стало известно, что комсомольцы Дмитрий Сорин, до оккупации – студент физико-математического факультета Орловского пединститута и Павел Кунц, а с ними Николай Челюскин, под руководством Василия Головка писали и распространяли в городе антифашистские листовки, обеспечивали паспортами бежавших из фашистского плена советских воинов, а также других патриотов, которых преследовали гитлеровские каратели.

Кто такой Головка? Он – не орловец. Прибыл сюда, как и Пётр Кузнецов, в первые дни оккупации. Опрошены многие люди, которые близко сталкивались с ним в Орле. Одни говорят, что он родом из-под Киева, другие утверждают, что он прибыл в Орел из Калуги, третьим известно, что его настоящая фамилия не Головка, а Шевченко, а жена Дмитрия Митрофановича Языкова, с которым Головка был по-дружески близок, часто бывал у него в доме и подолгу беседовал с ним, уединившись. Александра Ильинична, рассказывает, что от мужа ей известно, что Головка «прибыл в Орел из Белоруссии с каким-то заданием».

БУКОВ
«Орловская областная научная
универсальная публичная
библиотека им. И.А. Бунина»

На серьезную связь Головки с орловским патриотическим подпольем и его активную роль в нем указывают следующие факты.

Николай Борисович Челюскин в начале 1942 года в город Орел был направлен «Большой землей» для выполнения специального задания. Сохранилось подлинное письмо Николая Борисовича, оставленное им в Москве перед отправкой в тыл врага. Вот оно, это письмо:

Гор. Москва, 16/02-42г.

На днях я отправляюсь на разведывательную работу в тыл врага моей родины, в тыл войск германского фашизма, я прекрасно сознаю трудности и опасности выполнения предстоящей мне работы. Это задание я обещаю выполнить. К сожалению, я беспартийный, о вступлении в партию буду просить после выполнения этого задания, но если я погибну – я умру с душой большевика.

В городе Молотовске осталась моя семья, которую я очень люблю – жена Плотникова Тамара Николаевна и дочь Галя шести лет. Если только это возможно, я буду просить оказывать ей необходимую помощь в трудные для нас минуты. Мне неудобно об этом просить, но семья – это одно из самого дорогого: первое – это Родина, Партия, Советская власть. Н. Челюскин».

Оказавшись на оккупированной территории, Николай Челюскин был задержан фашистской контрразведкой и заключен в орловскую тюрьму. Воспользовавшись тем, что в Орле проживала мать Челюскина, Юлия Александровна, и мать жены-Плотникова Елизавета Федоровна, Николай заявил гестаповцам, что он прибыл в Орел с единственной целью – остаться и жить со своими родственниками здесь при «новом порядке», а тем временем изыскал возможность и нелегально послал матери записку. Юлия Александровна, ссылаясь на свое дворянское происхождение, убедила фашистов в полнейшей благонадежности сына, и Николая освободили.

Около двух месяцев он ежедневно ходил на отметку в управление городской полиции, познакомился с полицмейстером Головки, и в мае он назначил его на должность старшего паспортиста горполиции.

Однажды, рассказывая о сыне, Юлия Александровна вспомнила такую деталь:

– Проживая в Орле, Николай часто отлучался из дому, иногда уезжал куда-то на велосипеде. Помню, один раз возвратился и привез буханку черного хлеба. Сказал, что хлеб нашел в лесу...

Эта обмолвка Юлии Александровны указывает на связь Николая Челюскина с партизанами, так как теперь стало известно, что партизаны, находящиеся в южном массиве Брянских лесов, передавали иногда буханки черного хлеба голодавшим орловским подпольщикам, с которыми под-

держивали связь. Со временем, несомненно, станет известно, кто именно и в каком лесу «терял» буханки хлеба для Николая Челюскина.

В августе 1942 года Николай пришел домой очень расстроенный, рассказал, что арестован его начальник Головки и выразил опасение, что и «его могут арестовать. И тут же гестаповцы пришли за ним. При обыске на чердаке дома они нашли большую пачку бланков паспортов, которые выдавались населению. Челюскин проходил по одному делу с Головки.

Василий Иванович Головки был близок с Петром Николаевичем Кузнецовым, руководителем подпольной группы железнодорожников. Один из оставшихся в живых участников группы Кузнецова Матвей Петрович Потанин вспоминает о своей встрече с Головки в служебном кабинете Кузнецова: «Кузнецов вызвал меня к себе в кабинет,— рассказывает Потанин. — Когда я вошел, то увидел незнакомого человека, Кузнецов меня представил: «Это Наш Потанин». Незнакомец себя не назвал. А после я спросил у Карпухина, кто это был. Карпухин мне сказал, что это — полицмейстер Головки. В моем присутствии Головки рассказывал анекдоты, а делового разговора не било. Головки у Кузнецова я видел только один раз. Какие отношения Кузнецов поддерживал с Головки, я не знаю...»

Потанин, конечно, мог и не знать истинных отношений Кузнецова с Головки, конспирация имела свои законы, но если учесть, что эта, как бы случайная встреча Головки с Потаниным, которую, несомненно, устроил Кузнецов, произошла после уже известных читателю случаев с двумя снегоочистителями и перед подготовкой Кузнецовым взрыва железнодорожно-рожного моста через Оку, что он представил Потанина Головки «это наш Потанин», можно утверждать, что Головки приходил лично познакомиться с кандидатом в исполнители диверсии на окском мосту и тот факт, что Кузнецов впоследствии готовил Потанина к этому делу, свидетельствует о том, что Головки одобрил выбранную Кузнецовым кандидатуру предварительно «втемную» познакомившись с ней.

По подпольной работе Головки, несомненно, был связан и с Языковым, о котором речь пойдет ниже.

Итак, Головки, Челюскин, Сорин и Кунц — это мужественные патриоты-подпольщики. Истязания и муки, которым их подвергали в сыском отделении полиции, не поддаются описанию. Особенно жестоко издевались над Головки. Это засвидетельствовал на процессе в 1957 году и сам Букин: «...Головки не признался, — давал показания суду Букин,— На допросе его бесчеловечно избивали и пытали... В результате пыток и истязаний, которым Головки подвергался, он умер.» Выступавший в суде по делу Букина в качестве свидетеля Николай Ветров дополнил показание своего бывшего шефа. «Когда я, как дежурный по сыскому отделению полиции находился в дежурной комнате,— рассказывал суду

Ветров, – мимо меня прошли в свой кабинет шеф «СД» Кох, следователь Штейтнер... Вскоре к немцам провели Головки, зашел БУКИН... через непродолжительное время из кабинета, где допрашивали Головки, раздался крик и стоны... сначала громко, но постепенно стали глухие и, наконец, совсем прекратились. Я находился рядом в дежурной комнате. Из кабинета немцев вышел Букин и приказал мне и моему помощнику унести из кабинета Головки. Когда я с помощником зашел в кабинет, увидели, что Головки лежит без памяти на стульях, стоявших в ряд на середине кабинета, причем, на ногах у Головки не было обуви, а его ботинки валялись около стульев, на которых лежал Головки... Мы унесли Головки в пустующий кабинет №5 и положили на пол. Следом сюда вошел Букин, стал ногами на грудь Головки, лежавшего без сознания и начал на нем подпрыгивать... и что-то выкрикивать по адресу Головки...»

Истерзанное тело Василия Головки и полуживых Николая Челюскина, Дмитрия Сорина и Павла Кунца палачи побросали в душегубку и отвезли за город...

Беспартийный патриот Дмитрий Митрофанович Языков, работавший до войны в скромной должности заготовителя фруктов на Орловском винном заводе, в захваченном врагом городе был оставлен со специальным заданием. Выполняя его, он сумел проникнуть в самое логово фашистских карателей – стал заместителем начальника сыскного отделения. Правда, Букин невысоко оценивал деятельность своего заместителя, как прислужника оккупантов. На одном из допросов, будучи арестованным, он говорил: «... Языков Дмитрий Митрофанович числился моим заместителем. Это был пассивный человек... Языков был очень пассивным человеком...»

Однако Букин ошибался, ему долгое время было невдомек, что его «пассивный» заместитель довольно активно помогал патриотам.

В августе 1942 года Языков освободил из-под стражи оказавшегося в подвале сыскного отделения руководителя овсянниковской подпольной группы коммуниста Григория Ерохина. Тогда же в сыскное отделение угодили советские разведчики с «Большой земли» Максим Степанович Лузин и Иван Степанович Тихонов, уроженцы села Маслово, что в двадцати километрах от Орла. Максим Кузин в суде по делу Букина об этом случае рассказал: «Нас принял заместитель начальника сыскного отделения Языков, который расспросил нас, кто мы такие и где живем, а потом разорвал какие-то бумаги, имевшиеся у него, и сказал, чтобы я и Тихонов И.С. шли домой... При этом Языков дал нам пропуска, и мы вернулись домой».

В конце сентября 1942 года в деревне Труфаново Орловского района агенты сыскного отделения арестовали группу советских активистов: Василия Власова, Алексея Власова, Ивана Пантюхина и Валентина Позднякова. Все они содержались под стражей в подвалах сыскного от-

деления, а допросы вели следователи гестапо, добиваясь от арестованных признания в партизанской деятельности.

Однажды при обходе камер Языков среди заключенных узнал Алексея Власова, с которым встречался до войны. После этого Языков неоднократно вызывал к себе в кабинет Алексея и говорил ему, что он, Языков, изыскивает возможность и ведет подготовку к тому, чтобы освободить всех труфановских товарищей.

Так как Власовы, Пантюхин и Поздняков содержались «на особом режиме» и опухали от голода, Языков, под предлогом «наколоть дров», поочередно приводил их к себе на квартиру, и жена его, Александра Ильинична, подкармливала узников. В ноябре месяце Языков действительно освободил всю группу труфановцев и выдал им пропуска для прохода домой.

Известны и другие факты, когда Языков освобождал из-под стражи советских патриотов, которым грозила расправа. Вопреки категорическому запрещению Букина, он разрешал родственникам арестованных приносить и передавать в камеры продукты.

О ряде примечательных фактов в отношении Языкова рассказала арестованная после освобождения Орла бывшая картотетчица управления городской полиции Лидия Б., являвшаяся одновременно секретным агентом сысского отделения и имевшая задание выявлять советских патриотов среди руководящих лиц в административных органах оккупантов».

Находясь одно время на связи у Языкова, Б. представила ему донесение о том, что старшиной одной из волостей под Орлом работает коммунист Заикин. Вскоре Заикин куда-то исчез. Б. заинтересовалась у Языкова судьбой Заикина и получила ответ, что он куда-то скрылся, и полиция не может найти его.

Подчиняясь непосредственно полицмейстеру Головки, картотетчица Б. как-то стала замечать, что между Головки и следователем управления полиции Шейко, ярым сторонником оккупантов, возникли серьезные трения, в сущность которых она не была посвящена. Однажды Головки пригласил ее в кабинет и предложил написать в сысское отделение заявление о том, что жена Шейко являлась коммунисткой (это соответствовало действительности – М.М.)

Зная, что Шейко преданно служит гитлеровцам и, будучи сама лояльно настроенная по отношению к ним, Б. отказалась написать такое заявление, тогда Головки пригрозил ей, что донесет на неё в гестапо, как на укрывательницу непригодных для Германии элементов. Видя, что дело принимает опасный для неё самый оборот и, не желая терять доверия Букина, Б. написала требуемое Головки заявление, которое оказалось потом у Языкова. Как заместитель начальника сысского отделения Языков допросил Б. по её заявлению и оформил протоколом.

Эта деталь указывает на то, что Головко, пытаясь избавиться от мешавшего ему приспешника гитлеровцев Шейко, намеревался сделать это, используя заявление Б. через Языкова, который прилагал усилия, чтобы помочь Головко. Однако, оказалось, что Букин и Кох доверяли Шейко больше, чем Языкову и Головко, которые уже были у них на подзрении, и Шейко не тронули.

В ряде документов сыскного отделения полиции, в спешке оставленных Букиным при бегстве из Орла, обнаружены два заявления на имя Букина, написанные рукой Языкова незадолго до его смерти. В этих заявлениях Языков перечисляет около двух десятков лиц, проживавших в городе и указывает, что они являются «преданными сторонниками большевиков», замаскировались и ведут подрывную работу против «германских властей» и «нового порядка».

В действительности, все они были либо активными пособниками оккупантов, либо агентами гестапо. Одни из них потом бежали с гитлеровцами из Орла, других советский суд покарал за совершенные ими преступления в пользу иноземных захватчиков.

Ясно, что Языков имел намерение расправиться с предателями руками самих гитлеровцев, но вскоре погиб сам. Это случилось 7 февраля 1943 года, на рассвете в дверь квартиры кто-то настойчиво забарабанил. Дмитрий Митрофанович вышел на стук и только распахнул дверь, трое гестаповцев выстрелили в него из пистолетов. Тело убитого тут же бросили в кузов автомашины и куда-то увезли.

Убийство заместителя начальника сыскного отделения явилось сенсацией в городе, гестаповцы распространяли и поддерживали слухи, что Языков убит за взятки, которые он якобы «брал с арестованных евреев и большевиков», а среди сотрудников сыскного отделения тайком велись разговоры о том, что он убит за связь с партизанами, и после убийства в доме Языкова найдена запрятанная в фундаменте металлическая банка с донесениям секретной агентуры, которая находилась у него на личной связи, что он скрывал эти донесения от Букина и Коха, предотвращая расправу гестапо над патриотами и сохраняя донесения как вещественные доказательства предательской деятельности авторов этих документов.

Слухи о металлической банке с донесениями гестаповской агентуры, их достоверность не вызывают сомнения, если учесть всю деятельность Языкова на посту заместителя начальника сыскного отделения, завершившуюся его трагической смертью, и характер полученного им специального задания на время пребывания в оккупированном городе.

Истинная причина таинственного убийства Дмитрия Митрофановича Языкова до конца прояснилась после ареста Букина и некоторых его тайных агентов, а также дополнительно собранных материалов. Букин прямо заявил, что Языков убит за связь с партизанами. Одновременно с ним были расстреляны еще 28 советских патриотов. Читатель, конечно,

обратил внимание на то, что Языков убит в тот день, когда гестапо совместно с сыскным отделением Букина осуществляли акцию по ликвидации подпольной организации «Ревком». И сам собою напрашивается вывод, что Языков был активным участником орловского патриотического подполья и до конца исполнил свой долг перед родиной.

Петр Корнеевич Мячин, ранее работавший в органах Советской юстиции, в самом начале оккупации оказался во главе Орловской уездной полиции. Для работы в качестве начальника канцелярии он привлек знакомого ему комсомольца Ивана Сысоева.

Три месяца Сысоев заведовал канцелярией уездной полиции. Это был период выдачи советским гражданам немецких паспортов. В конце 1941 года и начале 1942 года в селах, в окрестностях Орла находилось много советских воинов, попавших в окружение в составе 3-й и 13-й армий Брянского фронта. Выходя из окружения или бежав из плена, они пробирались на восток, искали документы для прикрытия.

Мячин дал указания своему начальнику канцелярии беспрепятственно выдавать офицерам и солдатам Красной Армии немецкие паспорта, как местным жителям. Такое же распоряжение он дал и лицам, занимавшимся выдачей паспортов в волостях на территории уезда. При этом Мячин инструктировал Сысоева и волостных паспортистов, как это делать, чтобы не знали немцы.

В апреле 1942 года Сысоев был арестован гестапо, а вскоре та же участь постигла и Мячина. Как рассказывает проживающая в Орле жена Мячина – Анна Петровна, при аресте её мужа гестаповцы жестоко избили его прямо в квартире, при этом выбили ему зубы.

Через два дня Анне Петровне удалось случайно увидеть мужа в гестапо. Он успел сообщить через решетку: «Принеси мне пальто... Меня не жди, они меня расстреляют, Прощай». На второй день Анна Петровна принесла мужу пальто, но его уже не было... Дежурный жандарм с издёвкой ответил: «Вашего пана отправили зарабатывать большие деньги».

Но как ни неистовствовали гитлеровские палачи, им не удалось подавить сопротивление орловских патриотов. На место погибших героев-подпольщиков вставали новые бойцы, и патриотическая борьба в городе продолжалась до освобождения.

Кровавая трапеза фашистских лётчиков

*Этот очерк – первый из задуманного большого цикла под названием «Из архива Матвея Матвеевича». Начну я его с цитаты из книги Мартынова: «В очерке **«Это было в Орле»**, опубликованном в сборнике **«Герои подполья»**, есть такие строки: «Летом 1942 года вблизи аэродрома был взорван большой склад авиабомб. Кто совершил эту диверсию, пока неизвестно. Но в городе ходили слухи, что это сделали советские военнопленные...».*

Подвиг на аэродроме

Топольсков Михаил
Георгиевич

В 1970 году, когда сборник вышел третьим изданием, в Политиздат пришло письмо от жителя Волгограда Михаила Георгиевича Топольскова. Он писал, что прочитал книгу **«Герои подполья»**, и сообщал, что диверсию на немецком военном аэродроме под Орлом в 1942 году действительно совершили советские военнопленные, и назвал участников этой операции. Вскоре Топольсков сам приехал в Орел. Он побывал на месте событий, многое рассказал и помог раскрыть еще одну страницу героической борьбы советских людей с немецко-фашистскими захватчиками на орловской земле.

...Заместитель политрука роты из 6-й гвардейской дивизии, старший сержант Михаил Топольсков в октябре 1941 года под Мценском попал в плен. Некоторое время он содержался

в орловском сборном лагере военнопленных. В декабре в составе группы в 300 человек был доставлен на орловский военный аэродром. Пленных разместили в дощатых бараках, расположенных вблизи Кромского шоссе. Это и был лагерный пункт на аэродроме.

Здесь Топольсков встретился с Василием Беловым. Они оказались соседями – у Топольскова на спине значился лагерный № 50, у Белова – 51. Узники подружились. Белов рассказал, что он – командир взвода противотанковых орудий, младший лейтенант. Однажды комендант лагпункта унтер-офицер Вилли построил пленных на плацу и через переводчика приказал поднять руки тем, кто имеет специальность сапожника, портного, шорника. Топольсков назвался шорником, Белов – портным. В одном из барakov, по соседству с сапожной мастерской и прачечной, для шорника и портного отвели клетушку. Топольсков ремонтировал хомуты, седла и прочую конскую упряжь, а его сосед занимался портняжным делом.

Белов был человеком немногословным, вдумчивым. Однажды он спросил Топольского:

– Как ты смотришь на то, что наши товарищи на фронте дерутся, а мы тут спокойно чиним фрицам хомуты?

– Знаю, куда ты клонишь, – отозвался Топольский. – Сам не раз об этом думал».

Дальнейший ход событий я перескажу в сжатом виде. Довольно быстро Белов и Топольский познакомились со старшим лейтенантом, артиллеристом Григорием Щербаковым и капитаном Макаровым.

Все четверо были одного возраста и комсомольцы. Они и составили в лагерном пункте ядро подпольной патриотической группы, организатором и руководителем которой стал Белов.

Группа сумела войти в контакт с руководителем обслуживающих аэродром чешских авиатехников инженером Ганцем. Совместными усилиями они обезвредили много авиабомб и установили связь с городским подпольем.

В середине мая 1942 года на аэродроме был уничтожен большой склад авиабомб: группа из 12 военнопленных во главе со старшим лейтенантом Щербаковым совершила эту диверсию ценой своих жизней.

После взрыва гитлеровцы всех оставшихся военнопленных закрыли в бараки, территорию лагерного пункта оцепили эсэсовцы, установили вокруг пулеметы. Потом схватили Белова, Макарова и других подпольщиков. После краткого допроса их расстреляли. Единственному, кому из активных членов подполья удалось уцелеть, – так это Михаилу Топольскому: он, после расформирования лагпункта, в числе оставшихся пленных, попал в Белоруссию. Там Топольский вместе с несколькими товарищами бежал из лагеря к партизанам и дрался с фашистами в белорусских лесах до соединения с частями Красной Армии.

Всё, с чем ты, читатель, только что познакомился, я рассказал тебе (с помощью писателя Мартынова) для того, чтобы ты получил представление, кто же такой Михаил Георгиевич Топольский. А теперь – уже без разъяснений – я поведу речь уже о том, что Матвей Матвеевич не включил в книгу «Фронт в тылу» из поведанного ему подпольщиком и партизаном.

Кровососы

Эта дополнительная информация взята мной из письма, которое Михаил Георгиевич Топольский прислал писателю Мартынову в июне 1974 года. Всё послание – это восемь тетрадных страничек, текст достаточно разборчив, но с большим количеством грамматических ошибок. Полностью его я цитировать не буду, но остановлюсь на таких моментах, которые до настоящего времени нигде в литературе или воспоминаниях не были озвучены. Итак, первый отрывок из письма:

«Матвей Матвеевич! Вы пишете о том, что когда книга (имеется в виду «Фронт в тылу» – А.П.) выйдет в свет, и вдруг кто-то откликнется из наших более 300-от человек, которые находились в лагере военнопленных в том лагере в городе Орле на аэродроме, если кто остался жив, – я был бы очень рад, потому что все мои показания Вам – не придуманные, а факты. Было так, как я от души и сердца рассказал...».

И далее Михаил Топольсков начинает вспоминать историю, о которой в предыдущем письме (или письмах) он не рассказывал писателю. Кстати, когда в 1970 или 1971 году бывший военнопленный и подпольщик приезжал в Орёл, то он вместе с Мартыновым побывал на военном аэродроме, на месте бывшего лагерного пункта. Там до и во время войны находилось четыре здания, в одном из которых и происходили события, подробности которых поведал Михаил Топольсков.

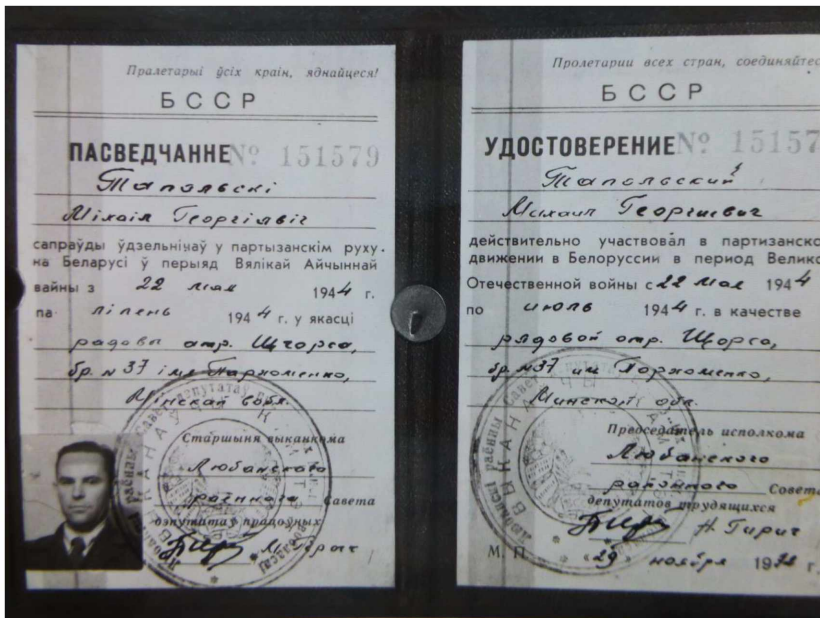
<p>Пролетарии всіх країн, єднайтесь!</p> <p>Інститут гісторыі партыі пры ЦК КП Беларусі – Філіял Інстытута марксізма-ленінізма пры ЦК КПРС ПАРТАРХІУ</p> <p>г. Минск, вул. Чырвонаярмейская, 4/45, тел. 29-32-14</p> <p>№ 6941 <u>20</u> <u>ноябры</u> 19<u>72</u> г.</p>	<p>Пролетарии всех стран, соединяйтесь!</p> <p>Институт истории партии при ЦК КП Белоруссии – Филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПРС ПАРТАРХИВ</p> <p>г. Минск, ул. Красноармейская, 4/45, тел. 29-32-14</p> <p>На В. № _____ 19 ____ г.</p>
<p>Комиссии по выдаче удостоверений партизана Белоруссии при исполкоме <u>Любанского районного</u> Совета депутатов трудящихся <u>Миноской</u> области</p> <p>Копия: <u>Гр-ну ТОПОЛЬСКОМУ М.Г.</u> <u>г.Волгоград, ул.Ломокина, 3, кв.26</u></p> <p>Направляем Вам заявление, архивную справку и 2 фотокарточки гр-н Топольского М.Г. для решения вопроса о выдаче ему удостоверение партизана Белоруссии.</p> <p><u>Приложение:</u> упомянутое на 3 листах и 2 фотокарточки – первому адресату.</p> <p>ЗАВ. СЕКТОРОМ ПАРТАРХИВА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ПАРТИИ ПРИ ЦК КПБ</p> <p><i>Л. Аржаева</i> Л. АРЖАЕВА</p>	

В одном из домов немецкие и финские лётчики отмечали какой-то религиозный праздник. Торжество у них началось с утра, и пировали они до двух или трёх часов ночи (возможно, это было рождество 1941 года – А.П.). Цитирую второй отрывок из письма М. Топольскова: «...Примерно в два часа ночи приходят к нам в мастерскую переводчик Николай и унтер-офицер Вилли и говорят мне: «Михель, собирайся и быст-

ренько». Николай мне говорит: «Пойдёшь с унтером». Я быстренько оделся, и мы пошли.

Идём в эти дома, где живут лётчики, заходим с ним в дом, второй подъезд. Заводит он меня в большую комнату на первом этаже. Немцы были все пьяные, часть – ушли, а часть были в этой комнате. И как мы с Вилли зашли, увидели полное безобразие: стены, полы, потолок – всё облиты кровью. Мне унтер говорит, что как все разойдутся, ты будешь делать уборку этого помещения.

Немцы и финны, лётчики, когда я зашёл к ним, как увидели меня, то начали и по щекам бить, и как кому угодно – все были пьяные. Потом Вилли что-то им сказал, они стали немного помягче, и я после них сделал уборку. И Вилли взял меня обратно в лагерь, и по дороге он мне рассказал, что лётчики пили русскую кровь в честь большого праздника и за победу фашистов...».

Теперь я своими словами продолжу рассказ старшего сержанта Топольского. Унтер-офицер Вилли немного говорил по-русски. Вот он некоторые подробности вампирского пиршества фашистских лётчиков русскому военнопленному то ли с гордостью, то ли с осуждением, то ли с презрением объяснил. Оказывается, немецкий врач из лётной части на автомашине съездил в город, к кому-то из начальства, и с его помощью выявил семьи орловчан, у которых имелись маленькие дети 2-4 лет. Под предло-

гом, что им нужно сделать прививки от заболевания, детей доставляли в кабинет врача, и из вен у каждого брали по 50-100 граммов крови. Причём, родителей в кабинет врача не допускали. Так и была собрана эта кровь, которую потом отвезли немецким лётчикам на аэродром.

Пили они её или нет – сам Топольсков не видел, но Вилли за «язык никто не тянул». В конце письма Михаил Георгиевич обращается к Мартынову: *«Неужели из жителей никто не знает, кто-то должен помнить, потому что в Орле население знало ровно на второй день. Утром приходят наши девочки, которые у нас в лагере работали прачками, и одна, Наташа, говорит, что немцы собирают маленьких детей под видом делать им прививки. У кого дети – люди очень переживают...»*.

Эта история, уважаемый читатель, похожа была бы на отрывок из современного фильма ужасов, если бы её не рассказывал очевидец, участник Великой Отечественной войны, подпольщик и партизан, получивший два тяжёлых ранения. Вот фото Михаила Георгиевича Топольска (в партизанах его переименовали, и он писался, как «Тапольский», даже удостоверение партизана Белоруссии ему выдали на новую фамилию – А.П.). Жив ли он в настоящее время, данных у меня нет...

Как гитлеровцы «хозяйничали» в оккупированном Орле

Должны ли оккупанты заботиться о населении захваченных ими территорий? Вопрос, возможно, риторический, а может, и нет, поскольку изредка в российской «демократической» прессе появляются статьи о том, что граждане Советского Союза, из числа находившихся на землях, занятых гитлеровскими войсками во время Великой Отечественной войны, жили вполне себе «сносно» и даже лучше, чем при «сталинском режиме».

«Соль в качестве денег...»

Не буду опровергать данные лжеутверждения своими словами, а представлю читателям «Справку», найденную мною среди документов из архива Матвея Матвеевича Мартынова. Небольшая часть данных из неё была использована писателем в главе «Агитпункты на дому» в книге «Фронт в тылу». Матвей Матвеевич посчитал, что эти сведения достоверны, потому что даны человеком, хорошо знавшим изнутри хозяйственную жизнь оккупированного Орла. Имя его в своей книге исследователь не назвал, но в «Справке» она присутствует – М.П.С-ий.

По всей видимости, документ был подготовлен персонально для писателя Мартынова, когда он только начинал работу над созданием книги о подполье и партизанском движении на Орловщине. Дата её написания – 31 августа 1962 года. Кто такой был автор «Справки» М.П.С-ий, какую роль он «играл» в оккупированном Орле, мне пока выяснить не удалось. Но это обстоятельство не умаляет ценности подготовленной им «Справки», основную часть которой я процитирую для читателя:

«...Хозяйственная жизнь в Орле после захвата его гитлеровцами была полностью парализована: не работало ни одно промышленное предприятие (большинство их вообще было разрушено), прекратилась торговля, Орловский рынок пустовал, хотя комендатурой было объявлено о свободном пропуске туда покупателей и продавцов. Население существовало в первые месяцы оккупации за счёт имеющихся запасов продовольствия, за счёт зерна, которое было принесено со сгоревшего элеватора и за счёт получения продуктов из деревни, получения, базировавшегося на натуральном обмене. В ход шли разные домашние вещи, утварь, особенно большим спросом пользовалась соль, которая в известной мере играла роль денег. Бумажные деньги зимой 1941-1942 годов крестьяне, как правило, не принимали.

Тем не менее, в этот период в Орле был открыт ряд комиссионных магазинов (против теперешнего Сквера Танкистов, в Рядах, в Володарском переулке, на Ленинской). Содержание этих магазинов не всегда преследовало только коммерческие цели, занятие комисси-

онной торговлей, конечно, оформленное соответствующим образом, освобождало от привлечения к дорожным работам. Между тем, уже с начала 1942 года всё трудоспособное, не имеющее работы население, привлекалось к очистке дорог около города от снега, позднее, летом, – к работам по ремонту дорог. Уклонение от работ строго каралось.

Торговые Ряды

Рынок на Левом берегу Оки

«Карамель и мармелад – исключительно для немцев...»

С ноября 1941 года делались некоторые попытки обеспечить служащих организованных в городе учреждений продовольствием. В это время на Ленинской улице начала действовать столовая. Обеды (преимущественно из сои) отпускались по карточкам, которые выдавались учреждениями. Осенью 1942 года для всех работающих был установлен небольшой паёк, для выдачи которого в городе открыли специальные магазины...

Немецким командованием и гражданскими властями принимались некоторые меры для создания в Орле промышленностью. При этом, в первую очередь, преследовались цели удовлетворения нужд армии и сельского хозяйства, остальные соображения (занятость городского населения, удовлетворение его потребностей) стояли на втором плане. Вскорости после прихода немцев стал работать пивоваренный завод (на берегу реки Оки, напротив рынка). Продукция его для нужд населения не предназначалась. Также работал молокозавод (на 1-ой

Посадской улице). Эти предприятия находились в ведении немецкой комендатуры.

Сельскохозяйственная комендатура открыла два предприятия по ремонту моторов и изготовлению запасных частей к ним. Эти предприятия – МТМ №1 (на улице Красина) и МТМ №2 (на улице Горького, это машинно-тракторные мастерские – А.П.). Эта же комендатура имела в своём ведении также кондитерскую фабрику, помещавшуюся на Комсомольской улице, там, где и до войны, и после неё также была кондитерская фабрика. Продукция фабрики (карамель, мармелад) шла исключительно для немцев.

Патент кустаря – ради освобождения от дорожных работ

Для ремонта имеющихся в немецкой армии в очень большом количестве автомашин воинские части, базировавшиеся в Орле, создавали примитивные предприятия – на территории бывшего завода №5, на ликёро-водочном заводе, на Комсомольской площади, рядом с теперешней трикотажной фабрикой и в других местах.

Немец охраняет
Александровский мост

Наряду с этим существовало несколько частных предприятий. В помещении артели «Стандарт» (угол Московской и Герцена), в помещении артели «Точность» (на Советской улице), в помещении бывшей артели «Красная заря» (на берегу реки Оки, угол улицы Розы Люксембург) были созданы металлообрабатывающие предприятия, работавшие для нужд немецкой армии. На Ленинской улице помещалась частная швейная мастерская.

В Орле работало три мельницы: на берегу Орлика (в конце 1-ой Посадской), на Старо-Московской и в конце 1-ой Курской. Мельницы находились в ведении мельничного управления. Помол зерна производился для немецких воинских частей и предприятий, перерабатывалось и давальческое зерно (от сельского и городского населения).

Работало большое количество кустарей-одиночек: сапожников, портных, шапошников, жестянщиков, мастеров по изготовлению детских игрушек и других. Но число выданных патентов превышало число лиц, действительно занимавшихся кустарными промыслами. Многие брали патенты и платили налог только с целью освобождения от общих работ по очистке и ремонту дорог.

«Повозка не пошла...»

В каком же состоянии находилось то, что называется городским хозяйством? Что делалось в части городского благоустройства? Надо сказать, что делалось очень мало. Усилия немецкого командования были направлены на то, чтобы содержать в проезжем состоянии дороги от Орла на запад и к линии фронта, исправлением же городских мостовых занимались в исключительных случаях, когда их состояние препятствовало проезду воинских автомашин. Производилась разборка разрушенных зданий, причём, получаемые при этом щебень и кирпич использовались для дорожных работ.

Городской сад был наполовину вырублен на дрова, такая же судьба постигла многие другие сады и парки (сад «Аквариум» на берегу Орлика, Семинарский сад около железнодорожного техникума). Городской транспорт не работал, за исключением лодочных переправ, организованных частными лицами.

Была попытка пустить по основной городской магистрали (от вокзала по Московской и Комсомольской улицам) по трамвайным рельсам что-то вроде трамвая, большую повозку с двигателем, работающим на жидком топливе, для перевозки пассажиров. Такую повозку делали на МТМ №1, делали долго, но ничего из этого не получилось: повозка не пошла.

«Соппротивление русских людей...»

История с этой повозкой типична для многих мероприятий, проводимых гитлеровцами. Вынужденные работать на организованных оккупантами предприятиях, русские люди не старались дать больше продукции. Работали, лишь бы провести время. Делали вид, что стараются, но толку от такого «прилежания» было мало...

Для примера можно привести машинно-тракторную мастерскую №1 (на улице Красина). Здесь работало несколько десятков человек рабочих, в основном, квалифицированных, по обработке металла. Силами их в пустом здании МТМ было установлено большое количество предварительно восстановленных станков, взятых с орловских заводов. МТМ имела свою электростанцию с газогенераторным двигателем. Однако при такой солидной для того времени технической базе отдача была ничтожной, выпуск продукции (ремонт моторов и автомашин, изготовление и реставрация деталей) в денежной оценке был значительно ниже выплачиваемой заработной платы. Внешне всё выглядело прилично: люди вовремя приходили на работу, находились на своём рабочем месте положенные 8 часов, как будто бы старались больше и лучше сделать, но... делали очень мало. Всегда находились какие-то причины, в силу которых нужного результата не получалось.

Помню (получается, автор «Справки» работал в МТМ №1- А.П.), в мае-июне 1942 года на МТМ работал движок на жидком топливе (до установки газогенераторного двигателя). Ежедневно на пуск этого движка тратилось около двух часов, и занято было на этой работе более 10 человек. В конце концов, шеф (зондерфюрер Тайле – А.П.) признал движок негодным и велел его выбросить.

По этому поводу было много шуток, говорили, между прочим, что движок попал в какое-то частное предприятие и там безотказно работал...

На МТМ было организовано производство поршневых колец – масляных и компрессионных, однако при этом брак колец достигал недопустимо высоких в нормальной обстановке размеров.

Много рабочего времени тратилось на изготовление разных предметов для личных нужд, особенно зажигалок. Делалось это, конечно, потихоньку от шефа.

Анти-немецкие настроения среди рабочих поддерживались нашими листовками, которые каким-то путём часто проникали в МТМ, особенно, – в конце зимы и весной 1943 года. Обычно говорили, что кто-то из рабочих подобрал сброшенные с самолёта где-то на окраине города. Сначала листовки осторожно передавались из одних надёжных рук в другие, а потом народ осмелел. Помню случай, когда в феврале 1943 года в механическом цехе одну листовку читали вслух. Помимо листовок были и другие источники информации о положении на фронте.

МТМ №1 не являлось каким-то исключением, положение дел на ней было типично для всех предприятий Орла в период оккупации. Всюду проводимые гитлеровцами мероприятия наталкивались на серьёзное (как правило, скрытое) сопротивление русских людей».

Этими словами заканчивается «Справка», уверен, важный документ для характеристики жизни и деятельности орловчан в долгие 22 месяца фашистской оккупации.

«Воспоминания» доктора Турбина

Осенью 1964 года в Приокском книжном издательстве 30-тысячным тиражом вышла в свет книга под названием «Подпольный госпиталь». Её авторы – Матвей Мартынов (ветеран органов КГБ, исследователь) и Аркадий Эвентов (журналист) впервые рассказали широкой публике о подвиге врачей и сотрудников так называемой «русской больницы», которая существовала в городе Орле весь период фашистской оккупации.

«Русская больница»: история ежедневного подвига

Интересна история этой больницы. Когда 3 октября 1941 года Орел был захвачен гитлеровскими войсками, в окружном военном госпитале оставалось 550 тяжелораненых бойцов, командиров и политработников Красной Армии, которых не успели эвакуировать в тыл. Примерно такое же количество раненых находилось в других, более мелких госпиталях Орла.

Гитлеровцы, заняв город, немедленно выбросили из лечебных учреждений всех советских раненых и заняли помещения под свои лазареты. Наши врачи, с помощью медицинских сестер, санитарок и добровольных помощников из числа местных жителей, собрали раненых в областную больницу. Здесь в это время находилось небольшое количество больных горожан и колхозников, несколько врачей, медсестёр и санитарок. 5 октября 1941 года, на общем собрании медицинских работников госпиталя и медперсонала областной больницы, главным врачом избрали В.А. Смирнова, начальника армейской госпитальной базы – как старшего по званию и должности среди военных. Врач А.А. Беляев стал его заместителем по лечебной части. С этого момента вновь созданное на базе остатков областной больницы и окружного военного госпиталя лечебное учреждение получило название «русская больница».

22 месяца, в тяжелейших условиях оккупации, её врачи и медперсонал совершали ежедневные подвиги, спасая жизни советских раненых воинов и оказывая медицинскую помощь гражданскому населению Орла.

Когда наши части вошли в освобожденный город, «русская больница» передала командованию свыше 200 солдат и офицеров, а прибывший сюда представитель воздушной армии принял 22 боевых летчика. Большинство из них вскоре отбыло на фронт – громить ненавистных фашистов.

Деятельность персонала «русской больницы», действовавшей в условиях оккупации, получила высокую оценку главного хирурга Красной Армии Н.Н. Бурденко, который прибыл в те дни в город Орел. Многие из врачей и медсестёр впоследствии были удостоены государственных наград за подвиги, совершённые в подполье. На здании областной больницы (бульвар Победы, 10) появилась мемориальная доска с надписью «Здесь, в период фашистской оккупации Орла, был создан подпольный госпи-

таль. Врачи – Смирнов В.А., Гусев Б.И., Протопопов С.П., Беляев А.А., медсёстры Алешина В.А., Шевлякова А.П., Сырцева Н.И., Зайцева И.А. и др. патриоты спасли около тысячи советских воинов».

К сожалению, в приведённом перечне нет имени человека, который 22 месяца был одним из главных действующих лиц «русской больницы». Не оказалось его фамилии и в книге «Подпольный госпиталь».

Владимир Иванович Турбин

Владимир Иванович Турбин был настоящим верующим, православным человеком, к тому же – принявшим монашеский постриг, хотя и продолжавшим жить «в миру», что совсем не приветствовалось в те годы. В 1960 году в «Орловской правде» его, за веру в Бога, фактически облили грязью некие анонимы. К моменту выхода в печать книги Мартынова и Эвентова эта статья под названием «Ложь, шитая белыми нитками» ещё не была забыта. Скорее всего, именно по этой причине выдающийся инфекционист, заведующий отделением

Областной больницы с 1932 года Владимир Иванович Турбин не стал героем первой книги М.М. Мартынова об орловском подполье.

Но уже в 1976 и 1981 годах, когда двумя изданиями публиковался главный труд жизни исследователя – «Фронт в тылу», Матвей Матвеевич в главе «Свободная территория в оккупированном городе», посвящённой «русской больнице», несколько тёплых предложений посвятил доктору Турбину и его подвигу.

Впоследствии о Владимире Ивановиче написал очерк и снял замечательный, душевный документальный фильм его тезка – тележурналист ОГТРК В.И. Переверзев. Так что имя доктора Турбина вернулось к нам, вроде бы, в полном объёме. Но на той самой мемориальной доске областной больницы оно по-прежнему не значится, и это большое упущение, которое надо исправлять.

И ещё одно дело, которое, я уверен, надо обязательно сделать – опубликовать вот эти **«Воспоминания доктора Турбина, заведующего инфекционным отделением Орловской областной больницы»**. Они были написаны в 1962 году по просьбе Матвея Матвеевича Мартынова и хранятся в его личном фонде в Государственном архиве Орловской области (ГАОО, ф. р-3976, оп.1, ед.хр.23). Я процитирую их для «Орловского военного вестника» без сокращений, в полном объёме:

«Инфекционное отделение Орловской областной больницы во время оккупации города Орла немцами

В 1941 году инфекционное отделение областной больницы, в котором я работал зав. отделением, имело 140 штатных коек и четыре врача, обслуживающих больных этого отделения.

Когда началась Великая Отечественная война 1941 года, все врачи инфекционного отделения с первых же дней войны были взяты в армию, и только меня, как зав. отделением, оставили «по броне» работать в больнице. В помощники мне назначили детского врача Л.А. Цветкову.

В Орле не было инфекционного госпиталя, и на базе областной больницы было открыто ещё 100 коек для инфекционных больных-военнослужащих, и заведовать этим отделением также было поручено мне.

Таким образом, я должен был обслуживать уже 250 человек больных и работать по 12 часов в сутки.

Когда 3 октября 1941 года немцы внезапно захватили Орёл, то матери больных детей, не считаясь ни с чем, врываются в палаты больницы, хватали своих детей и уносили их; а взрослые больные, которые уже могли ходить, сами убегали из больницы, тем более, что, ввиду частых бомбёжек, одежды больных всегда оставались возле их коек. Таким образом, в инфекционном отделении осталось всего 26 человек русских военнослужащих, больных дизентерией, по состоянию здоровья не смогих убежать.

Немедленно их истории болезни, где было указано, что они военнослужащие, были уничтожены и заведены новые как на гражданских лиц.

Несмотря на строгий приказ немецкого командования, чтобы военнослужащие, находящиеся в больнице, после выздоровления были отправлены в лагерь военнопленных, мы его не выполнили. Когда больные выздоравливали, весь медицинский персонал доставал для них, кто какую мог, гражданскую одежду, и их выписывали из больницы как гражданских лиц. Небольшая часть одежды была в кладовой инфекционного отделения. Одежда эта оставалась после смерти лежавших в больнице людей. Часть моей собственной одежды принёс я; отдал больным и одежду моего брата, который был тогда на фронте.

Кроме того, я собрал часть одежды у моих родственников и знакомых. Одежду для больных доставали также врач Цветкова и сёстры Яичкина и Вашурина. При этом больным давались сведения, где можно было лучше перейти линию фронта, чтобы попасть к нашим войскам.

С первых же дней оккупации весь персонал нашего отделения стал выносить имущество из инфекционного здания, находящего на территории большой больницы, в инфекционные деревянные бараки, чтобы спасти его от разграбления, так как разграбить имущество могли не только немцы, но и часть нашего населения, что и имело место в некоторых пустующих отделениях больницы. Так, например, разграбили больничную аптеку, больничную амбулаторию и прочее. Мы часто сутками не покидали больницы, ухаживая за больными, а также оберегая имущество и самое здание барakov от вторжения

немцев. Мы следили, прежде всего, за целостностью забора, который отделял нас от внешнего мира, так как, если бы забор был разобран, то наши бараки и больные могли бы подвергнуться налёту любой проходящей немецкой части, а немецкие части проходили во всякое время дня и ночи. Кроме того, весь забор инфекционного отделения пестрел надписями на немецком языке, что в этой больнице лежат больные тифом и другими заразными болезнями, и надо было следить за целостностью этих надписей, так как они охраняли нашу больницу от вторжения в неё немцев.

С приходом в Орёл немцев для больницы настали тяжёлые дни. Из многочисленного медицинского персонала осталось только несколько человек: из врачей – я и врач Цветкова Л.А., из мед. сестёр – Бойкина, Яичкина, Вашурина, Семёнова А.П., Хлебникова и три няни.

Позднее врач Цветкова была уволена, а вместо выбывших из нашего отделения сестёр Бойкиной и Яичкиной к нам пришли работать сёстры Юрасова и Филиппович (Теперь я работаю по-прежнему в Орловской инфекционной больнице; врач Цветкова – пенсионерка, её адрес – ул.им. Тургенева, №19).

Медсёстры Бойкина и Вашурина уехали из Орла, Яичкина работает в Орловской инфекционной больнице. Семёнова работает в Орловской областной больнице. Хлебникова – пенсионерка, её адрес: Щепная площадь, №8.

Юрасова работает старшей сестрой 1-ой поликлиники. Филиппович работает в Орловской инфекционной больнице).

Особенно тогда тяжело было с водой. Водонасосная станция была выведена из строя. Водопроводы не действовали, приходилось носить издалека: или с речки или из колодца. Прачечная не работала, и бельё тоже ходили мыть на речку.

Ни топлива, ни света не было. Печи отапливались сучьями, которые мы сами срезали с деревьев, а когда требовался свет, мы зажигали маленькие керосиновые лампочки. Керосин мы приносили из дома, так как достать его было невозможно, и поэтому мы его особенно экономили. Кухня не работала, да и пищу в первое время никто не отпускал. Пищу для больных мы доставали сами, и каждый из нас приносил в больницу, кто что мог.

В конце ноября 1941 года немцы выгнали всю областную больницу с больными и персоналом из занимаемого ею здания, и все отделения этой больницы, несмотря на тесноту, разместились в наших бараках.

Вот тут-то и пригодилось то имущество, которое мы раньше перенесли из инфекционного отделения больницы в наши бараки.

Весной 1942 года все отделения больницы, кроме инфекционного, перешли в освободившееся на Тургеневской улице здание, и в бараках осталось одно инфекционное отделение.

В начале 1942 года у нас стала налаживаться тесная связь между нашим отделением и лагерем военнопленных. Связь эта была установлена через нашу сестру Яичкину (работает в инфекционной больнице) и фельдшеров из лагеря: Чмыхало и Кузьмина, а потом врачи из лагеря Глазунов, Цветков, Гура стали нашими частыми посетителями. Часто консультировал и я их больных. Иногда врачи присылали в наше отделение больных из лагеря, и по указанию этих врачей, переданном через Яичкину и Чмыхало, я должен был присланных к нам больных выписывать раньше или позже положенного по карантину срока.

Я выполнял их просьбу, но не знал и не знаю её причины.

Наряду с этим и сами врачи лагерей военнопленных: Постушенко, Баяндин, Кляус и некоторые другие лечились у нас в отделении.

Наладилась у нас связь с Ф.Н. Огурцовой, которой мы помогали скрывать и кормить партизан, прятавшихся у неё. Когда к Огурцовой приходили с обыском, то партизаны из её погреба перебежали к нам в больничный сад, где и скрывались от немцев. Кроме того, Огурцова временами приходила в больничную кухню, где ей отпускали пищу для прятавшихся у неё партизан.

Старший фельдшер больницы Мотренко и бухгалтер Фадеев слушали тайно советскую передачу и рассказывали нам о том, что делалось на фронте (Мотренко позднее уехал из Орла, адрес его не известен).

За три недели до освобождения Орла ко мне в отделение пришёл врач Гура и просил меня принять из лагеря военнопленных 10-15 человек нетранспортабельных, тяжёлых больных; я согласился их принять, и с этого дня мы стали выписывать продовольствие для большего количества больных, чем их было в больнице в действительности.

Особенно в этом помогла изобретательность завхоза больницы (бывшего завхоза госпиталя) Петухова М.Н. (после войны он умер).

Через несколько дней под руководством врача Гуры к нам из лагерей доставили больных, но уже не 10-15 человек, а 65 человек.

Все они, только лётный и командный состав, так называемые больные, были помещены в инфекционное отделение. Старший врач нашей больницы В.А. Смирнов знал о доставке больных в инфекционное отделение и не препятствовал этому.

На всех прибывших больных мною были составлены ложные истории болезни, и больным было строго приказано не вставать с постели, так как была постоянная опасность проверки больницы со стороны немцев. Кроме этих 65 человек, в отделение было положено ещё 17 здоровых мужчин призывного возраста, преимущественно, жителей города Орла. Из них, лежали Святитский М.П., работник облфинотдела (2-я Курская, №98), врач Дмитриевский, Гасиловы, отец и сын, часовые мастера (1-я Коммуна, №5), сын санитарки боль-

ницы Петрухиной, он же и родной брат работницы союза Медсантруд Мурзиной и другие.

Вместе с Гура скрывались у нас ещё пять человек из лагеря. Сам я в течение полутора месяцев жил в больничной дезокамере, ни на минуту не покидая больницы.

При освобождении города Орла скрывавшиеся у нас в отделении были переданы нашему командованию.

На протяжении всего времени оккупации города Орла немцами инфекционное отделение было всё время заполнено также больными и из гражданского населения. Особенно много было больных сыпным тифом и дифтерией.

Врач (подпись) Турбин

14 сентября 1962 года».

Владимир Иванович скончался через 10 лет после написания этих «Воспоминаний», – 22 апреля 1972 года. Книги М.М. Мартынова «Фронт в тылу», где впервые было рассказано о его подвиге, доктор Турбин так и не увидел.

Мемориальная доска на здании больницы имени МОПРа

О воздушном стрелке Александре Гомзикове и его товарищах

Вторая половина 1942 года – один из самых тяжёлых периодов в истории Великой Отечественной войны. 28 и 30 июня 1942 года немецкие войска, двумя последовательными ударами, прорвали нашу оборону на стыке 13-ой и 40-ой армий Брянского фронта, 21-ой и 28-ой армий Юго-Западного фронта и устремились в общем направлении на Воронеж и Старый Оскол.

«Самолёт в горящем состоянии упал на улице Пятницкой...»

Гитлеровцам в районе Семилук удалось переправиться через Дон и выйти к Воронежу, спустя несколько дней заняв большую часть города, расположенную на правом берегу реки Воронеж. Однако дальше немецкой группировке продвинуться не удалось. Войска только что образованного Воронежского фронта, ведя тяжёлые кровопролитные оборонительные бои, сумели остановить противника и не дали ему переправиться на левый берег.

Большую роль в ликвидации прорыва играли авиаполки советской авиации дальнего действия. С 5 по 31 июля 1942 года не было ночи, когда бы немецкие войска и переправы в районах Курска, Щигров и Воронежа не подвергались жесточайшим бомбардировкам. АДД произвела здесь 1246 самолёто-вылетов. Тридцать два раза наши летные экипажи наносили сокрушительные удары с воздуха по вражеским эшелонам и на железнодорожном узле Орел, через который шли подкрепления к фашистам, затрудняя перегруппировку сил противника на главном направлении.

Одновременно наши экипажи уничтожали немецкие самолеты на аэродромах базирования в районах Брянска, Курска, Орла.

Я рассказал тебе это, читатель, для того, чтобы ты понял, как и почему ночью 5 июля 1942 года оказалось над Орлом звено наших тяжёлых бомбардировщиков ИЛ-4 из 42-ого дальнего бомбардировочного полка 36 авиадивизии дальнего действия. Три самолёта с грузом бомб на бортах, взлетев с аэродрома под Ярославлем, получили задание «разбомбить и уничтожить скопление вражеских эшелонов на железнодорожной станции Орёл». Однако уже в момент появления над городом бомбардировщики были «пойманы прожекторами» гитлеровских средств ПВО и подверглись сильнейшему огню зенитной артиллерии. Все самолёты были сбиты. О двух бомбардировщиках и членах их экипажей (9 человек, поскольку на одном из «Илов» отправились на задание пятеро – А.П.) до сих пор ничего не известно.

Я поведу речь о третьем самолёте, под управлением лётчика, старшего лейтенанта Бориса Варламова. Один из членов его экипажа, воздушный стрелок-радист, старший сержант Александр Гомзиков, остался жив. Благодаря его воспоминаниям, сохранившимся в архиве М.М. Мартынова, стали известны некоторые подробности той трагической ночи. Вообще-то, существует несколько отличающихся друг от друга версий, описанных в литературе, но я остановлюсь только на рассказе самого Александра Гомзикова:

1. Александр Гомзиков
(фото 1941 года, из книги
Подпольный госпиталь)

«...Наш самолёт в горящем состоянии упал на улице Пятницкой города Орла. Я и ещё один из лётчиков спаслись на парашюте, а остальные двое погибли вместе с самолётом. Я до рассвета скрывался в огородах на этой улице, но на рассвете меня обнаружили. Я решил живым не сдаваться в фашистский плен. В этот момент меня тяжело ранили в обе ноги

разрывными пулями. В тяжёлом состоянии меня поместили в лагерь военнопленных. А потом, как без гарантий на жизнь, меня перенесли на операцию в городскую больницу г.Орла, где я пролежал на положении эвакуированного вместе с гражданским населением год и 2 месяца...».

Сергеевы с улицы Сакко и Ванцетти

Дальнейшую судьбу Александра Гомзикова описали в документальной повести «Подпольный госпиталь» Матвей Мартынов и Аркадий Эвентов (о ней я рассказывал в номере «Орловской среды» от 28 февраля – А.П.). Раненого лётчика прооперировали, а потом больше года врачи и медсёстры больницы делали всё, чтобы фашисты забыли о его существовании и не беспокоили допросами.

Поскольку находившихся в «Русской больнице» больных оккупанты кормить не собирались, то заботы об их питании взяли на себя сотрудники – замечательные люди и патриоты, которым очень существенную помощь оказывали местные жители, по мере своих сил и возможностей снабжавшие раненых, чем могли.

Александр Гомзикову, как только с ним можно было общаться, стали приносить продукты отец и дочь Сергеевы из дома №10 по улице Сакко и Ванцетти (бывшая и нынешняя Карачевская). Иван Сергеевич и Нина приходили к лётчику еженедельно, а то и по несколько раз в неделю. Благодаря их заботам он смог поправиться после операции – ведь

нормальное питание было чрезвычайно важно. Почему Сергеевы привели именно Гомзикова? Всё просто: сын Ивана Сергеевича и старший брат Нины – Владимир – учился в Орловском аэроклубе, а после приближения фронта к Орлу был эвакуирован вместе со всем составом клуба в Сталинград. Сергеевы считали, что он уже где-то летает, потому их так тронула история со сбитым бомбардировщиком и раненым лётчиком. Помогая ему, они делали это словно для собственного сына и брата. О Сергеевых в повести «Подпольный госпиталь» Мартынов и Эвентов написали много тёплых слов.

Сергеевы - Иван Дмитриевич, Татьяна Дмитриевна (слева) и Нина (в центре)

Старший сержант Гомзиков потом, уже после освобождения Орла, когда его переправили в тыловой госпиталь в Тулу, где должны были сделать ещё одну операцию на ноге, начал писать письма семье Сергеевых, рассказывая о себе и своих товарищах, передавая приветы своим спасителям, поддерживая их словами по поводу так и не подавшего с фронта ни одной весточки и пропавшего без вести Владимира Сергеева.

Всего этих писем, хранившихся в архиве Матвея Матвеевича Мартынова, а ныне оказавшихся в моём распоряжении, – шестнадцать. Первое из них Александр Гомзиков отправил из Тулы в Орёл 27 августа 1943 года, а последнее послание относится уже к послевоенному времени – 19 марта 1946 года, когда бывший стрелок-радист был вчистую комиссован и возвратился в родную деревню Теребаево Никольского района Вологодской области.

Я процитирую отрывок из первого письма воздушного стрелка Сергеевым: *«Добрый день, здравствуй, дорогой Иван Сергеевич! С низким к тебе приветом Сашка Гомзиков. Иван Сергеевич, прости, что долго ничего не писал (прошло три недели с момента отправки его из Орла в Тулу – А.П.). Оправдываться, конечно, не буду, но не позволяла обстановка. В настоящее время нахожусь в госпитале, здесь мне сделают операцию, доктора, по рассказам больных, очень хорошие...».*

Все последующие 15 посланий Сергеевым спасённый лётчик всегда начинал со слов «Дорогой» и «Дорогие»: столько заботы о нём во время пребывания в «подпольном госпитале» проявила семья Сергеевых, столько благодарности накопилось за это время в его душе.

Четверо из одного экипажа

Из всего экипажа сбитого ИЛ-4 один Гомзиков оказался таким везучим. Штурман, старший лейтенант Василий Абрамов, и воздушный стрелок, младший сержант Александр Соколов, погибли, по всей видимости, ещё в воздухе – их расстреляли немецкие зенитчики. Командиру экипажа, старшему лейтенанту Борису Варламову удалось благополучно и незаметно для гитлеровцев приземлиться. Потом он несколько дней, ночами, пробирался к линии фронта, но в районе Мценска 10 июля 1942 года был схвачен фашистами и направлен во 2-ой лагерь военнопленных советских лётчиков (он находился в польской Лодзи – А.П.). В сохранившейся карточке военнопленного Борис Варламов значится в ней под №654, данные о его смерти отсутствуют, и дальнейшая судьба командира экипажа ИЛ-4 не прослеживается.

Что касается Александра Гомзикова, то благодаря сохранившимся его письмам в Орёл известно, что те самые ранения разрывными пулями оказались очень тяжёлыми, и даже повторная удачная операция в тульском госпитале не избавила его от всех последствий. Путь в небо для воздушного стрелка-радиста стал невозможен. Некоторое время после выписки Гомзиков служил в одной из тыловых частей, а потом был комиссован по инвалидности и возвратился на родину, в Никольский район Вологодской области.

По окончании Великой Отечественной войны, в июне 1945 года, старший сержант из 2-ой эскадрильи 42 дальнего бомбардировочного авиаполка Александр Дмитриевич Гомзиков был награждён орденом Красной Звезды, а в 1985-ом, к 40-летию Победы – удостоен ордена Отечественной войны I степени.

Останки его погибших товарищей, Василия Абрамова и Александра Соколова, из первичной могилы на одном из огородов местного жителя на улице Пятницкой, по инициативе Матвея Матвеевича Мартынова, были перенесены в 1965 году на Воинский мемориал Троицкого кладбища города Орла, где их перезахоронили с воинскими почестями. В 2010 году вместо одного общего памятника здесь было установлено два отдельных – В.И.Абрамову и А.В.Соколову.

Имена погибших лётчиков, по предложению М.М.Мартынова, были увековечены в городе Орле: Ливенский переулочек в октябре 1965 года переименовали в переулочек Абрамова и Соколова. А с сентября 1971 года он стал улицей под тем же названием.

И в заключение – отрывки из последнего по времени (19 марта 1946 года) письма Александра Гомзикова семье Сергеевых: «...Вы мне, Иван Сергеевич и Татьяна Дмитриевна, – самые близкие и дорогие люди. И если бы вы приехали, то я бы считал большим для меня счастьем по-видать всех вас. Возможно, проезд скоро будет свободный, и я к вам приеду в Орёл...

Здоровье моё, несомненно, стало много лучше. Нога, правда, в левом тазобедренном суставе не сгибается и короче на два сантиметра – вот и все следы войны. Пенсию (по инвалидности, III группы – А.П.) получаю 240 рублей. Продукты у нас дороговаты: хлеб – 500-600 рублей пуд, картофель – 80-100 рублей, масло скоромное – 200-250 рублей килограмм...

Напишите, как восстанавливается Орёл? Приехали ли те девушки, которых угнали в немецкое рабство?».

Абрамов и Соколов (могилы на Троицком кладбище)

Да, Орёл за год с небольшим стал для Александра Гомзикова родным до конца жизни городом, хотя побывать в нём после войны ему так и не довелось. Жаль, что в областном центре нет ещё одной улицы с таким же двойным названием – Варламова и Гомзикова, тогда уж точно память о героическом экипаже ИЛ-4 была бы увековечена полностью...

Трагедия над Большой Гатью

14 марта 2018 года на сайте «Мастера» (и в этот же день – в газете «Орловская среда» – А.П.) был опубликован мой предыдущий очерк об Александре Гомзикове и его товарищах, после которого я намеревался приступить к четвертому рассказу по архивным материалам Матвея Матвеевича Мартынова. Но случились обстоятельства, вынудившие меня изменить намеченные планы. В редакцию газеты «Орловская среда», для которой и задумывался данный цикл, и где очерк появился в тот же день, пришёл один из постоянных читателей, захотевший встретиться с автором и поведать ему другие подробности событий в орловском небе летом 1942 года.

Логвиновы

Моя беседа с ветераном войны и труда Михаилом Ивановичем Логвиновым длилась более часа. Рассказчиком он оказался хорошим, с отменной памятью. Лишь изредка я прерывал или останавливал его для уточнения того или иного момента. Воспоминания М.И. Логвинова я и

Михаил Иванович Логвинов

предложу сейчас читателям в собственном пересказе, добавив в них некоторые факты, найденные мною в других источниках.

Логвиновы – очень популярная фамилия в посёлке Знаменка-Орловская и окрестных деревнях. Многодетная семья Ивана Семёновича и Лидии Андреевны Логвиновых проживала в довоенные годы в деревне Гать, в той её части, что местными звался Большой Гатью. Это старинный населённый пункт, расположенный в двух километрах к югу от Орла, прямо на берегах реки Ока. Мой рассказчик, Михаил Иванович (в детстве, конечно же, Миша) стал третьим по счёту сыном Логвиновых, появившимся на свет в 1934 году.

В 1941 году он пошёл в первый класс Знаменской семилетней школы, успел проучиться две четверти, хотя на западных рубежах уже вовсю поыхала война, и фронт неуклонно приближался к Орлу. Осенью был мобилизован в Красную Армию Иван Семёнович Логвинов, отец Миши, но гитлеровцы в это время уже прорвали наш фронт, и до передовых позиций новобранец так и не добрался. Колонна мобилизованных попала под обстрел наступавших немцев, и не успевшие стать бойцами орловчане (кто остался жив) разбежались, возвращаясь в родные хаты. Вернулся в Гать и Иван Логвинов. С главой семейства было, конечно, легче пережи-

вать оккупационные порядки, ведь надо было кормить большое семейство (9 душ, включая дедушку и бабушку).

Это с трудом, но удавалось: помогали «золотые руки» Ивана Семёновича Логвинова – замечательного мастера по изготовлению и ремонту разнообразной обуви.

Ну а его сыновья и соседские мальчишки даже во время оккупации находили возможности для игр и развлечений. С утра до позднего вечера, если не были заняты помощью взрослым, они носились по окрестностям, часто вплотную подбегая к немецким позициям, оборудованным как в Большой Гати, так и в соседнем посёлке Знаменка.

Зенитки, прожектора и ловушка для бомбардировщика

Здесь, на южных подступах к Орлу, располагались у гитлеровцев зенитные и прожекторные установки, расчёты которых дежурили (особенно ночами) на случай прилёта советской бомбардировочной авиации. Дело в том, что совсем неподалёку, тогда – за пределами Орла (сейчас это территория 909 квартала города), находился немецкий аэродром, на котором в 1942-ом – первой половине 1943 года базировалась часть 2-й группы 51-й истребительной эскадры «Люфтваффе-Ост». На стратегическом объекте немцами (при использовании советских военнопленных) был проведен ремонт и реконструкция взлётно-посадочной полосы. Естественно, аэродром свой немцы тщательно охраняли. Зенитные установки в Гати и прожектора в Знаменке составляли как раз важную составную часть немецких средств ПВО.

Наши самолёты (бомбардировочная авиация) летом 1942 регулярно прилетали на бомбёжку стратегических объектов Орла. В один из заканчивавшихся летних дней, когда на улице уже легла темнота, но пацаны деревни Большая Гать спать ещё не собирались, а продолжали играть и общаться, случилось то самое событие. Точную дату Михаил Логвинов не помнит, только примету: картофельная ботва была уже приличного размера – больше 20 сантиметров.

Со стороны Орла по направлению к Знаменке и Гати послышался тяжёлый, надсадный, постепенно приближавшийся гул. Мальчишки поняли, что летит бомбардировщик, шума моторов которых они уже наслушались до этого достаточно. В Знаменке резко рванул вверх луч мощного немецкого прожектора, который начал полосовать тёмное небо в поисках летящего самолёта.

И вскоре пацаны увидели «пойманный» лучом советский бомбардировщик, который пытался выйти из огненной ловушки, но это ему не удалось. К большому прожектору присоединились несколько штук поменьше, и наш самолёт оказался в перекрестье лучей, словно подготовленная для стрельбы мишень.

Впрочем, так и оказалось. Тут же «заговорили» зенитные немецкие установки с возвышенности в деревне Большая Гать. И стрельба по самолёту пошла непрерывно. Время от времени наши лётчики пытались совершить какой-либо маневр, но единственное, что им удавалось, так

это выскользнуть из внимания малых прожекторов на некоторое время. Большой же луч ни на секунду не выпустил жертву из «своих объятий». Самолёт летел в световом обрамлении, словно закутанный в белый саван: смерть была близко, рядом.

Ни один из лётчиков не выпрыгнул с парашютом. Бомбардировщик, надсадно воя, стал медленно снижаться, опускаясь за деревней Гать. Немецкие прожектористы и зенитчики довели его до самой земли, а одна из очередей прошла прямо вдоль улицы, с которой мальчишки наблюдали за этой трагедией. Пришлось им броситься врассыпную.

Взрыва самолёта примерно километрах в двух от деревни слышно не было, пламени тоже пацаны не увидели. Им было ясно одно: сбитый бомбардировщик упал или, всё-таки, приземлился недалеко от места их наблюдения.

Пятеро на колючей проволоке

Естественно, в ночное оккупационное время к самолёту никто не побежал, но на следующий или через день группа тех же мальчишек, что наблюдала за самолётом, решила добраться до места его падения-приземления. Пошли те, что постарше, и потому 8-летнего Мишу Логвинова не взяли, а вот двое его старших братьев – Сергей (1930 года) и Николай (1932 года) и двоюродный брат Алексей оказались в числе «счастливых».

Перешли ребята вброд речку и добрались до соседнего посёлка, что находился в полутора километрах от их деревни и был известен им как «Второй участок». Об увиденном мальчишки после возвращения рассказали всё Мише.

Двухмоторный бомбардировщик (пацаны в марке самолёта не разбирались, но, очень вероятно, ИЛ-4) не приземлился, а упал, расстрелянный немецкими зенитчиками, на окраине посёлка, рядом с крайним домом из белого камня. Поскольку боезапас лётчики уже использовали по назначению, сбросив бомбы на немецкие объекты в центре Орла, то при ударе самолёт не взорвался, а просто развалился на несколько частей. Но возникшее при этом пламя охватило соломенную крышу стоящего вблизи дома, который мгновенно сгорел вместе с находившейся в нём семьёй местных жителей. Спасся лишь один из детей, который всегда выходил на улицу при появлении самолётов в ночном небе. По слухам, потом от сильнейшего стресса этот парень сошёл с ума, но о его послевоенной жизни ничего не известно.

Лётчиков от удара о землю повыбрасывало из самолёта. Мальчишки увидели пятерых погибших, повисших на колючей проволоке, которая шла по периметру огорода вокруг сгоревшего дома. Подчеркну, ребята увидели трупы пятерых членов экипажа.

В очерке «**О воздушном стрелке Александре Гомзикове и его товарищах**» я писал, что в ночь на 5 июля 1942 года Орёл бомбило звено бомбардировщиков ИЛ-4 из 42 авиаполка 36 авиадивизии дальнего действия. Все три самолёта были сбиты. О судьбе членов экипажа,

в составе которого летал А.Гомзиков, я написал, как и о том, что по поводу двух других самолётов ничего не известно.

Из рассказа Михаила Ивановича Логвинова, свидетеля падения советского бомбардировщика летом 1942 года, с большой долей вероятности, возникает из завесы времени судьба экипажа ещё одного бомбардировщика. Того, на котором отправились на боевое задание пять человек (это иногда бывало): лётчик – младший лейтенант Александр Минаев, штурман (он же – штурман звена) – старший лейтенант Василий Портнов, воздушные стрелки-радисты – старшина Иван Васюхичев и сержант Анатолий Крыленко и воздушный стрелок, сержант Пётр Новиков.

Мальчишкам из Большой Гати летом 1942 года довелось увидеть то, что потом долгие годы мучило и оставалось в памяти теперь уже 84-летнего ветерана Михаила Ивановича Логвинова. Из тех ребят, что наблюдали за расстрелом и падением советского бомбардировщика вместе с ним, в живых уже никого не осталось. Он сам до сих пор не знает, что случилось с телами погибших лётчиков: похоронили их где-либо или нет? Но, возможно, найдутся и ещё свидетели – после прочтения продолжения истории о трагедии лета 1942 года?

Кавалер ордена Трудовой Славы с завода «Дормаш»

Несколько слов в заключение я скажу о моём главном герое. За несколько недель до освобождения Орла немцы большую часть населения деревень вокруг Знаменки погнали в направлении Германии. В их числе оказались и семеро членов семьи Ивана Семёновича и Лидии Андреевны Логвиновых. Дошли они пешком до Белоруссии, с небольшим скарбом и своей коровой, которая не только спасала молоком детей, но и выполняла роль лошади. Кстати, «Зорька» потом благополучно обратно домой добралась.

Возвратились Логвиновы в сожжённую дотла гитлеровцами Гать уже в октябре 1943 года. Жили почти два года в погребе, потом слепили саманную хату. Дети пошли учиться, жизнь продолжилась – пусть бедная, но мирная, без смертей и угроз от оккупантов.

Закончил Михаил Логвинов 7 классов, успел поработать до армии землеустроителем, потом отслужил три года в войсках МВД в Группе Советских войск в Германии.

После демобилизации устроился на работу на завод «Дормаш» и 40 лет «вкалывал» на нём фрезеровщиком, а потом ещё какое-то время – начальником смены в охране. За хорошую работу не раз удостоивался премий и грамот, в 1980 году стал кавалером ордена Трудовой Славы III степени. Воспитал Михаил Иванович вместе с женой сына и дочь, дождался внуков и уже пятерых правнуков. Несмотря на солидный возраст, всегда готов прийти близким на помощь.

Но успевает ветеран Логвинов быть в курсе событий в мире, России и на Орловщине. А война для Михаила Ивановича остаётся вечной занозой в сердце. И вынуть её, чтобы не оно болело, не получается...

Спасённый в Орле, он погиб под Варшавой

29 сентября 1943 года жителю Орла И.С. Сергееву, в его в восьмую квартиру дома №10 по улице Сакко и Ванцетти, пришло письмо, которое стало для адресата приятной неожиданностью. Я процитирую большую часть этого послания:

Ивану от Ивана

«Здравствуйте, Иван Сергеевич! Передаю Вам пламенный привет и желаю успехов в жизни. Я нахожусь в госпитале вместе с Сашей, но Костя не с нами... Успехи в лечении у меня хорошие, можно сказать, швы ещё чувствительны после операции, но хожу без палки и костыля.

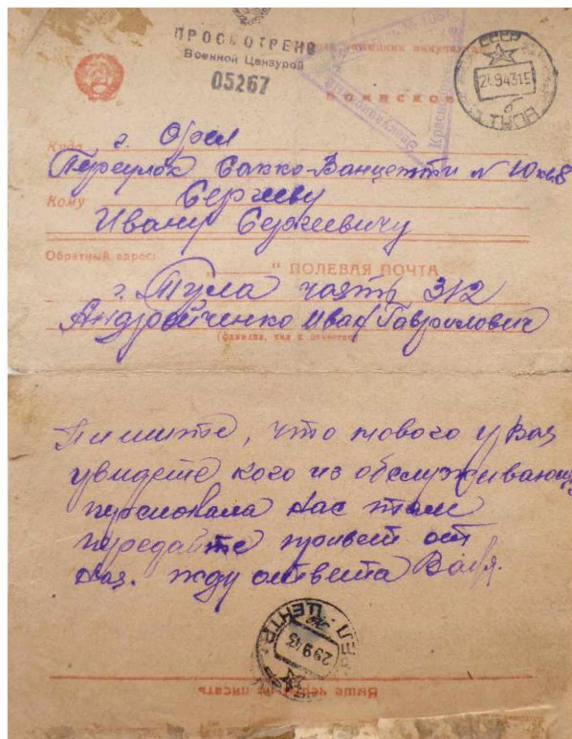
Надеюсь закончить лечение дней через двадцать и пойти в часть, чтобы начать громить фрицев с воздуха, по-гвардейски штурмовать.

Благодарим Вас за Вашу заботу, привет и от Кости, надеюсь увидеть его и скажу ему. Пишите, что нового у Вас. Увидите кого из обслуживающего персонала, тоже передайте привет от нас. Жду ответа. Ваня. 22 сентября 1943 года».

Об Иване Сергеевиче Сергееве и членах его семьи, сыгравших большую роль в жизни воздушного стрелка-радиста Александра Гомзикова, я писал в «Орловской среде» 14 марта. А теперь пришла пора рассказать о судьбе ещё одного лётчика, находившегося в том же «подпольном госпитале» и спасённого совместными усилиями врачей и жителей Орла.

Имя его – Иван Андрейченко, и он – автор письма, которое я только что выше процитировал. Украинец по национальности, Андрейченко родился на хуторе Новоольховский Куйбышевского района Ростовской области. После окончания школы Ивана в 1937 году призвали в Красную Армию. Закончил он военно-авиационное училище, получив звание младшего лейтенанта, налетал какое-то количество часов, но с началом Великой Отечественной войны на фронте оказался не сразу, зато попал в настоящее «пекло».

Его 313-ый штурмовой авиаполк в марте 1943 года был переименован в 79 гвардейский ШАП и в том же месяце направлен в Действующую Армию. Боевые вылеты лётчиков полка начались с 6 мая, когда развернулась крупная операция, проводившаяся Военно-Воздушными Силами Красной Армии, с целью уничтожения немецкой авиации на аэродромах и в воздухе, срыва железнодорожных перевозок и дезорганизации автодвижения. Предполагалось, что в результате бомбардировок удастся нарушить планомерную подготовку противника к предстоящим боям и облегчить завоевание господства в воздухе в первый день немецкого наступления. К операции привлекли авиацию шести фронтов.

«Их оставалось только двое из восемнадцати ребят...»

6 мая 1943 года лётчики 2-ой гвардейской штурмовой авиадивизии (79-ый и 58-ой штурмовой авиаполки) совершили первый налёт на фашистский аэродром «Орёл-Центральный» (район современного 909 квартала Орла – А.П.). ИЛ-2 – в целом хороший самолёт, предназначенный для уничтожения живой силы и техники противника, но его одноместный вариант был очень уязвим для истребителей противника, которые часто сбивали наши «летающие танки», заходя со спины.

В 79-ом гвардейском штурмовом авиаполку ИЛы-2 были как двухместные, так и одноместные. И первый же их боевой вылет привёл к большим потерям. 6 мая 1943 года не вернулись с боевого задания сразу пять экипажей 79 гвардейского штурмового авиаполка. Гвардии лейтенанту, пилоту Ивану Андрейченко, в тот день посчастливилось: он возвратился на свой аэродром «Курск-Восточный».

Вылет 7 мая на бомбардировку немецких аэродромов «Орёл-Центральный» и «Хмелевая», расположенного недалеко от Орла (Кром-

ское направление) оказался ещё более трагическим для всей 2-ой гвардейской штурмовой авиадивизии. На боевое задание вылетели в тот день 12 экипажей ИЛ-2 от 58-ого и 79-ого гвардейских ШАПов. 11 экипажей (11 лётчиков и семь воздушных стрелков) не вернулись: их самолёты были сбиты немецкими истребителями или огнём вражеской зенитной артиллерии. Подавляющее большинство пилотов и воздушных стрелков с этих штурмовиков погибло. Из 18 человек в живых остались двое.

Лётчик, гвардии лейтенант Николай Сафронов, выпрыгнувший с парашютом, приземлился в районе деревни Азаровка Свердловского района (недалеко от станции Змиёвка – А.П.), на оккупированной территории, и попал в плен. Пройдя через три фашистских лагеря в Польше и Германии, он был освобождён нашими войсками 5 апреля 1945 года. Сотрудничеством с гитлеровцами Николай Сафронов себя не запятнал, и после трёхмесячной проверки в специальном лагере НКВД в городе Бауцен его направили для продолжения службы в 43 запасном стрелковом полку. Послевоенная судьба этого пилота не известна.

Сумел выпрыгнуть из своего подбитого штурмовика и раненый в ногу гвардии лейтенант Иван Андрейченко. Где именно он сумел приземлиться, кто ему помог (а это было совершенно точно) потом оказаться в Орле, в «подпольном госпитале» и с какой «легендой», – мы теперь уже не узнаем. В «русской больнице» раненому сумели оказать первую помощь, спасли ему ногу и избавили от назойливого внимания оккупантов.

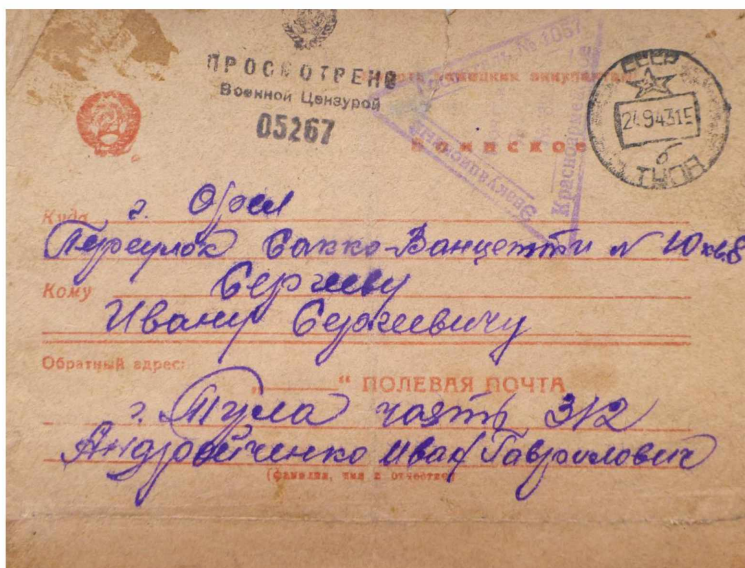
Познакомился здесь Иван Гаврилович с другими лётчиками, которых, как и его, спасали врачи-патриоты и местные жители. Первым оказался как раз Александр Гомзиков, уже почти год к этому времени проводивший в «подпольном госпитале» (это тот самый Саша из письма, которое я цитировал в начале очерка – А.П.), а через 20 дней сюда же привезли ещё одного раненого лётчика – истребителя Константина Синицына (его самолёт был сбит над Орлом 27 мая 1943 года, и о нём тоже есть несколько слов в письме Ивана Андрейченко – А.П.).

Иван Сергеевич Сергеев и его дочь Нина, которые помогали многие месяцы продуктами Саше Гомзикову, не оставили без внимания и попавших в больницу чуть позже других лётчиков. Именно по этой причине, когда после освобождения Орла нуждавшихся в операциях пилотов отправили в тульские госпитали, они писали письма в Орёл своим спасителям.

«Красное Знамя» – на могилу герою

Гвардии лейтенант Иван Андрейченко к марту 1944 года полностью восстановил своё здоровье и был признан снова годным к полётам. Незадолго до отправления в родной 79 гвардейский штурмовой авиаполк он умудрился слетать на полученном новом Иле в Орёл, чтобы повидаться с врачами и обслуживающим персоналом «подпольного госпита-

ля». Стопроцентно не знаю, но наверняка посетил Иван Гаврилович тогда же и семью Сергеевых.

1940

Фамилия: Сароков

2. Имя: Николай

3. Отчество: Андреевич

4. Год и место рождения: 1911, Ульяновской обл. Старо-Гайновский р-н

5. Национальность: Русский

6. Партийность: 21.09.1943

7. Профессия и специальность:

а) военная: Летчик-Штурмовик

б) гражданская: Столяр

8. Последнее местожительство до призыва в армию: Сарковское аэро. гора
Дзержинская 3-я ул. им. Свердлова Комсомольская 16/2

9. Воинское звание: Тб. 1-й

10. С какого года в Красной Армии и каким военкоматом был призван: с 1940 г.
Дзержинский Г.В.К.

11. Когда и где был пленен: 25.12.43 г. под Орлом ст. Зисовка р. Воронка

12. Наименование воинской части, род войск и последняя занимаемая должность: 79 гв. штурм. авиатом. 23 гв. штурм. авиатом. 16 еад аэро. Орел.
Ком. звена штурмовой авиации

А с 17 марта 1944 года гвардии лейтенант Андрейченко уже сражается с противником – вначале лётчиком старшим, а потом и командиром звена 79 гвардейского штурмового авиационного Мозырьского полка (часть получила почётное наименование, отличившись в боях за белорусский город Мозырь – А.П.).

Почти год вынужденного отсутствия в небе не сказались на боевом мастерстве гвардии лейтенанта. Воевать он начал «без раскачки», лихо и уже через 10 дней командир полка, гвардии майор Неделько, написал представление на своего подчинённого – на награждение его орденом Красной Звезды: *«Грамотный лётчик с отличной техникой пилотирования... Им уничтожено и подбито: 2 танка, до 10 автомашин с грузом и солдатами, три зенитных орудия и 2 зенитных пулемёта, одна цистерна с горючим, истреблено до 15 солдат и офицеров».*

Приказ о награждении Андрейченко последовал 22 апреля 1944 года. Это был первый орден гвардии лейтенанта. После этого он продолжал летать так же вдохновенно и результативно.

С конца июня 1944 года лётчики 16 Воздушной армии, в составе которой сражались 2-я гвардейская штурмовая авиадивизия и её полки (в том числе 79 ГШАП), уничтожали живую силу и технику гитлеровцев, участвуя в Белорусской стратегической наступательной операции. В ней снова и не раз отличился Иван Андрейченко, ставший к этому времени гвардии старшим лейтенантом и командиром звена.

11 августа 1944 года командир 79 гвардейского ШАП, гвардии майор Неделько представил его уже к ордену Красного Знамени – цитирую: *«Отличный командир звена, бесстрашный лётчик, летает отлично днём в сложных метеоусловиях... В период Бобруйско-Барановичской операции выполнял самые сложные задачи командования по разрушению укреплённой обороны противника... Участвовал в массированном налёте по уничтожению окружённой группировки юго-восточнее Бобруйска и за период с 23 июня по 5 августа 1944 года произвёл 20 успешных боевых вылетов с полной бомбовой нагрузкой.*

Отважный, тактически грамотный разведчик, как ведущий пар, ходил на разведку в район Глузск, Бобруйск, Ружаны, Рудка-Цехатова. Всегда доставляет ценные сведения командованию о сосредоточении и отходу живой силы и техники противника. Дважды по его разведанным высылались группы штурмовиков на уничтожение живой силы и техники противника.

За 20 отлично выполненных боевых вылета уничтожил: 2 танка, до 15 автомашин с грузом и солдатами, два бронетранспортёра, подавлена зенитная батарея и два орудия полевой артиллерии, истреблено до 30 солдат и офицеров противника...».

Приказ частям 16 воздушной армии о награждении И.Г.Андрейченко орденом Красного Знамени последовал 22 августа 1944 года, когда уже три дня как Ивана Гавриловича не было в живых. Выполняя очередное боевое задание по бомбардировке вражеских позиций в городе Радзымин (Мазовецкое воеводство Польши, в 27 километрах от Варшавы), звено ИЛ-ов под командованием гвардии старшего лейтенанта Андрейченко попало под сильнейший огонь немецких зенитчиков. Все штурмовики были сбиты.

В Тамбов, где в авиагородке проживала жена Ивана Гавриловича, ушла уже вторая за войну «похоронка»: *«Уважаемая Мария Львовна! Ваш муж, гвардии старший лейтенант Иван Гаврилович Андрейченко, выполняя боевое задание, верный воинской присяге, 19 августа 1944 года был сбит огнём зенитной артиллерии противника».*

Спасённый на Орловской земле, спустя 15 месяцев лётчик отправился к месту вечного покоя в Польше – вместе с ещё шестьюстами тысячами советских бойцов и командиров, отдавших свои жизни за братьев-славян.

(Этот очерк написан на основе писем Ивана Андрейченко и Александра Гомзикова из архива Матвея Матвеевича Мартынова, с использованием сведений с сайта «Память народа» – Александр Полюнкин).

Побег из Орла

В книге Матвея Матвеевича Мартынова «Фронт в тылу», в главе «Флигель в дворе», есть один очень любопытный факт, прошедший как-то незаметно для внимания читателей, когда очерки только-только вышли из печати.

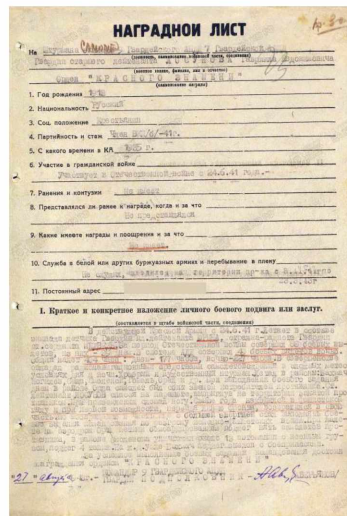
«Оглушили, захватили, улетели...»

Я процитирую небольшой отрывок, чтобы читатель сразу вник в тему: «...В числе вырванных из фашистского плена были лётчик-штурман Гавриил Евдокимович Лосунов и радист Александр Семенович Семиненко, москвич, совсем молодой парень. Семиненко имел тяжёлое ранение в голову. Из лазарета его вывели с ещё не зажившей раной, укрыли на квартире у одной санитарки под видом брата, а на перевязку он ходил домой к Ане Давыденко.

Пока Семиненко выздоравливал, Лосунов, при содействии людей Жореса, устроился работать на аэродром и осторожно «втирался» в доверие к гитлеровцам. Залечив рану, Семиненко оказался вместе с Лосуновым. Однажды они не вернулись с аэродрома. Товарищи потом сообщили Ане Давыденко, что Лосунов и Семиненко, помогая немецкому технику подготавливать самолёт к полёту, оглушили его, захватили машину и улетели к своим.

Гавриил Евдокимович Лосунов

Наградной лист
Гавриила Евдокимовича Лосунова

Теперь установлено, что штурман дальней бомбардировочной авиации, гвардии старший лейтенант Гавриил Лосунов, возвратившись на немецком самолёте из Орла на Большую землю, продолжал воевать. 9 декабря 1943 года он погиб в воздушном бою и похоронен в городе Чугуеве под Харьковом».

Случаи бегства из немецкого плена на вражеских самолётах, хотя и не были частым явлением, но в истории войны хорошо известны. Это, прежде всего, знаменитый полёт десяти советских военнопленных во главе с Михаилом Девятаевым с острова Узедом 8 февраля 1945 года на «Хейнкеле-111».

Достаточно изучен исследователями истории советской авиации и побег, совершённый Николаем Лошаковым и Иваном Денисюком на «Шторхе». Многими он до сих пор считается первым вообще, поскольку произошёл 11 августа 1943 года.

Однако, если информация, приведённая писателем Мартыновым, достоверна, то первым случаем побега из вражеского тыла на самолёте, захваченном у противника, нужно считать именно совершённый Гавриилом Лосуновым и Александром Семиненко.

Радист на связь не вышел

С момента первой публикации книги «Фронт в тылу» прошло уже 42 года. За это время открылись для исследователей ранее недоступные архивы, и некоторые военные тайны перестали быть тайнами, благодаря чему мы узнали много нового о событиях Великой Отечественной войны.

Но с 1981 года (дата второго издания книги Матвея Мартынова) к факту побега из Орла на вражеском самолёте никто из исследователей не обращался. Я попробовал восполнить этот пробел, используя документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации.

Информации, опубликованной Матвеем Матвеевичем, оказалось недостаточно для того, чтобы отыскать хотя бы что-то по одному из героев, молодому парню, *«радисту, жителю Москвы, Александру **Семиненко**»*. Неизвестно, к примеру, его отчество. Я попытался отыскать Александра Семиненко на сайте «ОБД.Мемориал.Ру» – среди погибших и пропавших без вести. Записей с такими фамилией и именем оказалось всего 10 штук, но ни одна из них не подошла к описанным событиям.

Я попробовал перебрать разные варианты фамилии с ошибкой – «Семененко», «Семененков», «Семиненков», «Симоненко» и т.д. и т.п. Результат оказался аналогичным. В наградных документах на сайтах «Память народа» и «Подвиг народа» – тоже ничего не обнаружилось.

8 ноября 1941 года: один из четверых

А вот по другой фамилии – **Лосунов** – удача сопутствовала мне гораздо больше. Возможно, потому, что он писателем Мартыновым был назван лётчиком-штурманом и с отчеством.

К тому же, у второго героя оказались достаточно редкими как фамилия, так и имя. Больше десятка документов на Гавриила Евдокимовича Лосунова выставлены на сайтах ЦАМО. Итак, по порядку.

Гавриил Лосунов родился в 1913 году в посёлке 1-ый Нескучный Бобровского уезда Воронежской губернии. В 1935 году добровольно вступил в Красную Армию. Закончив лётное училище, за год до начала войны оказался в составе только что сформированной 52 авиадивизии (дальнего действия). Три её полка (тяжёлые бомбардировщики) базировались на аэродромах в Орле и Щиграх (Курская область). 51-ый дальнебомбардировочный авиаполк старшего лейтенанта, штурмана звена Лосунова находился в Щиграх, и практически с самого начала войны (с 24 июня 1941 года) он совершает боевые вылеты и участвует в ночных и дневных бомбардировках вражеских позиций в районах Бахмач, Могилёв, Сеца, Смоленск, Орёл и других.

8 ноября 1941 года, выполняя очередное задание по уничтожению вражеской живой силы и техники в районе города Орла, самолёт ДБ-3 под командованием командира звена, старшего лейтенанта Владимира Крючкова, в котором штурманом звена летал старший лейтенант Гавриил Лосунов, а членами экипажа являлись стрелок-радист, старший сержант Василий Матвеев и воздушный стрелок, сержант Валентин Лобанов, был сбит истребителями противника.

Лётчик и оба стрелка погибли (по крайней мере, их нет в списках оказавшихся в плену – А.П.), а вот штурману Лосунову повезло: он сумел выпрыгнуть с парашютом. Правда, приземление завершилось сломанной ногой и пленом, из которого спустя несколько месяцев ему помогли выбраться орловские подпольщики.

«...Возвратился в свою часть»

Матвей Матвеевич Мартынов не называет дату, когда произошёл побег Лосунова и Семеновича на вражеском самолёте, но благодаря *«Именному списку возвратившихся в свою часть с 20 марта по 1-ое апреля 1943 года лиц начальствующего и младшего начальствующего состава 3-ей гвардейской авиадивизии ДД»* (он выставлен на сайте ЦАМО – А.П.), видно, что старший лейтенант, штурман звена 51 ДБП Гавриил Лосунов в свою часть прибыл 23 марта 1943 года, спустя год и четыре месяца.

Если он с товарищем действительно совершил побег на самолёте, то это могло произойти за несколько дней до его прибытия в часть. Есть один момент в пользу версии угона вражеского самолёта. В единствен-

ном наградном листе на гвардии старшего лейтенанта Гавриила Лосунова сказано, что он находился на оккупированной территории с 8 ноября 1941 по 23 марта 1943 года, – прямо по день его явки в родной полк.

Но в этом же наградном листе имеется и опровержение такой версии: «...свыше года находился в фашистском тылу и при первой возможности, перейдя линию фронта, возвратился в свою часть...», то есть, ни слова о побеге на самолёте, а ведь это очень неординарное событие.

Так что вопрос о том, каким образом Лосунов и Семиненко пересекли линию фронта, остаётся открытым. Очень помогли бы в данной ситуации немецкие архивы, ведь угон самолёта – это ЧП, которое точно было зафиксировано в документах гитлеровского авиаполка, базировавшегося на орловском аэродроме.

ИНО СССР
3-й
Гвардейский
Авиационный полк
Полковник
Гавриил Лосунов
001/4 3

Б.х. № 12740 с
Возвратился в свою часть
8.4.43

Начальник штаба 3 Гв.АД
Начальник Центрального бюро учета потерь
на фронте

Москва, 12.4.43

Представляю личный список возвратившихся в свою часть с 20 марта по 1-е апреля 1943 г. лиц начальствующего и младшего начальствующего состава 3-й Гвардейской авиационной дивизии дальнего действия ранее выпущенных в числе потерь:

№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Военное звание	Должность	Дата вступления в часть	Дата выпуска в часть	Дата приема в часть
1.	СЛУГАТОВСКИЙ Константин Григорьевич	Лейтенант	Лётчик 749 авиа-полка дальнего действия	24.11.42	22.3.1943	Лётчиком 9 ГАИ ДД 3 Гв.АД ДД.
2.	Иван Иванович	Младший лейтенант	Штурман экипажа	20.3.43г.	-	Штурманом экипажа 9 ГАИ ДД 3 Гв.АД ДД
3.	ДОЛЕНСКИЙ Григорий Андреевич	Сержант	Вод. стр. радист	-	-	Вод. стр. радистом 9 ГАИ ДД 3 Гв.АД ДД
4.	ЛОСУНОВ Гавриил Авдеевич	Старший лейтенант	Штурман звена 51	23.3.1943	10.12.41	В части на должность не назначался. Подвержен откомандированию в зап. полк для проверки и тренировки.
5.	ГОВАЧЕВ Александр Масаевич	Сержант	Вод. стр. радист	24.11.42	01.37.41	Вод. стр. радистом 10 ГАИ ДД 3 Гв.АД ДД
6.	ТРАВИН Василий Николаевич	Водитель	Водитель	2.12.42	26.3.1943	Штурманом экипажа 10 ГАИ ДД 3 Гв.АД ДД

Нач. штаба 3 Гв.АД ДД – ПОЛКОВНИК
Начальник ОК 3 Гв.АД ДД – МАЮР

отпечат. 3 экз.
и.б.

Список возвратившихся лётчиков

Сразу по возвращении в свою часть Гавриила Лосунова откомандировали в тыл – «для проверки и тренировок», после чего он был вновь восстановлен в рядах Красной Армии (это произошло уже 8 апреля 1943 года – А.П.).

Уже в июне 1943 года в своей прежней должности штурмана он воюет в экипаже младшего лейтенанта Дмитрия Юрина в составе 9 гвардейского авиаполка (бывшего 51-ого – А.П.) 7 гвардейской авиадивизии Дальнего Действия (на бомбардировщике Ил-4). Воюет храбро и умело.

Вот что написал 27 августа 1943 года в наградном листе на Гавриила Лосунова командир 9 гвардейского АПДД гвардии полковник Аверьянов: *«...По возвращению в часть с большей энергией стал выполнять задания командования по разгрому немецко-фашистских войск. При налёте на аэродром Орёл (как будто специально получил задание – А.П.) метким бомбардированием поджёг пять самолётов противника, в районе Смоленска уничтожил около 13 автомашин с военными грузами, поджёг 4 танка. На железнодорожном узле Бахмач поджёг эшелон с боеприпасами...».*

5 сентября 1943 года гвардии старшему лейтенанту Лосунову *«...за успешное выполнение боевых заданий командования»* был вручён орден Красного Знамени.

Прерванный взлёт

После освобождения значительной части Украины аэродром 9 гвардейского АПДД находился в течение нескольких недель в городе Чугуеве (Харьковская область). В начале декабря был получен приказ о перебазировании лётчиков на аэродром Торопа (Тверская область), с тем – чтобы начать интенсивные бомбардировки Хельсинки и вывести из войны Финляндию.

9 декабря 1943 года экипаж ИЛ-4 под управлением гвардии младшего лейтенанта Дмитрия Юрина стартовал с чугуевского аэродрома. В самолёте, в качестве пассажиров, отправились в Торопу ещё четыре человека из числа технического персонала. О том, что случилось дальше, было зафиксировано в «Отчётном докладе о боевой работе частей 7 гвардейской АДД за декабрь 1943 года», в разделе II – «Лётные происшествия», где первым пунктом значилась «Катастрофа» самолёта, в котором летел штурманом Гавриил Лосунов: *«...При взлёте лётчик дал триммер руля глубины на взлёт, в результате чего после отрыва самолёт стал резко набирать высоту, потерял скорость, сделал переворот через крыло, упал на землю и сгорел. Экипаж в составе 8 человек погиб».* Похоронили погибших в братской могиле, рядом с аэродромом.

Так тоже бывало во время войны – без боестолкновения с врагом погибло практически два лётных экипажа. С того времени прошло уже свыше 75 лет, а история о побеге на вражеском самолёте с орловского аэродрома ещё требует полного выяснения всех обстоятельств...

«Белка» в тылу врага

В книге М.М. Мартынова «Фронт в тылу», которая вышла вторым изданием в Туле в 1981 году, одна из центральных глав называется «Разведчики». Написал её Матвей Матвеевич на основании документов разведывательного отдела штаба Брянского фронта и свидетельских показаний, в том числе – и воспоминаний самих участников событий.

Старт давала Гризодубова

Однако далеко не вся информация, касавшаяся разведчиков и имевшаяся в распоряжении писателя Мартынова, вошла в его книгу. Я, с помощью документов из архива Матвея Матвеевича, постараюсь немного восполнить этот пробел.

Мартынов одну из своих глав, как я выше написал, назвал «Разведчики», а между тем, значительную часть этой героической категории наших защитников Родины составляли девушки. Именно на их умения и мужество полагались оперативные работники разведотдела штаба Брянского фронта, отправляя в немецкий тыл небольшие, но достаточно подготовленные группы.

Об одной из таких я и поведу далее речь, сделав это с помощью «Воспоминаний» разведчицы Зинаиды Степановой (Тверитиновой – в замужестве). Она – уроженка Москвы, совсем молодая девушка, которая осенью 1942 года добровольно явилась в райком комсомола, мечтая о службе в Красной Армии. И её направили на курсы радистов.

«...Я готовилась к заданию, изучала шифр, легенду, код, карту, план и приказ. Шифр и код знала только я одна. Приказ был таков: освещать (значит, – собирать) обо всех железных и шоссейных дорогах: Орёл-Брянск, Орёл-Мценск, Орёл-Болхов, Орёл-Кромы, Орёл-Курск; узнать расположение всех немецких штабов, складов, аэродромов...

13 марта 1943 года нас, готовых к заданию (командира разведгруппы Елену Евтушенко, она же – «Роза», и радистку Зинаиду Степанову, она же – «Белка» – А.П.), отвезли на аэродром. Старт давала Валентина Гризодубова (да, та самая легендарная лётчица – А.П.). Лётчиком был майор Богданов, худенький, маленького роста. Он нам с Леной подарил по пульке. Я эту пульку хранила долго. Потеряла после ранения.

Полетели... При подлёте к Орлу наш самолёт поймали прожектора, стали обстреливать. Нам с Леной приказали стоять у люка и, если самолёт подобьют, прыгать. Но наш самолёт удрал, цел и невредим.

14 марта опять полетели. Лётчики захватили с собой бомбы: хотели отомстить за неудачный вылет накануне. И как могло случиться, что лётчик перепутал Орёл с Болховом, и бомбили мы Бол-

хов? Сбросили нас примерно на 15 километров севернее Болхова, у села Гнездилово».

Степанова Зинаида (Белка)

Евтушенко Елена

«Где меньше немцев стоит – там и шли...»

До деревни Прудки в Орловском районе, куда разведчицы по плану должны были попасть, от места приземления оказалось около 80 километров. Тщательно спрятав груз, самой ценной частью которого являлась радиостанция, девушки с разного рода приключениями добирались до назначенного места, дома семьи Дружикиных, двое суток. Командир разведгруппы Лена Евтушенко, в период своего предыдущего пребывания в тылу врага (лето-осень 1942 года), сумела привлечь к разведывательной работе комсомолку Нину Дружикину из деревни Прудки.

Она и встретила разведчиц. Родители Нины тоже были в курсе того, чем занималась дочь, и по мере своих сил помогали ей и её товарищам. В дом Дружикиных регулярно приходили разведчики, и потому очередной визит не стал для хозяев сюрпризом. Переговорив с Ниной и её отцом, Лена и Зина поняли, что им потребуется для возвращения к месту приземления специальный пропуск от местной комендатуры. Но получить его не удалось, и разведчицы, рискуя быть задержанными немецким патрулём, решили отправиться до Гнездилово без пропуска. Взяли в семье Дружикиных санки, переоделись во что похуже, чтобы не привлекать внимания немцев, и – цитирую «Воспоминания Зинаиды Степановой»:

«За грузом мы шли три дня, а обратно – четыре дня. По дороге узнавали, где меньше немцев стоит – там и шли. Шли с пяти утра до шести вечера. На ночь спрашивали разрешения у старшины дерев-

ни, он проверял паспорта, выслушивал нас и давал разрешение, в какой хате ночевать. Жители кормили нас картошкой, а спать мы ложились на печку, так как за день сильно промокали: днём таяло, а мы шли в валенках. Идти было тяжело, особенно – обратно, с грузом...».

Груз – это тяжёлая радиостанция с запасным комплектом питания и продукты, которые девушки понемногу отдавали хозяевам тех домов, где останавливались на ночлег. Седьмой, последний, день похода дался разведчицам особенно тяжело. Лена Евтушенко в кровь растёрла ноги, а Зина на пятке набила мозоль с кулак величиной и сильно обожгла весенним солнцем лицо. В дополнение к несчастьям у них сломались санки, и едва их не заподозрил полицай в очередной деревне. Он уже готовился выяснить, что за груз везут незнакомки, да выручил местный староста, с которым разведчицы разговаривали на пути к Гнездилово. Сани, с разрешения старосты, им починил местный умелец за стакан соли, и, совершенно измученные, Лена и Зина «...к вечеру доползли до деревни Прудки».

У радистки наутро лицо от солнечных ожогов выглядело ужасно: всё заплыло водой, глаза еле смотрели. Спасла Зинаиду мама Нины Дружикиной: она дала ей масло, которым пострадавшая мазала обожжённые места.

Рабочий городок, подвал, рация

Несмотря на боль и проблемы, на следующее утро радистка отправила в центр первую небольшую радиogramму: *«как, где приземлились и что начинаем работать»*. Пока разведчицы неделю отсутствовали, Нина Дружикина связалась с советским резидентом в Орле – Михаилом Пальчиковым (подпольная кличка – «Разгром»). Именно ему была подчинена заброшенная в немецкий тыл группа. У Михаила Пальчикова имелись помощники в важном деле сбора разведывательной информации – родной брат Пётр («Зоркий») и сосед Александр Бредихин («Рыбак» – *«он и на самом деле был рыбаком, многое мог видеть и давать сведения»* – А.П.).

До прибытия разведгруппы с радисткой «Разгром» и его товарищи сумели накопить большой запас важных сведений о немцах, и их надо было срочно передать в Центр, пока информация не устарела.

Михаил Пальчиков после возвращения разведчиц в Прудки встретился с ними и обговорил нюансы их дальнейшей деятельности. Елена Евтушенко должна была остаться в доме Дружикиных, под видом их родственницы, и начать сбор информации.

Зинаиде же предстояло перебраться в Орёл, где на территории Рабочего посёлка жили Пальчиковы со своими семьями. Жёны братьев были в курсе деятельности мужей, помогали по мере возможности, хотя рисковали сильно (у Михаила имелся один сын, Анатолий, а у Петра – трое несовершеннолетних детей, от года до восьми лет – А.П.).

Радиостанцию, замаскировав в железном баке под бураками, братья Пальчиковы перевезли из Прудок в Рабочий городок, где под домом №15, в подвале, было оборудовано место для радистки «Белки». Антенну Пётр Пальчиков вывел в печную трубу, которую обмотал (якобы для прочности) проволокой – она и служила началом антенны. Радиостанцию до и после работы Зинаида прятала под пол, шифровальные рулоны – засовывала в трубу, а все радиограммы после прочтения сразу же сжигала. Записи делала очень редко и только знаками, чтобы при обыске ничего не смогли найти. После выхода из подвала заваливала вход дровами.

Работать Зинаиде приходилось по многу часов, поскольку первое время надо было передать накопившуюся информацию, а потом «село» питание, и процесс передач замедлился. Подвал был холодный, кирпичный, за 4-6 часов работы на «ключе» Зинаида промерзала «до костей», особенно «немели» три пальца правой руки, которые держали «ключ». Приходилось ещё и прислушиваться, не появится ли незваный гость.

Вся работа шла в полутьме, в свете едва тлевшей «коптилки», из-за которой после окончания работы Зинаида выходила на «свет божий» вся чёрная от копоти. Так что приходилось не только отогреваться, но и отмываться, чтобы не вызывать подозрений у соседей и полицаев.

Удалось радистке проработать почти три месяца без «прописки», редко выходя из дома, под видом больной и почти слепой родственницы (носила очки для маскировки – А.П.). Но в мае немцы в Орле начали кампанию по отправке молодых юношей и девушек на принудительные работы в Германию и, во избежание риска, Пальчиковы определили Зинаиду Степанову в деревню Малая Куликовка, где она ухаживала за больной местной жительницей и её детьми. Но основная работа оставалась, потому что сбор разведданных группой «Разгрома» шёл постоянно.

И потому два-три раза в неделю, приготовив всё по дому в Куликовке, Зинаида бегом отправлялась в Рабочий посёлок Орла, садилась за радиостанцию, передавала, прятала и – возвращалась в деревню.

«Разгром» остался не разгромлен

Кажется удивительным, но за четыре месяца работы нашей радистки гитлеровцы не смогли станцию запеленговать. Это произошло из-за одного счастливого обстоятельства. Здесь, на территории Рабочего городка, в 200-х метрах от дома №15, находился немецкий штаб связи, работа раций которого маскировала передатчик «Белки».

Правда, пару раз Зинаиде пришлось поволноваться непосредственно во время передач. Однажды сигналы радиостанции услышал маленький сын Петра Пальчикова, подумал, что где-то подаёт голос птичка, и пытался эту птичку отыскать.

Второй раз верхнюю часть головы Зинаиды (увлекшись, она работала близко к закрытому занавесной окну) увидел проходивший рядом

с домом немец. И решил поиграть – бросил снежком в стекло. Пришлось радистке привстать и принять игру гитлеровца: она встала и, улыбаясь, погрозила немцу. Сама же лихорадочно убирала рацию и шифровальные рулоны. Но ...обошлось.

Группа «Разгрома» благополучно работала до начала наступления наших войск на орловском направлении. Немцам так и не удалось её «разгромить». За пару дней до вступления советских войск в Орёл разведчики, не желая рисковать, ушли из города в направлении линии фронта и благополучно её перешли – вместе с радиостанцией.

Все члены группы были представлены к наградам. Радистку «Белку» наградили орденом Отечественной войны I степени. Четырёхмесячная «командировка» в фашистский тыл стала её первым, успешно выполненным заданием.

По просьбе писателя Мартынова Зинаида Яковлевна Степанова (Тверитинова) в январе 1965 года написала «Воспоминания военных лет», составивших 29 страниц ученической тетрадки. На их основе я и написал этот очерк.

Разведчица Марта

Война – это такая суровая штука, которая очень быстро выявляет сущность любого человека, независимо от его возраста. «Тварь ли он дрожащая» или герой – узнаётся по приближении линии фронта к месту жительства того или иного персонажа.

Из орловской деревни Протасово – в тульский город Ефремов

Анна Чинарёва (Марта)

Жила-была в городе Ефремове Тульской области вполне обычная девушка – «хорошенькая, стройная крепышка», среднего роста, со светло-русыми волосами, большими серыми глазами, тёмными и густыми бровями, пушистыми ресницами и вечно-розовыми губами. Очень милое и всегда улыбающееся лицо Ани Чинарёвой хорошо знали все учителя и очень многие ученики Ефремовской железнодорожной школы, в которой она была заметна как хорошая ученица и активистка-общественница: участвовала в деятельности драматического кружка, играла на гитаре и балалайке, вступила в комсомол и всех на всё организовывала. К лету 1941 года Анне исполнилось 16 лет, она закончила 7 классов

и собиралась учиться дальше, но её планы нарушила война.

Прежде чем я поведу речь о том, что случилось дальше, я скажу несколько слов о семье Чинарёвых, которая оказалась в Ефремове волею судьбы. До 1934 года жило это дружное семейство в деревне Протасовой Покровского района Орловской области. Отец, Александр Поликарпович, был одним из организаторов местного колхоза. Не все из жителей деревни приветствовали это новое явление в жизни страны. Протасовские кулаки однажды подкараулили Чинарёва и пробили ему голову, надеясь «отправить активиста на небеса». Но Александр Поликарпович выжил и вернулся к своим обязанностям.

Тогда те же недруги устроили провокацию по отношению к председателю Чинарёву: его обвинили в краже колхозного зерна. Следовательно оказался честным человеком, и Александр Поликарпович был оправдан. Но оставаться в родной деревне он больше не захотел и вскоре завербовался в качестве плотника на строительство железной дороги Москва – Донбасс. Так в 1934 году вся семья (отец и мать с тремя детьми) оказалась в городе Ефремове, в котором и закрепились Чинарёвы с тех пор навсегда.

Александр Поликарпович работал на железной дороге, жена – в железнодорожной амбулатории санитаркой, а дети – Валя, Миша и Аня (она – самая младшая) – учились в школе. Жизнь шла вполне налажено, но, как я уже написал выше, – всё поменяла начавшаяся Великая Отечественная война...

Красная Звезда – из рук Михаила Калинина

В начале ноября 1941 года ушёл на фронт старший брат Ани – Михаил Чинарёв (он – 1923 года рождения). Семья так и не дождалась от него известий – «пропал без вести» в том же 1941-ом.

Сама же Аня, с приближением к Ефремову фронта, сначала «давала концерты» для солдат, которые оказались в самом городе и на его окраинах. Но этого ей оказалось мало, и спустя несколько дней после проводов брата она через Ефремовский райком комсомола обратилась в военкомат с просьбой отправить её на фронт.

Как Анне Чинарёвой удалось убедить военное начальство в своих способностях – мы уже никогда не узнаем, ведь её возраст – 16 лет – был явно не достаточен для войны. Старшая сестра Валентина отговаривала Аню, но без особого успеха: 4 ноября 1941 года Анна Александровна Чинарёва стала разведчицей разведывательного отдела штаба Брянского фронта и после кратковременного курса обучения приступила к выполнению боевых заданий под псевдонимом «Марта».

О том, что собой представляли эти задания, можно узнать из наградного листа, подписанного начальником разведотдела штаба Брянского фронта полковником Кочетковым 9 февраля 1942 года:

«8 ноября 1941 года Анна Чинарёва ходила в разведку и, вернувшись, доставила данные о направлении движения противника и о расположении танков и пехоты противника в районе деревень Тёплое – Щекино.

20 ноября 1941 года ходила в разведку и доставила сведения о расположении огневых позиций артиллерии и пулемётов.

23 ноября 1941 года ходила на разведку и принесла данные о расположении и численности гарнизона, штаба, артиллерийских огневых позиций и пулемётных точек.

6 декабря 1941 года ходила в разведку и доставила данные о расположении частей штаба.

22 декабря 1941 года ходила в разведку и доставила ценные сведения о направлении отхода противника и об оборонительных работах в тылу. Задачу выполнила отлично.

Наряду со сведениями о войсках противника каждый раз доставляла различного рода данные о действиях немецких оккупантов на временно захваченной ими территории».

Из перечисленных пяти «вылазок» разведчицы в фашистские тылы читатель легко поймёт, что Анна Чинарёва действовала во всех случаях как «маршрутница», которая 10 раз рисковала жизнью при переходе линии фронта (туда и обратно). Большею частью у неё получалось это проделывать бесшумно, но самый первый поход в тыл врага едва не стал для неё последним.

Вот что счёл важным написать полковник Кочетков в наградном листе: *«Во время выполнения задачи 10 ноября 1941 года возле деревни Хомутово Чинарёва Анна Александровна пулемётной очередью была ранена в правую руку и правую ногу...».*

Старшая сестра Валентина увидела младшую вскоре после возвращения её с первого задания: *«...вернулась Аня с простреленной рукой в центре ладони и с большим кроваво-синим синяком на ноге... Белая варежка была полна кровью...».*

Но уже 12 дней спустя Анна Чинарёва *«продолжила ходить в разведку. При выполнении заданий проявляла настойчивость, отвагу и мужество».*

Командир разведотдела штаба Брянского фронта полковник Кочетков закончил своё описание подвигов разведчицы предложением о награждении Анны Чинарёвой орденом Красной Звезды. И 21 февраля 1942 года Военный Совет Брянского фронта, от имени Президиума Верховного Совета СССР *«...за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и отвагу»* наградил разведчицу Марту этим орденом.

В письме сестре Валентине Анна Чинарёва потом написала, что *«дела у неё идут хорошо, что её труды отмечены, что она в Кремле из рук Михаила Ивановича Калинина получала орден Красной Звезды, что Калинин, вручая орден, нежно похлопал Аню по щёчке, сказав: «Ну, розовые щёчки, поздравляю, искренне поздравляю, не война бы, учиться да гулять бы тебе»...».*

«Похоронена с отданием воинских почестей...»

После получения награды Анна Чинарёва прошла переподготовку и из «маршрутницы» превратилась в радистку. В сентябре 1942 года в составе разведывательной группы Анастасии Бородинкиной (псевдоним – «Стрела») она была заброшена в фашистский тыл уже с самолёта. Произошло это в районе деревни Пахомово Орловского района.

Эта заброска оказалась не слишком удачной. Хотя группа собрала важную информацию о противнике, но в течение недели «Марте» никак не удавалось устроиться на жительство, чтобы легализоваться. Долго не получалось и развернуть радиостанцию для проведения радиосеанса. Потом радистку вообще задержали немцы и отвели на одну из дере-

венских квартир с тем, чтобы наутро отправить её в Польшу, на принудительные работы. Пришлось Анне Чинарёвой бежать к своим напарникам и сообщить им о случившемся. Они вместе попытались найти место для радиосвязи, но первая же попытка установить связь с Центром закончилась неудачей: разведчик обнаружил местный полицей.

Анастасия Бородинка
(Стрела)

Вот как об этом в своём отчёте о выполнении задания рассказала Анастасия Бородинка: *«Он свернул по направлению к секретному сотруднику Марте, быстро открыл кусты и спросил: «Ах, вот вы чем здесь занимаетесь!» Тогда мы подошли к полицейу с другой стороны и пригрозили ему гранатами. Я приказала Марте немедленно закончить работу и разбить станцию, что она и сделала. Но унести разбитую рацию не удалось, по дороге постоянно проходили и проезжали немцы». Пришлось разведчицам срочно возвращаться через линию фронта, и на это ушло целых пять дней.*

По возвращении с задания Анна Чинарёва прошла очередную переподготовку, и 11 июня 1943 года она снова была направлена в тыл противника, в район города Карачева, на этот раз – в составе разведывательной группы Владимира Пекарского. В течение 10 дней «Марта» направляла в Центр радиোগраммы с собранной о противнике информацией, а 21 июня её арестовало гестапо. Анну Чинарёву, как выяснилось впоследствии, предала арестованная ранее немцами её напарница. Почти три недели гитлеровцы пытались добиться от радистки хоть каких-то сведений о работе наших разведчиков, но Анна не сказала ни слова. Тогда фашисты её расстреляли.

10 января 1945 года Ефремовский военный комиссар Тульской области отправил в адрес Александра Поликарповича Чинарёва, проживавшего в городе Ефремово, в квартире №2 по улице Пушкина извещение. В нём сообщалось: *«Ваша дочь, красноармеец Чинарёва Анна Александровна, в бою за социалистическую Родину, верная воинской присяге, проявив героизм и мужество, погибла 11 июля 1943 года и похоронена с отдачей воинским почестей в районе м. Хвостовичи. Ефремовский райвоенком, капитан административной службы Морозов».*

Подробности жизни и боевой биографии разведчицы «Марты» – Анны Чинарёвой – я узнал благодаря воспоминаниям её сестры, Валентины Александровны Буценко (Чинарёвой) и документам разведотдела штаба Брянского фронта, находившихся в личном архиве Матвея Матвеевича Мартынова.

Николай Селифонов – один из орловских чекистов

Среди документов, хранившихся в архиве чекиста и писателя Матвея Матвеевича Мартынова, было много писем. Подавляющее их число – от активных участников Великой Отечественной войны, очевидцев событий, оставивших заметный след в военной истории Орловщины. Одним из таких был Николай Иванович Селифонов. В своей книге «Фронт в тылу» Мартынов посвятил ему буквально несколько строк в очерках «Всё для победы» (глава «Тучи над областью») и «Чекисты» (глава «Посланцы Большой земли»), да и то в общем ряду с другими.

«Всё, что от меня зависит...»

Процитирую один из абзацев, где упоминается Н.И. Селифонов (очерк «Всё для победы» – А.П.): *«В организации партизанских отрядов и развёртывании диверсионной работы на коммуникациях противника приняли самое активное участие орловские чекисты. В соответствии с указаниями ЦК партии в начале августа (1941) в составе областного управления НКВД был сформирован специальный отдел. На него возлагалась задача помогать партийным органам в организации и руководстве партизанским движением, проводить разведывательно-диверсионную и другую боевую работу в тылу вражеских войск на территории области. В этот отдел вошел и областной штаб истребительных батальонов.*

*Тогда же была создана оперативная группа, в которую вошли опытные чекисты Георгий Михайлович Брянцев (будущий известный писатель – А.П.), Дмитрий Васильевич Емлютин, Владимир Александрович Костин, Иван Яковлевич Прудников, **Николай Иванович Селифонов** и другие. Возглавил группу Иван Данилов Сидоров».*

В этом небольшом списке последним из пяти чекистов назван как раз Селифонов (Мартынов перечислил здесь своих коллег по алфавиту, а не по степени их заслуг в деле партизанского и подпольного движения – А.П.).

А в очерке «Чекисты» Николай Иванович Селифонов упомянут как участник оперативной группы по проведению так называемой «Кировской операции», во время которой к партизанам Брянских лесов было направлено несколько групп минёров-подрывников, разведчиков и переправлено большое количество оружия, боеприпасов, взрывчатки.

Матвею Матвеевичу Мартынову, по всей видимости, не удалось лично побеседовать с Селифоновым и посмотреть имеющиеся у него уникальные документы (конечно, «нельзя объять необъятное» – А.П.), а между тем, Николаю Ивановичу было что рассказать и показать. Об этом говорит его письмо М.М. Мартынову, написанное 29 мая 1966 го-

да, – в ответ на просьбу писателя рассказать о его участии в партизанском движении на Орловщине.

Орловские чекисты (сидит – И.Д. Сидоров, стоят слева направо – В.И. Суровягин, Н.И. Селифонов и Г.М. Брянцев)

Я процитирую основные моменты этого очень интересного послания:

«...Всё, что от меня зависит и требуется – я готов сделать и оказать Вам посильную помощь, но изложить связно, последовательно и интересно свои воспоминания я не сумею и не берусь за это дело...

Было бы целесообразно лично встретиться с Вами... У меня сохранились подлинные удостоверения, подписанные тов. Фирсановым и секретарём обкома КПСС Матвеевым при переброске меня в тыл врага со специальным заданием (я перебрасывался трижды); небольшое количество партизанских фотографий и чекистов; мандат делегата I партизанской конференции; экземпляр партизанской газеты; а также воспоминания о подготовке в тыл врага разведывательно-диверсионных групп, о борьбе с немецкими разведывательными и контрразведывательными органами, в том числе, «Корюком» (возглавляемым генерал-лейтенантом Бернгардом) и «Виддером» (возглавляемым обер-лейтенантом Шпеером и его подручным Замотиным); о смерти В.И. Суровягина и других чекистов; о проведённой операции над рейхс-комиссаром, бароном фон Грюнером; о советской разведчи-

це, которую, видимо, до сих пор считают немецким агентом; о предателе Латышеве, погубившем многих партизан и нашедшем бесславный конец на виселице, точно так же, как и его хозяин Бернгард (приговор приводил в исполнения я лично, а по Замотину вёл следствие); о переброске на «Большую землю» денежных средств и ценностей и других, возможно, интересных для Вас событиях».

«Лично сам проводил разведку маршрутов...»

Судя по перечисленным моментам, у Николая Селифонова был богатый послужной список, он участвовал во многих известных операциях, происходивших в тылу врага на Орловщине в 1941-1943 годах. К сожалению, в книге Матвея Мартынова эти моменты почти не получили своего отражения. Но на сайте «Подвиг народа» имеется один наградной лист на сержанта государственной безопасности Н.И.Селифонова, из которого можно узнать о некоторых эпизодах его биографии и деятельности в тылу врага в 1941-1942 годах. Протицирую самое существенное: *«Тов. Селифонов в период военных действий назначен оперуполномоченным 3-ого отделения 4 отдела УНКВД. Будучи ещё молодым чекистом, проявил себя смелым, решительным работником.*

С августа по декабрь 1941 года всё время находился в оперативной группе в прифронтовой полосе, организовывал разведку ближнего тыла противника и переправлял через линию фронта партизанские отряды, диверсионные и разведывательные группы (далее они перечислены – А.П.).

Товарищ Селифонов умелой организацией дела переправлял отряды через линию немецкого фронта без единой потери только потому, что организовывал предварительно тщательную разведку местности и лично сам проводил разведку маршрутов и переправлял отряды в тыл противника на 8-9 километров...».

К этому наградному листу были приведены дополнительные данные о боевой деятельности партизанских отрядов и диверсионных групп, переброшенных и организованных Селифоновым. Все сведения о них я приводить не буду, ограничусь одним отрядом «Ш», который за несколько недель уничтожил 12 автомобилей, одну бронемашину с живой силой, 2 танка, взорвал 2 железнодорожных моста, склад с продовольствием, радиостанцию.

Начальник управления НКВД по Орловской области Фирсанов считал деятельность Николая Селифонова вполне достойной для награждения его медалью «За отвагу». Это была первая награда тогда ещё сержанта госбезопасности, за нею последовали и другие (10 орденов и медалей).

А теперь несколько слов по биографии Николая Ивановича Селифонова. Родился он в 1918 году в городе Бежица Орловской губернии (позже – город Орджоникидзград, в настоящее время – Бежицкий район

города Брянска – А.П.). С 15 лет работал слесарем на заводе «Красный Профинтерн», там же и вступил в комсомол. В 1938 году Николай Селифонов как молодой рабочий и активный комсомолец был мобилизован на работу в органы государственной безопасности. Ему было тогда 20 лет. О том, как он работал в годы войны, я рассказывал выше. А вот об одном из важных дел Николая Ивановича после освобождения Орловщины и Брянщины от фашистов, его роли в изобличении генерал-лейтенанта Бернгарда, – стоит сказать отдельно.

О палаче Бернгарде

Бернгард Фридрих Густав, генерал-лейтенант, начальник тыла 2-й танковой армии, затем – комендант 532-го тылового района и начальник тыла 9-й полевой армии, 8 мая 1945 года был взят в плен советскими войсками южнее Берлина.

26 декабря 1945 года его привлекли в качестве обвиняемого к судебному процессу по делу о *«немецко-фашистских зверствах в Орловской, Брянской и Бобруйской областях»*, проходившему в Доме офицеров в Брянске. Для поиска доказательств и свидетелей для судебного процесса была привлечена большая группа орловских чекистов, активных участников партизанского и подпольного движения. В их числе оказался и Николай Иванович Селифонов. На судебном процессе палаческие роли Бернгарда и других подсудимых были доказаны в полной мере.

Это важное событие в конце декабря 1945 года освещала газета «Брянский рабочий». Отрывки из её публикаций я привожу ниже:

«...На суде установлено, что генерал-лейтенант Бернгард, будучи командующим тылового округа 2-й танковой армии, действовавшей в 1941–1943 г.г. на территории Орловской и Брянской областей, неоднократно предпринимал карательные экспедиции против партизан Брянских лесов. Это по его указаниям гитлеровцы отняли жизнь у многих сотен лучших людей нашей области, которые по зову великого Сталина, во имя защиты Родины поднялись на борьбу с врагом. Народные мстители Брянщины никогда не забудут, какие изуверские это были походы фашистских орд: немцы подвергали раненых партизан неслыханным пыткам.

Совершая свои набеги на Брянские леса, части Бернгарда под видом борьбы с партизанами, уничтожали и мирное население, которое, спасая жизнь, покидало свой кров и искало убежища в дремучих лесах. Только за одну облаву в Хинельских лесах гитлеровцы убили около 500 мирных советских граждан, в том числе много стариков и детей. А в Жуковском районе они замучили свыше 900 человек.

Далее на суде было установлено, что по приказу Бернгарда советские граждане насильно угонялись на каторгу в проклятую Германию. Когда было установлено, что донесения об угоне граждан в немецкое рабство подписывал Бернгард, у него спросили:

– Назовите примерное число.

Подсудимый нагло ответил:

– Не помню...

... 30 декабря 1945 года, в 11 часов утра, председательствующий – председатель военного трибунала генерал-майор юстиции А.М. Микляев огласил приговор. В тот же день в 15 часов на городской площади Брянска был приведен в исполнение приговор Военного трибунала округа над приговоренными к смертной казни через повешение немецко-фашистскими злодеями – **Бернгардом Фридрихом-Густавом**, Гаманном Адольфом и Лемлером Мартином-Адольфом за массовое истязание и истребление мирных советских граждан, в том числе детей, женщин, стариков, в Орловской, Брянской и Бобруйской областях».

А Николай Иванович Селифонов, один из тех чекистов, кто не только участвовал в подготовке судебного процесса, но и приводил его приговор в исполнение, прослужил в органах госбезопасности ещё полтора десятка лет.

В 1959 году в звании полковника он ушёл в запас. Жил Н.И. Селифонов в Вологде и работал директором спортшколы. К сожалению, ничего не известно о судьбе его документов и воспоминаний, а ведь они поистине уникальны и многое бы прояснили по истории партизанского и подпольного движения на Орловщине и Брянщине.

В год 75-летия освобождения Орловщины (2018) от немецко-фашистских захватчиков полковнику Селифонову исполнилось бы 100 лет.

О Троснянском партизанском отряде и его героях

Для начала, уважаемый читатель, немного о превратностях географии. Наверняка, ты хоть раз, но слышал знаменитую песню «Шумел сурово брянский лес», в которой речь идёт о не менее знаменитых партизанах. Сейчас мы привыкли к тому, что называем их брянскими, а ведь они таковыми не являлись, потому что не существовало ещё Брянской области (её создадут только в 1944 году – А.П.), и тех партизан называли орловскими.

Брянские, курские, орловские

К тому же, митинг-парад партизанских отрядов после освобождения Брянска советскими войсками прошёл не в нём, а как раз в Орле – 19 сентября 1943 года, и, завершая знаковое событие, по площади Ленина проехал тогда броневик с надписью на борту – «Орловский партизан».

Современная Брянская область располагается к западу от Орла, а вот к югу от него находится Курская, в состав которой, вплоть до 1944 года, входили Дмитровский и Троснянский районы. На их территории действовали с осени 1941 до весны 1943 года одноимённые партизанские отряды, входившие в 1-ую Курскую партизанскую бригаду (сформирована 18.08.1942 года, на 03.03.1943 года насчитывала 2343 человека; командир – И.К. Панченко, комиссар – А.Д. Федосюткин, начштаба – НД. Сотников А.П.).

Дмитрий Григорьевич
Новиков

За время своей деятельности партизаны бригады уничтожили 11000 немцев и их пособников, 118 вражеских бронемашин и танков, подорвали 56 мостов. Бригада контролировала 25 сельсоветов. 3 марта 1943 года Первая Курская партизанская бригада была расформирована, и большая часть бойцов влилась в регулярные части Центрального фронта.

Весь период своих действий в тылу врага эти партизаны, естественно, именовались курскими. Сейчас же наши земляки-краеведы называют их орловскими. Такие вот метаморфозы с названиями.

Троснянскому партизанскому отряду и его героям посвятил несколько страниц своей книги «Фронт в тылу» писатель Матвей Матвеевич Мартынов (глава «Честное пионерское»). Предварительно он написал письма бывшим руководителям троснянских партизан – командиру отряда Влади-

миру Кавардаеву, комиссару Василию Трофименко (они проживали в 60-ые годы в Курске) и начальнику штаба Дмитрию Новикову (в село Рождественское Кромского района).

Дмитрий Георгиевич Новиков отозвался на два письма Мартынова, хотя был настроен вначале скептически:

«Матвей Матвеевич! Мне думается – для того, чтобы написать вполне документальную книгу о патриотах Великой Отечественной войны, нужно иметь много данных, побывать в тех местах, где происходили эти события, побеседовать с людьми, в них участвовавшими, потом суммировать, проанализировать, отобрать всё нужное, вдохновиться и написать от всего сердца. Я сомневаюсь, что у Вас получится что-нибудь серьёзное... Такое мнение высказали и бывший командир партизанского отряда тов. Кавардаев, и комиссар тов. Трофименко. Я дней шесть тому назад был в Курске, и они показывали Ваши письма к ним...».

«Водил, разгромил, ликвидировал, уничтожил...»

В результате ни командир партизанского отряда, ни комиссар так и не ответили писателю Мартынову на его вопросы. А вот начальник штаба Дмитрий Георгиевич Новиков, *«не взирая на протест этих товарищей»*, решил продолжить начатое дело и написал для Матвея Матвеевича достаточно подробные воспоминания о партизанах Троснянского отряда (хотя сам к этому времени задумал собственную книгу – А.П.).

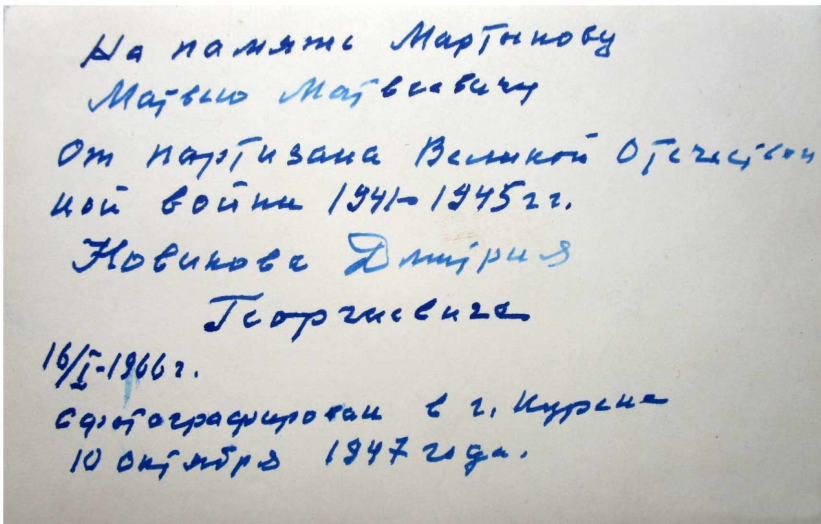
Новиков в данной ситуации проявил принципиальность и, как бывший начальник штаба, оказался по отношению к будущей книге М.М. Мартынова провидцем гораздо большим, чем его товарищи по Троснянскому партизанскому отряду. Наверное, он мог позволить себе это, поскольку, ещё в октябре 1942 года был награждён орденом Красного Знамени за свою боевую деятельность. Вот выписка из его наградного листа (приказ войскам Брянского фронта №121/н от 30 октября 1942 года):

«Новиков Дмитрий Георгиевич, работая со 2 октября 1941 года начальником штаба Троснянского партизанского отряда и с 20 апреля 1942 года одновременно – командиром 1-ой роты, проявил себя как волевой товарищ. Он неоднократно водил свою роту на боевые действия и в результате разгромил: 3 волости, ликвидировал один немецкий гарнизон, уничтожил 4 маслозавода, разрушил 1200 метров связи, уничтожил 17 мостов, устраивал 5 раз засады на полицию и убил 203 немцев и изменников Родины».

Лично товарищ Новиков изготовил и поставил 49 самодельных мин, на которых взорвались 4 немецких танка, 26 автомашин и погибло 173 немецких солдата и офицера. Кроме этого, он взорвал 4 больших деревянных моста, имеющих большое стратегическое значение».

Дмитрий Новиков с дочерьми Галей (в центре) и Розой (10 ноября 1948)

Надпись на фото

Значительную часть полученных от бывшего начальника штаба Троснянского партизанского отряда сведений писатель Мартынов использовал в книге «Фронт в тылу». Но Матвей Матвеевич сделал в ней акцент на героизме молодого поколения – пионеров из села Рождественское Троснянского района, которые, создав подпольную организацию, действовали сначала самостоятельно, а уже спустя некоторое время вступили в партизанский отряд под командованием младшего лейтенанта, бывшего председателя Троснянского ОСОВИАХИМА Владимира Кавардаева.

Илья Белоусов – патриот Советской Родины

Однако некоторые, очень любопытные факты, сообщённые Мартынову Д.Г. Новиковым, в издание не попали (возможно, потому, что выбывались из общей канвы повествования, возможно, по другой причине – А.П.).

Я процитирую отрывок из воспоминаний Дмитрия Георгиевича, посвящённых не партизану, но тоже настоящему патриоту нашей Родины.

«Белоусов Илья Абрамович, житель села Пенное-Удельное Кромского уезда Орловской губернии, родился в 1896 году. Находясь в Красной Армии в годы гражданской войны, он стал санинструктором.

Демобилизовавшись, он вернулся домой в село Пенное, женился и стал частным порядком оказывать медицинскую помощь своим односельчанам. Медицинская практика росла, а специалистов на селе не было. Поэтому, когда в селе Рождественском открыли медицинский пункт, его назначили заведующим и медфельдшером.

До самого прихода немцев он бесценно работал на этом медпункте и пользовался неплохим авторитетом. Хотя он был беспартийным товарищем, но активно участвовал в общественной работе на селе.

С приходом немцев он остался дома, часть медикаментов им была припрятана у себя, и он тайно от немцев оказывал медицинскую помощь местному населению, в том числе, – и моей семье.

Когда с весны 1942 года партизаны нашего отряда стали проводить активные партизанские действия, у нас появились раненые, а медспециалистов и медикаментов у нас не было.

В начале июня месяца 1942 года я лично встретился с ним в надежде завербовать его в партизанский отряд как медспециалиста и получить у него медикаменты. Но в отряд он не пошёл, так как сильно болел после того, как его арестовали немцы и избили до полусмерти за частную медицинскую помощь русским красноармейцам. А отпустили только после того, как он дал согласие быть медицинским экспертом по отправке советских граждан на немецкую каторгу.

Ему разрешили оказывать медицинскую помощь местным крестьянам и даже за плату стали отпускать некоторые медикаменты и перевязочный материал. В момент моего посещения Белоусов

с трудом передвигался по избе и был в синяках и ссадинах (следы «вербовки» на работу к немцам), так что вопрос о вступлении его в отряд явно отпал, и тогда мы с ним договорились, что он, всё же, будет работать в интересах русского народа и оказывать помощь партизанам медикаментами и перевязочным материалом.

Позже я неоднократно посылал к И.А. Белоусову партизан с деньгами, а взамен от него отряд получал медикаменты и перевязочные материалы, купленные им у немцев.

При отправке советских граждан на немецкую каторгу Белоусов выискивал у них «хворобы», по которым кандидатов на отправку в Германию нельзя было отправлять туда. Так посоветовал я ему при нашей встрече. Так он и делал, и абсолютное большинство русских, прошедших через белоусовскую медицинскую комиссию, не были отправлены в Германию на каторгу, в том числе Трусев Женья и его мнимокоростовые товарищи (Трусев – заместитель командира подпольной пионерской организации в селе Рождественское Кромского района – А.П.).

Побои немцев при вербовке на работу Илье Абрамовичу Белоусову не прошли даром. Здоровье его с каждым днём ухудшалось и, не дождавшись победы над врагом, он умер.

Илья Абрамович Белоусов был патриот Советской Родины, работавший по заданию партизан у немцев...».

О наградах и справедливости

И в заключение – о наградах и справедливости на войне. Автор только что процитированных воспоминаний, начальник штаба Троснянского партизанского отряда, Дмитрий Георгиевич Новиков, приказом войскам Брянского фронта №121/н от 30 октября 1942 года, был удостоен ордена Красного Знамени (об этом я уже упомянул выше – А.П.).

Комиссар Троснянского партизанского отряда Василий Павлович Трофименко, этим же приказом, стал кавалером ордена Красной Звезды.

А командир отряда, младший лейтенант Владимир Алексеевич Кавардаев за точно такие же боевые достижения (а в плане личном – даже бо́льшие, чем у его комиссара, – А.П.) удостоился от вышестоящего начальства только медали «За отвагу». Конечно, это тоже награда, но – как-то странно: командир партизанского отряда получает медаль, а два его непосредственных помощника – ордена.

К тому же, в книге Мартынова «Фронт в тылу» В.А.Кавардаев упомянут лишь пару раз – просто как командир, и почти никак не описаны его боевые достижения, а вот о деятельности его начальника штаба Д.Г. Новикова рассказано более, чем достаточно. Наверное, одна из причин – в том, что Владимир Алексеевич Кавардаев не оставил воспоминаний о своём участии в войне.

Так что, уважаемые читатели, справедливость в оценке Вашей деятельности зависит и от Вас. Пишите воспоминания, а потомки разберутся...

Письмо из прошлого

Прав был великий Козьма Прутков в одном из своих бессмертных афоризмов по поводу того, что «Нельзя объять необъятное». Я в очередной раз убедился в этом, изучая документы архива писателя Матвея Матвеевича Мартынова. Значительную часть собранного им рукописного и печатного богатства исследователь в том или ином виде использовал в главной своей книге «Фронт в тылу». И я в предыдущих публикациях только расширял границы, очерченные Матвеем Матвеевичем.

Николай Наумченков:

две войны – на фронте, третья – в тылу

Но в этом очерке начну вести речь об эпизодах Великой Отечественной войны, которых писатель Мартынов не касался, хотя собрал по ним большое количество документальных свидетельств, в основном, – воспоминаний. Я не знаю, почему Матвей Матвеевич не написал очерк о Городищенско-Парамоновском подполье Урицкого района (или о подпольной группе имени Чкалова – второе название для неё – А.П.), и гадать по этому поводу не буду.

Отдельные эпизоды деятельности членов этого подполья известны орловским историкам, воспоминания некоторых, оставшихся в живых участников, находятся в фондах Орловского краеведческого музея. Я же использую те документы, которые были собраны Мартыновым и хранились у него. Для начала скажу несколько слов о руководителях Городище-Парамоновского подполья.

Итак, начну с командира подпольной патриотической группы им.Чкалова при посёлке «Освобождённый Труд» (так её называли сами участники – А.П.) Николая Наумченкова. Николай Дмитриевич был одним из самых старших по возрасту членов городищенско-парамоновского подполья. Он родился в 1890 году в многодетной крестьянской семье в селе Городище Орловского уезда (том самом, где долгие годы хозяйничали графы Комаровские – А.П.).

С 9 лет Николай трудился (батрачил на других), в 1911 году был мобилизован в царскую армию, участвовал в Первой Мировой и гражданской войнах («10 лет шинель не снимал»), имел ранения и контузию. Демобилизовался в 1921 году, работал единолично, а потом организовывал в родном Городище колхоз «Броневик» и был его председателем.

С началом войны мобилизации по возрасту не подлежал, этим обстоятельством был очень расстроен и после оккупации Урицкого района фашистами стал организатором подпольной группы, чтобы нанести врагу максимальный вред в его тылу. Нашлись у Николая Дмитриевича

и помощники. Одной из таких стала Мария Николаевна Ампелогова – директор школы в селе Парамово.

Она тоже уроженка села Городище (1894 года), из семьи булочника-кустара. Мария самостоятельно подготовилась и сдала экстерном экзамены на звание народного учителя.

Мост через реку Цон

С 1915 года стала работать в Воробьёвской школе (одна из соседних с Городищем деревень – А.П.). В послереволюционные годы преподавала в Селиховской начальной школе и училась заочно в Учительском институте, после окончания которого в 1935 году была направлена

Урицким РОНО в Парамоновскую НСШ (неполную среднюю, то есть, семилетнюю школу – А.П.) в качестве директора.

Там, в селе Парамоново, и застала Марию Николаевну Ампелогову Великая Отечественная война. После налаживания связей с городищенскими подпольщиками Мария Николаевна стала руководителем патриотической группы при селе Парамоново.

«...Это далеко не всё, только вкратце»

О том, что собой представляло собой подполье в Городище и Парамоново, чем занимались члены группы имени Чкалова в глубоком тылу у немцев, они описали в письме-заявлении (без даты – А.П.) высокому начальству. Большую его часть я процитирую:

«Первому секретарю Орловского обкома КПСС

от патриотической подпольной группы имени Чкалова

при посёлке «Освобождённый труд» Городищенского сельсовета

Урицкого района

Заявление.

Товарищ Орлов (откуда взялась такая фамилия – не понятно, не было Орловых среди первых секретарей – А.П.)!

Убедительная просьба наших подпольщиков, которые в период Великой Отечественной войны, на временно оккупированной территории, боролись с врагом, не жалея своих сил, себя и даже жизни, которая висела всегда на волоске. Наши патриоты, верные сыны Родины, подвергались пыткам, избиениям, и некоторые из них погибли от рук фашизма. Из нашей группы погибли следующие товарищи:

1. Ампелогов Константин Александрович – член ВЛКСМ;
2. Смяцкий Степан Кузьмич – член ВЛКСМ;
3. Баранчиков Пётр Фёдорович – член ВЛКСМ;
4. Мосякин Владимир – член ВЛКСМ;
5. Коротков Степан – беспартийный;
6. Пестуков Иван – беспартийный;
7. Наумченков Илья Тихонович – член партии.

Некоторые с приходом наших частей Красной Армии пошли на фронт и там тоже пали смертью храбрых. Очень мало осталось в живых. Некоторые из них инвалиды Великой Отечественной войны. ...Мы очень кратко излагаем действия нашей патриотической группы.

1. Убивали немцев поодиночке и небольшими группами, особенно патрулей немецких, охранявших мосты и проверявших пропуска. У нас была группа при посёлке «Освобождённый Труд», который находился в отдалённости у торфоразработок и близко к лесу (*небольшой, в полсотни жителей, населённый пункт в 38 километрах к юго-западу от Орла, на реке Цон – А.П.*), и подгруппа при селе Парамоново. Убито немцев патриотической группой подпольщиков 83 фашиста. Во избежание ужаса

населения убитых таскали в прорубь и пускали под лёд, а в Парамоново прикапывали в оврагах.

2. Рвали связь на всех коммуникациях, которые связывала штабы фашистских войск. Связь дезорганизовывалась, и часть выходила из строя. Рвалась всякого рода приёмами и с учётом рельефа, но в основном делались внутренние обрывы, провод оставался висеть на одной оплётке.

3. Имели два приёмника: один в Городище у подпольщика Азарова Фёдора Васильевича, второй – в селе Парамоново у руководителя подгруппы, бывшего директора школы Ампелоговой Марии Николаевны. В том же подвале находилась пишущая машинка, на которой печатались листовки. Писали их и от руки.

4. Войска захватчиков бесконечно передвигались. При движении фашисты ставили стрелы-указатели. Эти указатели нашими подпольщиками поворачивались совершенно в другом направлении или же переносились с одного места на другое, вследствие чего фашисты вместе с транспортом и вооружением путались в неизвестном направлении, часто попадали в болотистые местности или торфоразработки.

5. Ковались и клепались «колючки» в укрытых местах на ножных кузницах: в Нарышкино, улица Ленина, 52, у Жиляевой Анастасии Никитичны, в селе Городище – у Азаркина Владимира Ивановича, при посёлке «Освобождённый Труд» – у Наумченкова Николая Дмитриевича. Там же у него была явочная квартира, зимой и летом – в его плетневом сарае. Колючки разбрасывались подпольщиками по шоссе и дорогам, большакам и просёлочным дорогам, вследствие чего выводилось из строя много немецкого транспорта на резиновом ходу.

6. На склонах по шоссе у столбов и мостов привязывалась проволока (крепилась от одного перила к другому) и к коротким столбикам на грани крепилась. На отдалённом расстоянии проволока была совершенно незаметная, и эта скромная диверсия выводила из строя много мотоциклистов. Такая диверсия практиковалась периодически.

7. Приказывалось всем подпольщикам брать под особое наблюдение за воздухом. Если появятся советские парашютисты, или в воздушном бою будут сбиты наши лётчики, чтобы они не попали в руки врага, их надо спасать, если ранены – лечить и помогать переправиться через линию фронта. У нас был спасён лётчик, который через газету вынес благодарность за спасение его. Теперь он – Герой Советского Союза, проживает в городе Луцк (*подробности этого случая – во втором очерке – А.П.*)

8. Немецких лошадей из обозов уводили и укрывали, вследствие чего происходил тормоз в движении фашистов.

9. У немцев находились запасы хлеба и фуража на мельницах, в частности, в селе Селихово Знаменского района, и на других мельни-

цах. Чтобы запасы не доставались захватчикам, забирали их и переправляли в Брянские леса.

10. Вели агитацию и пропаганду среди населения, а также читали листовки среди немецких солдат в хатах, а в летнее время – на привалах. В частности, комиссар Азаркин читал в большой хате Гарбузова немецким солдатам, которых было очень много (*честно говоря, в это трудно поверить – А.П.*).

11. Подпиливали балки моста через реку Цон в селе Городище, который немцы несколько раз восстанавливали. И однажды рухнул мост, провалились два танка. Один совершенно разбился, другой вышел из строя. Когда вытаскивали танки три машины, то лопнул трос, и одна из машин разбилась. Но это ещё не всё, главное в том, что продвижение танков к Кромам приостановилось. Маневры и замыслы фашистов срывались и дезорганизовывались.

Перед самым приходом наших немцы жгли урожай. У нас был подпольщик, дозорный Федосей Дмитриевич (Наумченков) – дважды партизан. Он сообщил заранее, что немцы жгут хлеб в Хорошилово и другие поля. Наши подпольщики вовремя подоспели и сделали перекосы, вследствие чего был спасён урожай (около двухсот гектаров).

Разминировали, то есть, очистили от фашистских мин до прихода доблестной Красной Армии шоссе от села Бунино до Нарышкино и в селе Городище.

Противодействовали вербовке молодёжи в Германию, угону скота и сбору тёплых вещей для немецкой армии, помогали выходить из окружения нашим бойцам, оказывая им всяческую помощь, в том числе, и при переходе линии фронта. Таким образом, было переведено около 500 человек «окруженцев» и бежавших из лагерей для военнопленных...

Это далеко не всё, только вкратце. А посему убедительно просим Вас нашу подпольную и патриотическую группу восстановить и узаконить.

Командир подпольной патриотической группы им.Чкалова при посёлке «Освобождённый Труд» Николай Наумченков;

Комиссар группы Владимир Азаркин;

Руководитель подпольной патриотической группы при селе Парамоново Мария Ампелогова».

О судьбе этого заявления и некоторых подробностях героической борьбы членов городищенско-парамоновского подполья – во второй части повествования.

Часть вторая. Спасённый лётчик

12 июня 1942 года группа штурмовиков Ил-2 525-ого штурмового авиаполка 227 штурмовой авиадивизии вылетела в район станции Нарышкино, что находится в 20 километрах от Орла.

«Штурмовик» упал на брюхо...

Вот внизу стала четко проглядываться дорога. По ней двигалась танковая колонна вражеских войск. Штурмовики тут же принялись за уничтожение техники противника. Увлечлись и просмотрели, как на них внезапно налетела группа немецких истребителей. «Илы», не оставляя штурма колонны, отчаянно начали отбиваться от «фокке-вульфов».

Одна из пулеметных очередей фашистской машины прошла самолет командира звена, младшего лейтенанта Петра Кизюна. Штурмовик перестал слушаться рулей, из мотора вытекли масло и вода, и «Ил-2» в беспорядочном падении пошёл вниз. Высота была небольшая, шансов спастись с парашютом имелось немного, но лётчику удалось выровнять машину перед самым столкновением с землёй, и штурмовик упал на «брюхо». К полученному в бою пулевому ранению в ногу лётчик при падении добавил перелом правой ключицы и сильнейший удар в голову, в результате которого младший лейтенант на какое-то время потерял сознание.

Пётр Кизюн

За всеми событиями – от штурмовки колонны до скоротечного боя – сначала с радостью, а потом с горечью наблюдали жители большого села Парамоново (Урицкий район Орловской области), в это время находившегося в глубоком гитлеровском тылу. День склонялся к закату, и когда последний трагический эпизод дня 12 июня завершался, наступили уже сумерки. Немецкие оккупанты и их пособники из числа местных полицаяв ринулись к месту падения «Ила», но скоро были вынуждены остановиться, поскольку овражистая и заросшая высоким и густым кустарником местность сильно затрудняла подходы к месту падения самолёта и поиски лётчика.

«Шесть пуль – для фашистов, седьмая – для себя...»

И тогда всю эту труднодоступную территорию немцы по периметру окружили часовыми, чтобы исключить возможность бегства лётчика. А между тем среди парамоновцев как раз имелись те, кто очень хотел выяснить, жив ли наш пилот. Это были члены подпольной группы, как вполне взрослые люди с большим жизненным опытом, так и совсем юные ребята и девушки. Мария Парфёнова, молодая женщина, мать двоих детей, наблюдавшая за боем, прибежала к линии оцепления и лихорадочно думала, как бы пробраться к месту падения самолёта. Наступила уже полночь, а она не уходила, и тут вдруг пошёл сильный дождь. Местный полицай, стоявший здесь в оцеплении, мокнуть не захотел и побежал переодеваться.

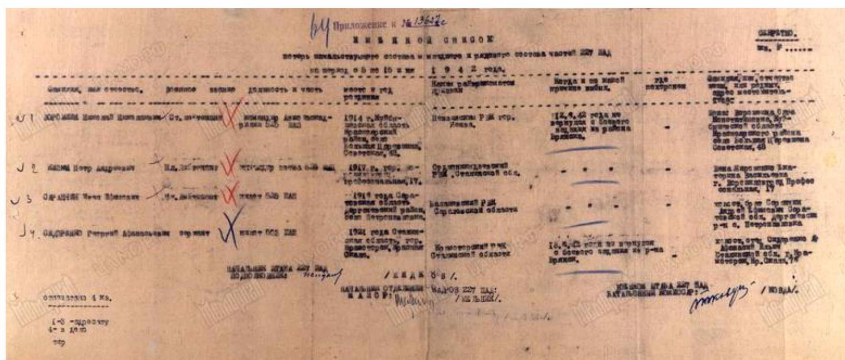
Вот как о дальнейших событиях вспоминала потом Мария Афанасьевна Парфёнова: «...Только он отошёл, я на участок и ползком, нашла лётчика, он очень просил пить, ранена нога и рука выбита, лицо в крови и ожогах. Я шепнула ему на ухо: «Терпи» и в ров, там его перевязала кое-как, руку подвесила и потащила. Идти 8 или 9 километров – и всё рожью. Но добравшись до Парамоново на заре, удивилась – все не спят, сидят, плачут, что же случилось, думаю. А спрашивать некогда – надо куда-то раненого спрятать».

Сестра Марии, Раиса, успела рассказать, что в селе каждые два часа идут обыски, многих подпольщиков арестовали, но белым днём искать какое-то укромное место, кроме чердака дома Парфёновых, было опасно. Поместили раненого туда, рядом с хозяином дома, Афанасием Демьяновичем, которого немцы несколькими часами ранее избили до полусмерти и бросили помирать (о том, что случилось в Парамоново в тот же день, когда был сбит наш «Ил-2», – я расскажу в третьем очерке – А.П.).

Мария отдала лётчику его наган, который (цитирую воспоминания подпольщицы – А.П.) «...он всё время просил у меня, но я ему в дороге не давала, а теперь судьба решена – вернула ему семизарядный. «Шесть – их, седьмой – для себя», – сказал он».

Повезло лётчику Петру Кизюну: мало того, что не сгорел он в своём рухнувшем штурмовике, мало того, что его вытащила буквально из-под носа гитлеровцев молодая русская женщина, мать двоих детей, так потом и в парфеновском доме он успел отдохнуть несколько дней, избежав ареста, и провели его сёстры Парфеновы и их подруга Мария Обиденова потайными тропами поближе к линии фронта.

В наградном листе на Петра Кизюна обо всём, что я тебе, читатель, рассказал, – четыре строчки: «...Участвовал в разгроме танковой колонны по дороге Орёл – Нарышкино, был подбит и на горящем самолёте произвёл посадку на территории, занятой противником. Через 15 дней пришёл обратно в часть, перейдя линию фронта» (кстати, это было его второе возвращение с «того света»).

К этому времени извещение о том, что *«младший лейтенант Пётр Кондратьевич Кизюн 12 июня 1942 года не возвратился с боевого задания из района Брянска»* было отправлено жене, а фамилию лётчика внесли в «Список безвозвратных потерь 525-ого штурмового авиаполка».

Поклон от Героя

Возвратившись в родную часть и пройдя спецпроверку, уже через неделю младший лейтенант снова включился в боевые полеты, и 25 июля 1942 года командир 525 штурмового авиаполка, капитан Ефремов, представил лётчика к ордену Красного Знамени. Согласование на такую высокую награду, – вплоть до командующего войсками Воронежского фронта генерал-лейтенанта Ватутина, прошло быстро: 13 сентября 1942 года Пётр Кизюн получил свой первый орден.

С этого времени его боевая карьера пошла по нарастающей: к февралю 1945 года Пётр Кизюн – уже майор, помощник командира по воздушно-стрелковой службе 525 Штурмового авиационного Ямпольско-Кременецкого полка 227 Штурмовой авиационной Бердичевской Краснознамённой дивизии, кавалер двух орденов Красного Знамени и ордена Александра Невского.

Обо всех подвигах лётчика-штурмовика я рассказывать не буду. Приведу лишь один отрывок из наградного листа: *«4 марта 1944 года при выполнении задачи на разведку в паре со старшим лейтенантом Фоминым в район Белогородка-Вербовцы в исключительно сложных метеоусловиях, при высоте облачности 70-100 метров, видимости до 1 километра задание выполнил на «отлично», доставив командованию ценные разведданные, обнаружив скопление на шоссе на дороге автомашин, груженных боеприпасами и живой силой противника – до 500 единиц и танков – до 50 штук. Одновременно двумя заходами обстрелял из пушек и сбросил бомбы на цель, уничтожив 2 автомашины и до 20 солдат и офицеров. По этим ценным разведданным все части дивизии работали по этой цели два дня.*

15 августа 1944 года отлично выполнил боевое задание по штурмовке железнодорожной станции Турка. За этот вылет всей группой шести Ил-2 уничтожено до 11 железнодорожных вагонов, 3 автомашины и один паровоз». За совершённые 28 боевых вылетов, за отличное выполнение заданий по разведке и штурмовке войск противника капитан Пётр Кизюн был удостоен ордена Александра Невского.

А в феврале 1945 года его представляют к званию Героя Советского Союза (список боевых подвигов не уместился и на четырёх листах), но пока шло согласование и утверждение, майор Кизюн успел получить третий орден Красного Знамени (9 июня 1945 года). И только после этого, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 года – *«За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество*

и героизм, за 123 успешных боевых вылета, из них 110 – на штурмовку на самолёте «Ил-2» и 13 вылетов – на самолёте Р-5» Пётр Кондратьевич Кизюн был удостоен звания Героя Советского Союза.

После окончания войны он продолжил службу в Советской Армии. В 1945 году майор Кизюн окончил курсы усовершенствования офицерского состава при военной лётно-тактической школе, а в 1952 году в звании подполковника Пётр Кондратьевич был уволен в запас. Проживал и работал на Украине, в Виннице. О том, что жизнью своей, не говоря уже о блестящей военной карьере, Герой Советского Союза Кизюн обязан простым русским женщинам из села Парамоново Урицкого района Орловской области, он всегда помнил.

Но знакомство и общение лётчика с героическими подпольщицами было сравнительно коротким (меньше двух недель), они даже фамилий друг друга не спросили, да и точный адрес – тоже.

Перед празднованием 20-летия Победы в Великой Отечественной войне подполковник Кизюн обратился в газету «Орловская правда». Письмо, под названием «Поклон вам, родные» (так он назвал своё обращение к Марии и Раисе Парфёновым, к Марии Обыденовой – А.П.), было опубликовано 14 мая 1965 года и хранится ныне в фондах краеведческого музея как один из ценных экспонатов и доказательств героической борьбы наших подпольщиков в тылу врага.

К этому времени семья Парфёновых переселилась из Парамоново в Тульскую область, но 90-летнему Афанасию Демьяновичу, его дочерям и внукам сообщили о публикации в газете. Медалей и орденов подпольщики за свои действия в тылу врага не получили, но благодарности от лётчика были рады.

Пётр Кондратьевич Кизюн скончался 18 марта 1979 года, похоронили его на Центральном кладбище Винницы.

Подробности истории спасения лётчика, уважаемый читатель, я узнал из воспоминаний нескольких членов подпольной группы села Парамоново: Афанасия Демьяновича Парфенова, его дочерей Марии и Раисы. Они хранились в личном архиве Матвея Матвеевича Мартынова, но, по каким-то причинам, писатель их так и не использовал в своей книге «Фронт в тылу» или в отдельных публикациях. Это довелось сделать мне уже в двух очерках. Будет и третий, заключительный.

«Эх, вы, кони, проклятые кони...»

(часть третья, заключительная)

О том, как городищенские и парамоновские подпольщики из отряда имени Чапаева (Урицкий район Орловской области), по мере своих сил и возможностей, сражались с немецкими оккупантами в их тылу, я коротко рассказал в двух очерках «Письмо из прошлого» (ОС, 26 сентября и 10 октября 2018). А теперь подробнее остановлюсь на нескольких эпизодах героической деятельности и трагической судьбе наших патриотов.

Храбрые конюхи

Сделаю я это с помощью сохранившихся в архиве писателя Матвея Матвеевича Мартынова воспоминаний руководителя парамоновского подполья Марии Николаевны Ампелоговой и её дочери Ольги (Лели). Я процитирую из этих написанных на ученических тетрадах «в линейку» записок самые существенные моменты.

События, по рассказу Марии Николаевны Ампелогой, начинались так: «...Пришёл в Парамоново какой-то немецкий отряд с обозом. У нас был коно школьное кирпичное здание. Немцы разместили в классах лошадей, с присущей им наглостью обратив школу в конюшню. Баранчикова Петра, Смяцкого Степана и Ампелогова Константина (сына директора школы и руководителя подпольной группы, автора этих воспоминаний – А.П.) приставили ухаживать за лошадьми: гонять на водопой, выбрасывать навоз (видимо, немцы рассчитывали пробыть в Парамоново продолжительное время). Но вдруг однажды утром у них тревога.

Мотоциклисты садятся и уезжают, а солдаты из обоза стали грузить на сани горючее, разные тюки и ящики с чем-то. Вдруг послышался шум и ругань, – немцы избивают моего сына. Оказалось, что наши смелые «конюхи» ухитрились как-то увести и скрыть из немецкого обоза несколько лошадей. В то время, когда весь обоз уже тронулся, пять саней стояло на месте, и немцы в бессильной злобе метались, не зная, что делать.

Константина повели в волость, там его начали бить с большой жестокостью. Народ стоял и смотрел. Было жаль Костю – но как помочь? Подошёл один старик к немцу и говорит: «Пан, ваши лошади могли отбить плохо закрытую дверь и уйти к водопою, а потом и разбрелись по речке. Никто их взять не мог, этого парня мы знаем».

Передав Константина полициям, немцы пошли искать своих коней, а «конюхи» Смяцкий Степан, Мосякин Владимир и Баранчиков Пётр двух лошадей спрятали к местному бургомистру на двор, разобрав ветхую стену (во дворе лежало сено). Одну лошадь отдали инвалиду Короткову Степану, который сочувствовал подпольщикам, а ещё пару лошадей пустили по речке к деревне Глазуново.

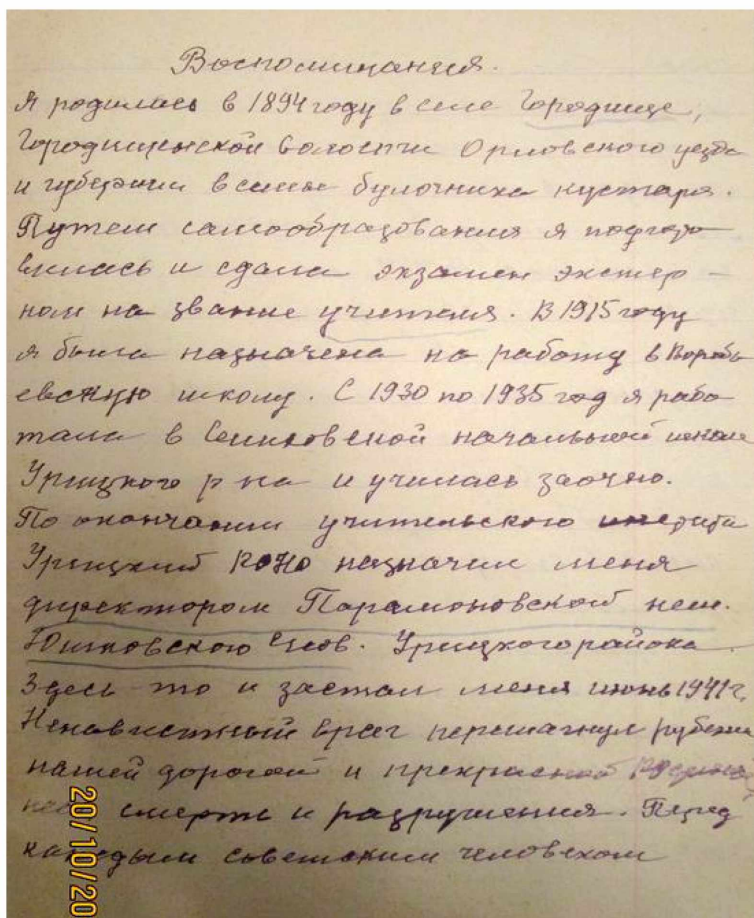
Только к вечеру смогли уехать немцы, перегрузившись в машину, и только вечером вернулся домой Константин – весь в кровоподтёках и долго пролежал в постели...».

В этом эпизоде подпольщики отделались «малой кровью»: то ли гитлеровцы поверили в случайность, то ли не нашлось серьёзных доказательств на молодых ребят, то ли уехавшие и пострадавшие оккупанты уже не вернулись к прежнему месту дислокации, чтобы до конца разобраться с виновниками (а местный бургомистр и полиция по своей инициативе этого делать не стали – А.П.).

«Ни одного килограмма хлеба немцам!»

Однако вскоре в Парамоново произошли другие, гораздо более трагические события, и снова – связанные с лошадьми. Цитирую «Воспоминания» Марии Николаевны Ампелоговой, дополняя их рассказом дочери Ольги: «...Летом 1942 года нашей подпольной группе было дано задание: «Ни одного килограмма хлеба немцам!»

Несколько раз на лошадях подпольщики вывозили хлеб (маскируя под фураж) с Селиховской мельницы Знаменского района и доставляли его к «большаку». Здесь груз ждали связные Григорий Карпов и Георгий Рязанов и отправляли хлеб в лес уже на машине.

Начало Воспоминаний М.Н.Ампелоговой

В очередной раз в июне 1942 года для выполнения задания договорились послать Смяцкого Степана, Баранчикова Петра, Короткова Степана, Парфенову Раису, Пестунова Ивана, Ампелогова Константина и Ампелогову Лелю.

Хлеб был взят, перегружен на машину и отправлен. Ребята уже возвращались на свою дорогу домой, как налетели каратели из Мосальского гестапо (Болховского района). По-видимому, немцам кто-то сообщил. Ребятам удалось скрыться и убежать. Но брошенные ими лошади (их дали подпольщикам председатель колхоза Владимир Мосякин и старик Афанасий Парфенов) направились домой, а за ними устремились и немцы.

Когда лошади вернулись к домам своих хозяев, то немцы вывели из одной хаты старика Парфенова и его дочь Раису (я упоминал их в очерке о лётчике Кизюне – ОС от 10 октября – А.П.), из другого дома – Мосякина Владимира и начали бить их прикладами с зверской жестокостью: вывёртывали руки, выбили зубы. Владимир Мосякин был убит, а старик Парфенов и его дочь остались едва живы. К ним приставили сторожей и приказали им копать могилу, но когда немцы уехали, «могильщики» закопали отрытую яму как будто вместе с избитыми до смерти, а сами их на носилках перенесли домой. Пока это избиение происходило, с чердака дома Парфенова еле удалось уйти выздоравливающему лётчику, который был спасён подпольщиками с упавшего советского самолёта.

Другая группа немцев на второй машине направилась к моей квартире, где и застала оставшихся подпольщиков: Константина Ампелогова, Лелю Ампелогову, Петра Баранчикова, Степана Короткова, Ивана Пестунова. Расправа была смертельно жестокой: их били прикладами, кулаками, связав, положили на пол и начали бить каблуками, ходили по ним, потом, поставив к стене, били по голове рукояткой револьвера так, что Костя упал, за ним свалился Иван Пестунов. Начали бить лежачих, Лелю били каблуками в живот.

Всех, с выбитыми зубами, окровавленных, с распухшими лицами (это уже и лицами назвать было нельзя) пытались заставить стать на ноги, но это им не удалось.

Сделали обыск во всех квартирах и в школе, взяли из подвала радиоприёмник и какое было оружие, листовки, дневники Кости и Петра (Ампелогова и Баранчикова – А.П.). Всё побросали в машину, а сверху начали бросать связанных людей. Леля пыталась сопротивляться. Тот, кого называли Петер, отличавшийся изощрённой жестокостью, ударил её по голове рукояткой револьвера и выстрелил. Затем её тоже бросили в машину, которая направилась в Мосальское гестапо.

Там их продолжали пытать, били беспощадно: «Где партизаны ещё?». Кости хрустели в суставах, выбили оставшиеся зубы. Но избиваемые никого не выдали. Тогда их снова покидали в машину, а потом ещё двух неизвестных человек. К ним прямо на ноги бросили избитую Лелю. Но пока немцы возились у кабины, те двое, у которых на

ногах лежала Леля, попытались повернуться, и она свалилась из машины прямо в собравшуюся здесь толпу, рядом с ржаным полем.

В этой ржи и спряталась Леля, уползая всё дальше и дальше...».

Так, ползком, прячась, добралась Елена Ампелогова до села Городище, в котором родилась, и в котором проживала её родная тётя. Там и скрывалась она до прихода Красной Армии в 1943 году.

Что касается её матери, Марии Николаевны Ампелоговой, то городищенские подпольщики сумели тайно вывезти её из Парамоново и спрятать в деревне Селихово, в которой она работала до своего назначения директором парамоновской школы, где дождалась освобождения и жила потом в послевоенные годы.

«Ещё не поздно?»

Матери с дочерью удалось спастись, а вот их сын и брат Константин Ампелогов, его товарищи Пётр Баранчиков, Степан Коротков, Степан Смятский и Иван Пестунов (а ещё раньше и Владимир Мосякин) были забиты фашистами до смерти в Мосальском гестапо, и где их могила – неизвестно.

Да, следует ещё раз вернуться к семье Парфеновых. Буквально на следующий день после того, как главу семьи, Афанасия Демьяновича, тайно, на носилках, принесли домой, и он отлёживался на чердаке, кто-то из «доброжелателей», скорее всего, местный староста сообщил об этом немцам, и они распорядились сжечь парфеновский дом. Уже и «поджигатель» явился, да горючего у него не было, стоял, дожидался, пока подвезут. И тут вдруг машина незнакомая подлетела, немецкая, вроде. Люди какие-то из неё выскочили, «поджигателя» в кузов бросили и умчались тут же. Слух потом по Парамоново прошёл, что это наши, связные, старика Парфенова спасли, да и его семью тоже. Хотя одну из дочерей, Раю, увезли потом немцы, всё-таки в Германию, и там ей пришлось горя хлебнуть...

Вот такая, уважаемый читатель, история происходила в годы войны в селах Городище и Парамоново Урицкого района.

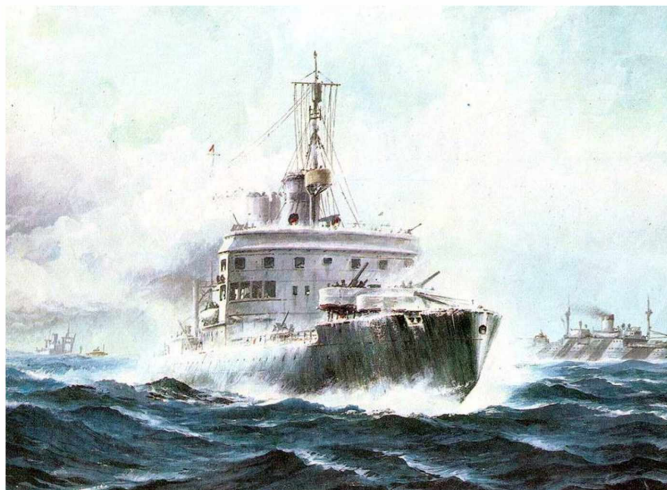
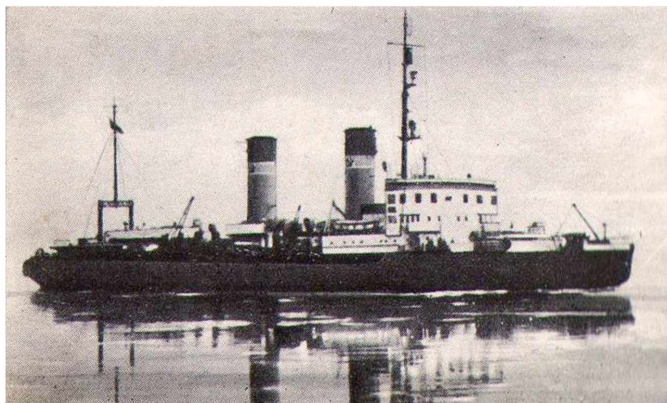
О городищенско-парамоновском подполье, вроде бы, известно орловским исследователям, материал о подпольщиках и их воспоминания хранятся в фондах Орловского краеведческого музея. Однако ни один их казнённых фашистами членов отряда имени Чапаева не внесён был в своё время в изданную в 1998 году «Книгу Памяти», Т.9, в которой значатся погибшие в борьбе с фашистами уроженцы Урицкого района. Да, они не служили в армии, а сражались с оккупантами в глубоком тылу. Но их подвиг от этого не стал менее значим. Почти 100 человек орловских подпольщиков, после того, как о них рассказал писатель Матвей Мартынов, были удостоены правительственных наград.

К сожалению, среди них нет тех героев, чьи фамилии я озвучивал в трёх своих очерках. Но они тоже вполне заслужили наград от Родины, за освобождение которой они сражались не щадя своих жизней, а некоторые эти жизни положили на алтарь Отечества. Может, ещё не поздно отдать им дань памяти?

Старшина II статьи Плахов с ледокола «Анастас Микоян»

Часть первая

28 июля 2019 года по телевизионному каналу «Россия-24» был показан документальный фильм Сергея Брилёва «Огненная кругосветка», посвящённый беспримерному плаванию в годы Великой Отечественной войны вспомогательного крейсера и (одновременно) ледокола «Анастас Микоян».

Ледокол «Анастас Микоян»

11000 тонн и 9900 лошадей

Долгое время (вплоть до начала 60-ых годов XX века) этот эпизод девятимесячной протяжённости вообще оставался неизвестным широкой аудитории из-за его засекреченности, да и позже о нём почти не говорили и не писали, хотя моряки с «Микояна», начиная с празднования 30-летия Победы, стали встречаться и вспоминать своё славное боевое прошлое. И ведь было что!

Корабль, о котором я поведу речь, уважаемый читатель, был заложен на Николаевских государственных верфях (территория современной Украины – А.П.) как ледокол, предназначенный для проводки грузовых судов Северным морским путём.

При создании ледоколов этой серии советские конструкторы максимально использовали имевшийся богатый опыт арктических навигаций: корпуса яйцевидной формы, для предохранения от повреждения во время сжатия во льдах, изготовили из высококачественной стали, по всей длине корабля установили двойное дно и сделали 12 водонепроницаемых переборок. Отдельные отсеки соединили между собой дверями, которые управлялись из рулевой рубки.

Стальную махину в сто шесть метров длиною и водоизмещением 11 000 тонн перемещали по морским просторам три паровые машины мощностью по 3300 лошадиных сил каждая, обеспечивая ледоколу скорость в 15 с половиной узлов. Запас угля (2900 т) позволял пройти расстояние до 6000 миль.

Экипажу из 138 человек были созданы самые комфортные для тех лет условия: 2- и 4-местные каюты и кают-компания, столовые и библиотеки, души и баня, лазарет и механизированная кухня. Спасательные средства включали восемь быстроходных шлюпок и моторных катеров, а три мощные радиостанции обеспечивали связь на огромное расстояние.

В июне 1941 года повсюду шли ходовые испытания ледокола, которые должны были завершиться государственной приёмкой и последующим введением корабля в строй. Но планы нарушила война. Николаевские верфи подверглись первым бомбардировкам гитлеровской авиации.

На защите Одессы, Новороссийска и Севастополя

И тогда на заводе, по приказу вышестоящего начальства, началось срочное переоборудование корабля во вспомогательный крейсер, который планировалось использовать для обороны побережья от вражеских десантов. Одновременно на нём продолжались наладочные работы и испытания. Командиром корабля был назначен капитан 2 ранга Сергей Михайлович Сергеев.

Участник гражданской войны и войны в Испании, дважды орденосец (очень редкое явление для тех лет – А.П.), с марта 1939 года до 1 июля 1941 года он командовал эскадренным миноносцем «Быстрый» в Сева-

стополе. Сергеев в состав нового экипажа включил лучших командиров и краснофлотцев своей миноносной команды, а другую часть составили заводские рабочие, пожелавшие бить врага «на своём корабле».

Капитан Сергеев

На «Микояне» установили семь 130-мм, четыре 76-мм и шесть 45-мм орудий, а также четыре 12,7-мм зенитных пулемета ДШК. Теперь по мощности артиллерийского вооружения ледокол не уступал отечественным эскадренным миноносцам. Его 130-мм орудия могли стрелять своими почти 34-килограммовыми снарядами на дальность свыше 25 километров и со скоростью до 10 выстрелов в минуту.

Как вспомогательный крейсер «Анастас Микоян» приказом командующего Черноморским флотом вице-адмирала Октябрьского был включен в отряд кораблей северо-западного района Черного моря и с 14 сентября до конца октября 1941 года принимал активное участие в обороне Одессы, Новороссийска и Севастополя. Только за первые пять стрельб по врагу микояновцами было выпущено 466 снарядов главного калибра. Зенитчики корабля отражали многочисленные атаки вражеской авиации, сбив один из гитлеровских самолётов.

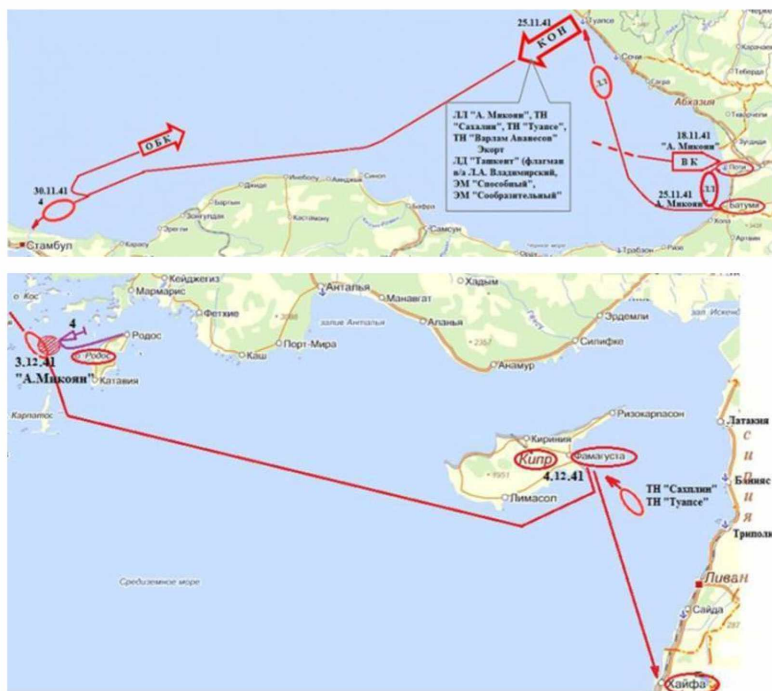
В осаждённый же Севастополь, систематически совершая рейсы из Новороссийска, «Микоян» доставлял пополнение, военные грузы, выводил раненых и гражданское население. На нём эвакуировали более 1000 раненых, личный состав и оружие 2-й бригады торпедных катеров, начали вывозить демонтированную художественную и историческую ценность – «Панораму обороны Севастополя».

Военный приказ для мирного корабля

В начале ноября 1941 года «Микоян» перебазировался в порт Поти, а потом – в Батуми, где 5 ноября командир корабля Сергеев получил неожиданный приказ: полностью снять вооружение. За пять дней все орудия были демонтированы, личный состав сдал пулемёты, винтовки и пистолеты. Капитану 2 ранга Сергееву с большим трудом удалось оставить 9 пистолетов для офицеров и охотничье ружьё. Корабль снова превратился в гражданский ледокол, на котором даже военную форму было приказано сжечь.

Так началось выполнение необычайно трудного и ответственного задания, принятого Государственным комитетом обороны СССР: перегнать с Черного моря на Север и Дальний Восток три больших танкера («Сахалин», «Варлаам Аванесов», «Туапсе») и линейный ледокол

«А. Микоян». Это объяснялось острой нехваткой кораблей для перевозки ленд-лизовских и внутренних грузов. На Черном море этим судам делать было нечего, а на Севере и Дальнем Востоке они были нужны до разреза.

То есть, решение само по себе было бы вполне правильным, если бы не одно географическое обстоятельство. Идти ледоколу предстояло через Мраморное море в Средиземное, а затем не вокруг Европы (во избежание гарантированной гибели от немецких подводок или от их же бомбардировщиков), а через Суэцкий канал в Индийский океан, потом через Атлантику и Тихий океан – на советский Дальний Восток (оттуда «Микоян» продолжил бы плавание по Северному морскому пути к Мурманску – А.П.).

Таким образом, предстояла почти кругосветка, причем, провести ее надо было в условиях войны: задача чрезвычайно сложная, в решение которой верилось с большим трудом.

Из-под Орла – на Чёрное море

Одним из членов экипажа, который и должен был, вместе с товарищами, совершить невозможное, оказался уроженец села Становое Орловского уезда (ныне – в составе Орловского района – А.П.) Варлам Плахов.

Обычный деревенский парень, 1915 года рождения, с пятиклассным образованием, волею судьбы и Орловского горвоенкомата оказавшийся

Старшина второй статьи
Варлам Плахов

в 1936 году в учебном отряде Черноморского флота, он в течение двух лет служил как раз на миноносце «Быстрый», под командованием капитана II ранга Сергеева. Когда, получив новое назначение, Сергеев переходил на ледокол «Анастас Микоян», он, в числе лучших своих младших командиров, забрал с собой и старшину II статьи Плахова. Капитан II ранга за два года узнал орловского парня не только как мастера на все руки и командира отделения интендантской службы, но и отличного артиллериста, ставшего на вспомогательном крейсере «Микоян» командиром расчёта орудия №3 калибра 76,2 мм.

Артиллеристы Плахова и он сам внесли большой вклад в общее дело обороны Одессы, Новороссийска и Севастополя. А после превращения «Микояна» из крейсера в ледокол командир орудия стал судовым завхозом, который не только обеспечивал экипаж продуктами питания и предметами первой необходимости, но и был готов в любой момент к чрезвычайной ситуации, вплоть до затопления корабля, чтобы он не достался врагу.

Из одной части великого Советского Союза, из порта Батуми на Чёрном море, ледоколу предстояло добраться до другой части страны, в порт Анадырь на Беринговом море, преодолев несколько проливов, морей, океанов и свыше 25 тысяч миль (40000 километров – А.П.).

И почти весь путь, продолжавшийся 9 месяцев, старшина II статьи Варлам Плахов вёл дневник, записи которого я использую для рассказа о том, как проходило многомесячное плавание ледокола «Анастас Микоян», превратившееся в первый кругосветный переход на советском Военно-Морском флоте.

Но об этом, дорогой читатель, я поведаю тебе уже во второй части моего повествования...

Часть вторая

25 ноября 1941 года в 3 часа 45 минут, под покровом ночи, чтобы не обнаружил противник, из порта Батуми в открытое море вышел советский конвой в составе ледокола, трёх танкеров и кораблей охранения. Экипажи судов, в силу секретности задания, даже не подозревали, что им предстоит, особенно – ледоколу (бывшему вспомогательному крейсеру) «Анастас Микоян».

«Корабль не сдавать, экипажу в плен не сдаваться...»

Некоторое время корабли шли в сторону Севастополя, а затем взяли курс на пролив Босфор. Эсминцы «Способный» и «Сообразительный» сопровождали караван только до турецких территориальных вод и в 10 милях от Босфора повернули на обратный курс.

Ледокол «Анастас Микоян» и три танкера, пройдя за трое суток 575 миль, бросили якоря на рейде Стамбула. Турция стала первым иностранным государством на долгом пути «Микояна». А сколько их было потом, одно только перечисление портов займёт несколько строчек: Стамбул – Фамагуста – Хайфа – Саид – Суэц – Аден – Момбаса – Дурбан – Кейптаун – Монтевидео – Коронел – Лото – Вальпараисо – Калья – Бильбао (Панама) – Сан-Франциско – Сиэтл – Кодьяк – Датч-Харбор. Все они перечислены в мореходной книжке старшины II статьи, гражданина СССР, Варлама Плахова, который, оказавшись на уникальном корабле и в уникальном плавании, очень скоро понял это и решил оставить свой след в истории, начав вести дневник: «...пишу кратко то, что мог видеть, подробно описать нет возможности...».

В Стамбуле на борт «Микояна» поднялся советский военно-морской атташе в Турции капитан 2 ранга Родионов, который сообщил о решении Государственного Комитета Обороны: *«Всем кораблям прорваться в порт Фамагуста на острове Кипр, к союзникам-англичанам»*. Там танкеры временно поступали в распоряжение союзного командования, а ледокол должен был следовать на Дальний Восток.

В особой инструкции, вручённой капитану 2 ранга Сергееву, категорически приказывалось: *«Корабль ни в коем случае не сдавать, взрывом топить, экипажу в плен не сдаваться»*.

Торпеды прошли мимо

А теперь цитирую записи из дневника Варлама Плахова:

«29/XI 1941 года, 18.00. Взяли курс на пролив Дарданеллы и вышли в Эгейское море. Шли до восьми часов утра, после чего отстаивались в устьях. Днём следовать было невозможно, ввиду немецкой разведки... Чтобы выйти в Средиземное море, нам надо было пройти мимо множества островов, которые были все вооружены...»

1/12 1941. Мы сумели пройти очень узкие проходы, даже были видны смотрящие на нас орудия (тут я сделаю дополнение: плавание по проливу Дарданеллы в навигационном отношении довольно сложное. Опытные лоцманы даже днём ведут здесь суда с большой осторожностью, а ледокол шёл вообще без лоцмана, но справились... – А.П.)

...Недалеко от острова Родос (на нём находилась главная военно-морская база итальянцев в этом районе Средиземного моря, базировалась тут и немецкая авиация, бомбившая Суэцкий канал и английские базы и порты, это было самое опасное место в ходе прорыва ледокола к Кипру – А.П.) нас заметил самолёт. Он наблюдал за нами, и, как было

видно, готовились к взятию нас в плен... Мы снялись с якоря и стали пробираться по назначению, глубокой ночью мы заметили две точки на море. Это были торпедные катера, которые ожидали нас. С этого дня (2 декабря 1941 года – А.П.) началось наше второе крещение в чужих водах. Торпедные катера перерезали наш курс...».

С одного из них прозвучала команда: «Немедленно следовать на Родос под нашим конвоем!» На «Микояне» никто и не думал выполнять приказы врага, и ледокол продолжал идти своим курсом. Тогда катера перешли к торпедным атакам. Но как только первый «итальянец» вышел в расчетную точку стрельбы, за секунду до его залпа, капитан Сергеев скомандовал: «Руль на борт!» Благодаря замечательной маневренности ледокол быстро развернулся навстречу смертоносным сигарам, и они прошли вдоль бортов.

Так же успешно «Микояну» удалось избежать ещё пяти торпед, выпущенных вторым катером и тремя итальянскими самолётами-торпедоносцами. Все они прошли в непосредственной близости от ледокола, но ни одна не попала в судно.

Взбешённые итальянцы с катеров открыли по ледоколу огонь из всех пулемётов и малокалиберных пушек, нанеся «Микояну» более 200 пробоин. Противнику удалось поджечь спасательный катер, в котором находилось большое количество горючего. Было ранено трое членов экипажа «Микояна». Капитан Сергеев по внутрисудовой трансляции приказал: «Корабль к затоплению приготовить!»

Казалось, ещё чуть-чуть, и наступит последняя минута для ледокола. Но пойти на бордаж итальянцы не решились, а тем временем противопожарная команда «Микояна», под руководством старшего помощника командира капитан-лейтенанта Холина, не обращая внимания на обстрел, тушила очаги огня и, обрубив крепления горящего катера, сумела сбросить его в море. Он тут же взорвался, а начавшиеся сильный дождь, ветер и волны помешали итальянцам увидеть, что случилось. Они решили: ледоколу пришёл конец.

Природные катаклизмы пришли на помощь микояновцам. Ледоколу в пелене проливного дождя и под прикрытием высоких волн удалось оторваться от врага. Исправляя на ходу полученные повреждения, утром 3 декабря «Микоян» добрался до берегов Кипра и вошёл в порт Фамагусту. Задание Государственного комитета обороны было выполнено, и об этом через Лондон капитан Сергеев сообщил в Москву.

Пожалуй, прорыв к Фамагусте оказался самым трудным и смертельно опасным участком на всём многомильном пути ледокола.

Через четыре океана и двенадцать морей

Потом были долгий ремонт в Хайфе, страшный трёхсуточный пожар в этом порту, спасение нашими моряками английских коллег, начало войны с Японией, из-за чего «Микояну» пришлось идти к родным берегам через

Атлантический океан, в обход Южной Америки, с западной стороны земного шара. В Бухту Провидения в Анадырском заливе Берингова моря ледокол прибыл 9 августа 1942 года и уже через пять дней приступил к выполнению задания: в составе Экспедиции особого назначения под №18 проводить грузовые суда сквозь льды Северного Ледовитого океана. За три месяца «Микоян» сумел совершить несколько рейсов.

Последнее тяжёлое испытание выпало на долю корабля уже по завершении навигации, 26 ноября 1942 года, когда ледокол в районе мыса Канин Нос подрывался на минных заграждениях, выставленных немецкими судами.

Варлам Плахов в своём дневнике записал, что при взрыве погибло двое его товарищей, вахтенных комендоров, стоявших у орудия. Взрыв искорёжил всю кормовую часть судна, сильно повредив машинное отделение и верхнюю палубу на юте, вывел из строя рулевую машину. Но ледокол остался на плаву, и его удалось спасти, приведя 30 ноября 1942 года в Молотовск (нынешний Северодвинск – А.П.), к стенке завода №402.

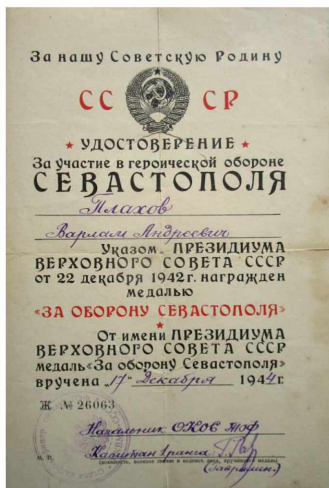
Так закончился этот беспримерный, уникальный по дерзости поход протяжённостью 28 560 миль (из них – 2000 миль – во льдах – А.П.). Безоружный ледокол, без всякого охранения, прошел все зоны боевых действий, четыре океана и двенадцать морей, практически совершив поход вокруг Земного шара.

Этот единственный в истории советского флота кругосветный поход (не считая атомных подводных лодок), удивительный даже по меркам нашего времени, оказался забытым и до конца пятидесятих годов был засекреченным. Многие годы о нём мало кто знал, кроме самих участников. Да и заслуженных наград большинство отважных моряков не получило.

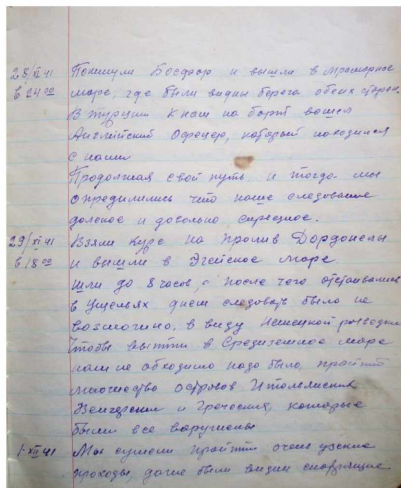
Старшина II статьи Варлам Плахов, прошедший на «Микояне» от начала до конца кругосветного плавания, успел потом ещё отличаться во время разгрома Японии. Он участвовал во взятии курильских островов Сюмусю и Парамушир, за что ему 23 августа 1945 года была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего.

А из государственных наград к концу войны грудь орловчанина украшали медали «За оборону Севастополя», «За оборону Одессы», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией» и «За победу над Японией». Что касается кругосветного перехода, то за него Варлам Плахов, как и все участники, был отмечен только 7 мая 1973 года, приказом Главнокомандующего ВМФ, адмирала флота Советского Союза С.Горшкова удостоившись жетона «За дальний поход».

Демобилизовавшись в 1947 году, Варлам Андреевич Плахов жил в Орле, работал директором спиртовой базы, встречался с пионерами. В мае 1974 и 1975 годов ездил в Москву и Николаев на встречи со своими товарищами, членами экипажа ледокола «Анастас Микоян», делился воспоминаниями.

Наградной лист Варлама Плахова

Страница дневника Варлама Плахова

Ветераны с ледокола «Анастас Микоян»

Умер Варлам Андреевич в 1979 году, похоронили его на Наугорском кладбище.

Автор благодарит внуку В.А. Плахова, Наталию Владимировну Кургузову, за предоставленные документы и фотографии.

Зюзюкин Матвей Михайлович: судьба начальника паспортного стола

Уважаемый читатель, ты познакомился с очерками, написанными на основе документов из архива Матвея Матвеевича Мартынова, полученных мной от его дочери, Валентины Матвеевны Романовой. Но я до настоящего времени сумел обработать только часть оказавшегося в моих руках документального достояния, и в настоящее время процесс продолжается.

Некоторые из документов не хочется использовать отрывками, они требуют внимательного изучения исследователями, и потому я решил опубликовать их целиком, предваряя публикацию каждого (или группы) небольшим пояснением.

Начну с одного, достаточно большого, письма-заявления, полученного Мартыновым в январе 1963 года от жителя Орла Матвея Зюзюкина. Некоторые моменты из него писатель использовал в книге **«Фронт в тылу врага»**, но основному содержанию места там не нашлось. Почему? Да потому, что Матвей Михайлович Зюзюкин в оккупированном Орле занимал должность начальника паспортного стола, то есть, прямо состоял на службе у фашистов.

Зюзюкин Матвей Михайлович

После освобождения города Зюзюкин был арестован компетентными органами и после проведения следствия осуждён к 10 годам по ст.58, п.1 («измена Родине»).

К моменту написания письма Матвей Матвеевич Мартынов, собиравший свидетельские показания по подполью и партизанскому движению, вышел и на своего тезку Зюзюкина, разговаривал с ним, а потом попросил ответить письменно на некоторые вопросы. В результате по-

явился этот большой документ, в котором бывший начальник паспортного стола не только ответил на вопросы Мартынова, но попытался оценить свою жизнь и деятельность во времена оккупации и просил у Матвея Матвеевича помощи в пересмотре его уголовного дела.

Я не знаю, как отреагировал на эту просьбу Мартынов, пытался ли он что-либо выяснить или нет, но с текстом письма, судя по выделенным красным карандашом страницам, он поработал очень внимательно.

Имена из этого письма, перечисленные Зюзюкиным (мы знаем их как подпольщиков – А.П.), в книге «Фронт в тылу врага» названы. Но фамилия самого Зюзюкина – ни как героя, ни как предателя, в книге так и не появилась. Даже его должность – начальника паспортного стола – Матвей Матвеевич Мартынов – записал на старшего паспортиста Николая Челюскина, которого фашисты расстреляли за подпольную деятельность.

Не хочется быть категоричным, но в наши дни, вероятно, стоит вернуться к этому письму работникам компетентных органов, чтобы, всё-таки, ещё раз ответить на вопрос: изменник ли Зюзюкин или он, всё-таки, по мер своих сил и возможностей помогал партиотам?

А само письмо, однозначно, достойно публикации, как очень интересный документ времён войны и оккупации, в котором имеются и некоторые, неизвестные до настоящего времени, факты.

Письмо Матвея Михайловича Зюзюкина М.М. Мартынову

Тов. Мартынов!

*(Здесь, с правой стороны – красным карандашом: **Челюскин, Зюзюкин – А.П.**)*

Во имя исторической правды, без искажения истины и, не кривя душой, передаю в этом письме-заявлении все основные факты, Вас интересующие, лично о себе и своей деятельности в период с 23 июня 1941 года, т.е. дня призыва меня вновь из запаса в ряды Советской Армии, до дня возвращения из фашистского плена и прихода в г. Орёл 9 ноября 1941 года, фактов и действий моих, послуживших причиной поступления в должность начальника паспортного стола гор. Орла в момент фашистской оккупации, фактов и действий в период работы в паспортном столе с конца ноября 1941 года по июль 1943 года, моего ареста при освобождении Орла и осуждении меня трибуналом войск МГБ по Орловской области, фактов и действий моих, Вас интересующих, связанных со мною прямо или косвенно, или просто знакомых мне в период работы в паспортном столе.

23 июня 1941 года я был мобилизован из запаса, в коем находился с 1938 года в звании старшего лейтенанта, ВУС 29. Назначен я был в автобронетанковую роту особого батальона охраны штаба 20-й армии, впоследствии действовавшей на Смоленском направлении, на должность командира автоброневзвода.

При штабе 20-й армии я использовался, главным образом, как командир разведкоманды района, прилегающего к месту дислокации штаба.

С боевой работой я справлялся неплохо и был в сентябре назначен помощником командира автобронетанковой роты.

Гов. шартанов! Пелюшкин Зюрюкин
 Во имя исторической правды, без искажений
 и, не крик души, пишу в этом
 письме-заявлении все основные факты,
 Все исторические, лично о себе и своей
 деятельности в период с 25-го июня 1941 г.
 - с дня захвата меня вместе из запада
 в район Советской армии, до дня возвраще-
 ния из фронтальной линии и ухода в фр.
 9-го ноября 1941 г., фактов и действий моего
 пребывания при этом положении в доку-
 менте на основании паспортного обмена из
 фронта в момент фронтальной оккупации
 фактов и действий в период работы в пашпорт-
 ном бюро с конца ноября 1941 по июль 1943
 этого ареста при освобождении фронта
 и освобождении ^{моя} трибуналом войск М.В.В.
 Орловской области, фактов и действий
 при Все исторические, факты и действия

Начало письма М.М.Зюсюкина

В указанной воинской части я служил до момента окружения частей 20-й армии немцами в районе Вязьма-Ярцево. В боях по попытке выхода из окружения был ранен осколком снаряда в левую ногу и контужен авиабомбой, а мой батальон был разбит и пленён. Я с остатком людей моей роты в количестве 7 человек избежал вначале плена и в течение 6 дней блуждал по лесам в районе ст. Семлево Смоленской области, пытаюсь выйти из окружения. Но все наши попытки ни к чему ни привели, и в один из дней нас захватили в плен немецкие автоматчики, прочесывавшие лес. Всю нашу семью, т.е. меня и солдат: Беляева Николая, Фёдорова Петра, Мина (старшина роты), Захарова, Комарова Николая (проживает сейчас в Орле), остальных двух не помню, влили в большую колонну военнопленных и этапировали в г. Дорогобуж (этот город в Смоленской области Зюсюкин пишет везде – Дорогобуж – А.П.).

Не знаю, были ли где в официальных документах зафиксированы тот произвол и ужасы, с которыми мы столкнулись в Дорогобужском лагере военнопленных, куда нас пригнали в сумерки одного слякотного осеннего дня. Вкратце я хочу остановиться на этом, описав всё то страшное, нечеловечное, что успели мы увидеть в этом лагере за один только день.

24
 Ваше письмо заставило меня
 вспомнить и то, что случилось. Такую мою
 ситуацию в то время я убедился, что
 гроба не хватало, и мы принесли
 свои вещи, чтобы в них
 и похоронить врагу.
 На этом я и окончу свое письмо
 записи и прошу Вас довести
 до органов прокуратуры и
 усилить для ознакомления с тем
 1-го сентября 1963 г. и орен. фр. Достопочтенный
 М. Матвеев

Окончание письма

Еле волоча ноги, голодных, промокших и холодных, загнали нас за колючую проволоку на южной окраине г. Дорогобуж.

Проходя от ворот вглубь лагеря, мы стали наткаться на какие-то, в темноте не видимые препятствия. Каковы же были наш ужас и удивление, когда, нагнувшись, мы в темноте разглядели, что это были трупы наших советских военнопленных, ранее нас загнанных в лагерь.

Трупы лежали по всему лагерю – видами голова с головой, все во льду и грязи. Солдаты и офицеры, видимо, ложась отдыхать, голодные и истощённые, не были в силах встать, так и умирали, замерзая. В лагере не было ни одной постройки, и мы на ночь замерли в яме, кем-то вырытой. И там, скрючившись, дожили до утра. Ночью решили бежать из плена во что бы то ни стало. Рано утром мы пошли попарно вдоль лагеря с целью найти подходящее место, с тем, чтобы ночью убежать.

И вот уже стало сравнительно светло. И мы стали свидетелями страшного, потрясающего явления. У трупов, многих из них, были вырезаны куски мяса из ягодиц, бёдер и, видимо, съедены. Такая участь ожидала нас тоже, так как военнопленных совершенно ничем не кормили и почти не поили – пили грязную, трупную воду выпадающего дождя и снега. На наших глазах заживо была съедена лошадь, привезшая бочку воды в лагерь. Не было никаких сил смотреть на это страшное зрелище мук и ужаса, они сравнимы только с ужасами лагерей смерти Бухенвальда, Освенцима и т.д.

К счастью, нас вскоре выгнали из лагеря, кое-как поставили в колонну и погнали по большаку в направлении Ельни.

В двух или трёх километрах от Дорогобужа, где вдоль дороги тянулись густые заросли кустарника, я предложил товарищам немедленно бежать. Часть из них заколебалась, боясь риска бежать днём. Но я, Беляев Николай и Фёдоров решение приняли твёрдо и, воспользовавшись растянутостью колонны и отсутствием в непосредственной близости конвойных, бросились в кусты и благополучно скрылись, не замеченные конвоем.

Переночевав в заброшенных артиллерийских блиндажах в окрестностях Дорогобужа и зайдя в деревню, где нас покормила одна женщина-солдатка, мы отправились по побочной дороге в северо-восточном направлении, обратно. Отойдя около двух километров, нас изловил немецкий заградотряд, и вновь отправили нас в Дорогобуж, но уже в другой лагерь, находившийся на северо-западной окраине города.

Через три дня нас вновь построили в колонну и погнали на Ельню. Ещё в совхозе, где был расположен лагерь, мы наелись гнилого жмыха, и я заболел кровавым поносом. Идти не было никаких сил, мучила жажда, и я держался на ногах только подгоняемый страхом быть застреленным конвоем. Почти ежеминутно, по краям колонны и, особенно в тылу её, щёлкали выстрелы из карабинов и автоматов – это пристреливали ослабевших военнопленных: все кюветы дороги от Дорогобужа до Ельни были заполнены трупами ослабевших военнопленных.

Темно вечером, в 20-ых числах октября нас пригнали на южную окраину г. Ельня. Люди из колонны, пользуясь темнотой, стали некоторые из них прятаться за дворы, изгороди. Я предложил товарищам – Беляеву Николаю, Фёдорову вновь попытаться бежать.

Решение мы сразу выполнили – укрылись за один дом. На нас в темноте сыпанули из автоматов, но нам было всё равно: лучше быть убитым, чем подохнуть в неволе от голода и болезней или вечного рабства.

Попытка бежать вновь увенчалась успехом и мы, переночевав у сердобольной женщины на окраине Дорогобужа, утром рано пошли в обратную сторону. Было принято решение по глухим дорогам, обходя

населённые пункты, двигаться на Брянские леса в надежде пристать где-либо к партизанам или к остаткам разбитых частей и вернуться к своим.

Прошли мы Брянские леса, вышли к Дятькову, прошли его, но никого из частей и партизан не встретили и пошли в направлении гор. Орла. Красноармеец Фёдоров ушёл в направлении Людиново. В Орёл мы пришли 9 ноября 1941 года.

В тот же час по приходе домой – 3-я Посадская, 17, я был вновь схвачен немецким офицером, стоявшим на квартире моего дома, и направлен в Орловскую тюрьму, где в это время были в заключении военнопленные.

Тут я увидел не меньше ужасов, чем в Дорогобуже. Канализация не работала, все нечистоты выливались наружу в коридоры и камеры, спать было негде. Спали на мокром цементном полу, подложив под голову кость из ноги лошади. Из окна камеры днём были видны траншеи за тюрьмой, сплошь заваленные трупами военнопленных. Каждый день из камеры выносили 2-3 мёртвых военнопленных от болезней и истощения. Кормить военнопленных почти не кормили, если не считать 200 гр. жижи, в коей плавала необходимая гречка.

На тринадцатый день я, еле живой, был освобождён из лагеря по ходатайству перед немецкими военными властями – комендатурой – под специальную подписку-поручительство, где указано было, что поручитель ручается за благонадёжность родственника-военнопленного и в случае нарушения такового подлежит возвращению в лагерь или расстрелу.

Дня через три, оправившись в той степени, чтобы можно было кое-как передвигаться на своих ногах, пошёл получать себе паспорт, вернее, удостоверение личности.

Согласно распоряжению немецких властей города, лица, не имеющие документов, получают таковые при условии поручительства за них двух свидетелей, имеющих паспорта, подтверждающих проживание этого лица, получающего документ, в данном городе до войны.

Поручителей я подготовил заранее – двух соседей, живущих во дворе, ныне умерших, и получил удостоверение личности.

В тот же день с удостоверением личности в кармане я пошёл в центр г. Орла – посмотреть, каким он стал за это время, как я в нём последний раз перед началом войны был.

И вот, в нескольких метрах от угла ул. Комсомольской и Володарского переулка, я встретил знакомого мне до войны военрука медицинского техникума Лукина Павла (отчество не помню). Сам я до войны работал военруком 2 и 7 средних школ и перед самой мобилизацией – военнотехникумовоспитателем школы ФЗО №2 г.Орла. На сборах военруков я и познакомился с Лукиным.

Я обрадовался своему человеку и остановил его. Поздоровавшись, я стал его расспрашивать: о его делах, как и что он теперь делает, а почему ты не на фронте? Не помню точно, что он мне сказал, кажется, что он не был по какой-то причине мобилизован. Насчёт работы ответил, что он работает помощником полицмейстера города. Я не успел ещё толком разобраться в услышанном, как он потянул меня за рукав и проговорил: «А ну-ка, пройдем сюда!»

Мы вошли в одну из комнат уголовного здания (ныне – швейная мастерская). В комнате находились один мужчина в гражданском и немецкий офицер. Лукин обратился к гражданскому человеку со словами: «Господин полицмейстер, вот мой знакомый, бывший офицер, ранее репрессированный при Советской власти – ему надо дать работу у нас».

«О! Офицер советский, – сказал немецкий офицер на чистом русском языке, – вот хорошо! Мы его используем командиром в одном из создаваемых нами украинских батальонов» (такие формирования тогда проводились в Орле). Я остолбенел, мелькнула страшная мысль: «Своих уничтожать! Нет!»

«Ну что Вы, господин капитан, – сказал полицмейстер (фамилию его я узнал – Ставицкий или Савицкий), – какой он сейчас строевик, он чуть не на ладан дышит. Вот пусть оправится малость, мы его на пристава или на начальника паспортного стола поставим».

Опять не менее жгучая мысль: «Приставом! Это тиранить своих же людей! Ну нет! Только не это!»

«Как, согласны на пристава?» – спросил полицмейстер.

«Да что Вы, – промолвил я, – какой из меня пристав. Характер у меня не позволит служить в полиции, мягковат он у меня.

«Не мягковат! – крикнул офицер. – Это он ещё не перекрасился. Так мы поможем, средства у нас найдутся!»

«Ну, а на начальника паспортного стола, как?» – спросил полицмейстер (это был Ставинский или Ставицкий, как узнал я позднее) – Будешь выдавать удостоверения и прописывать орловских граждан?»

У меня появилась надежда избежать того, чего я боялся хуже смерти, т.е. попасть в украинский батальон или стать приставом.

Я ответил: «Дайте мне время подумать!»

«Сколько же тебе думать? – вмешался офицер. – Господин Ставицкий, дайте ему день на размышление, а если он будет упираться, дальше вопрос с ним решу я» – и с этими словами офицер вышел.

На второй день после описанной мною сцены недалеко от своего дома на улице 3-я Посадская я повстречал знакомую мне ранее до войны учительницу бывшей 12 средней школы Дириглазову Нину. Мы разговаривали, и я ей поведал о том разговоре, который происходил со мной в полиции. Спросил и мнение, как мне быть...

Она мне сказала примерно следующее.

«Положение у нас сейчас ужасное. Надо всеми способами избежать зачисления в украинский батальон, а также поступления в полицию на пристава, но надо согласиться на начальника паспортного стола. Из двух, или, как у тебя, из трёх зол выбирают наименьшее. Порядок выдачи паспортов или, как их там, удостоверений, тебе известен. Может, и ты будешь полезен своим советским людям, попавшим в страшную беду, видишь, сколько их, как ты сам говорил, пробираются из окружения или плена. Иди, а дальше видно будет, Россия всегда выходила из самых безнадёжных, кажется, положений».

Я был просто обрадован её словами, мои мысли и мнение полностью сходились с высказанным ею мнением.

На второй день после этой встречи, в назначенный мне день, я пришёл в управление полиции к Ставицкому и вступил на должность начальника паспортного стола г. Орла (с левой стороны абзац отчёркнут красным – А.П.)

Структура паспортной службы была следующей. В городе, разбитом на 3 полицейских участка, были организованы паспортные столы участков: центральный паспортный стол включал в себя паспортный стол первого участка (ныне – Заводской район), 2-ой паспортный участок – ныне Железнодорожный район и 3-ий паспортный стол 3-ого участка – ныне Советский район.

Выдачей удостоверений ведал центральный участок – паспортный стол при полицейском управлении. Контроль и выдачу удостоверений осуществлял лично я, а в моё отсутствие – заполнялись удостоверения старшим паспортистом, а по приходе я их подписывал и нёс к бургомистру города для наложения печати и подписи.

Удостоверение личности на русском и немецком языках выдавались, вернее, должны были выдаваться, согласно распоряжения военного коменданта ост-комендатуры, только гражданам, ранее проживавшим в Орле и покинувшим его (эвакуированным или беженцам) во время военных действий или до прихода немецких войск, т.е. по причинам военного характера – исключая военнопленных.

Удостоверение могло быть выдано при условии представления получателем двух свидетелей, подтверждающих проживание данного гражданина в Орле до прихода немецких войск. Свидетели несли уголовную ответственность за благонадёжность получателя удостоверения.

Такой порядок выдачи удостоверений личности лицам, не имевшим таковых, или не имевшим паспортов по причинам утрат разного характера сохранился вплоть до изгнания оккупантов.

Такая «либеральная» установка по выдаче удостоверений давала возможность выдавать таковые кому угодно, лишь бы получатель нашёл

и представил в паспортный стол двух свидетелей-поручителей. Это была отдушина, которой я и вскоре воспользовался (после, как освоился с делом). Этим и объясняется то положение, что когда Орёл был освобождён, в боевые колонны стали сотни людей, никогда не проживавших в Орле. Начальник паспортного стола нёс ответственность только за точность соблюдения правил оформления документа. Ответственность за получателя удостоверения несли поручители.

Я прекрасно знал, что в Орле осело множество солдат и офицеров Советской армии, прибывших, как и я, из плена или окружения.

Выдавая документы, я не спрашивал человека, кто он, или откуда он явился. Я видел перед собой русского, родного мне человека, попавшего в тяжёлую беду, и помогал ему бескорыстно. Выручал его тем оружием, которое, волею судьбы, оказалось в моих руках для жизни и счастья этих людей и всей моей родины.

Документ, полученный гражданином в эту пору, был равен жизни. Выданные мною документы спасли сотни из них от посылки в Германию (бездокументные немедленно забирались полицией и немцами или направлялись в лагерь военнопленных, или отправлялись в Германию, или в украинский батальон и т.п.), от плена, от обвинений в партизанстве или подозрений в нём – за это следовал расстрел.

Строго следуя правилам выдачи документов, я сохранил и свою жизнь, и этим объясняю я, что моя голова осталась цела, тогда как рядом со мной полетело много голов (о чём ниже). Ко мне нельзя было придраться.

Я не мог не знать, кроме того, об осевших в Орле «окруженцах» и о раненых и больных солдатах и офицерах, находившихся в военных госпиталях, в «Русской больнице», как тогда её именовали, на излечении (абзац слева отчёркнут красным – А.П.).

Мой товарищ Беляев Николай, с которым я пришёл из плена, лежал несколько дней в этой больнице и говорил, что там много братвы из окружённых, и не только от него. Хотя никого из них я не знал лично, но, не имея документов, они неизбежно должны были пройти через меня для их получения. Счёта этих товарищей, т.е. всех, получивших у меня удостоверения личности, я не вёл и не считал нужным. У меня была цель – спасти своего человека – людей для будущего. И враги просчитались, в конечном счёте, наивно думая, что им работают на совесть. И просчитались они вообще в русском человеке, в оценке его морального духа, его возможностей, его преданности родине.

Начальником паспортного стола я проработал до первых чисел июля 1943 года, после чего сбежал с работы и укрылся вместе со своим соседом Серафимом Захаровым (впоследствии погибшим на войне).

На второй день по приходе в Орёл частей Красной Армии, по дороге на призывной пункт, я был задержан и направлен в полевой загранотряд войск пограничной охраны. Там был допрошен предварительно. На допросе вины своей в измене не признал. При обыске на моей квартире у меня были изъяты около 50 бланков удостоверений личности, которые я похитил в комендатуре с целью их возможного использования советским командованием. Не знаю, отражено ли это известие в протоколе допроса.

На второй или третий день после ареста я был переправлен в управление МГБ по Орловской области, и всё дело было начато сначала.

Допрос мой вёл младший лейтенант (фамилии не помню), обвинялся я по ст.58, п.1б, в измене Родине. Вину в измене Родине я отрицал категорически. Но в допросе меня ко мне были применены недозволенные приёмы, как-то: матерная ругань, угрозы, изматывание на допросах ночью, а днём спать в камере не давали, морили меня голодом – лишали передач и т.д.

Все мои правдивые, резонные доводы отвергались, факты подтасовывались. Вместо действительно происходившего в протоколы вписывались устраивавшие следователя формулировки и обстоятельства.

Мои требования о вызове бывшего помощника полицмейстера т. Лукина Павла не были выполнены. Ни один свидетель на очной ставке со мной не был, не было свидетелей и во время суда надо мной. Судился я в одиночку, в присутствии представителя ревтрибунала и двух заседателей – младших командиров. На суде я не признавал своей вины в измене Родине и просил суд отправить меня на фронт, но всё напрасно: **мне «прилепили» 10 лет, и их я отбыл полностью.**

В протоколах допросов, насколько я помню, ни словом не были упомянуты действительные причины и обстоятельства, как я попал в паспортный стол (о чём я писал выше), и всё фальсифицировано и записано примерно так: «...добровольно пришёл в полицию, без нажима подал заявление и был назначен на должность начальника паспортного стола».

На мои доводы, что я никогда не думал изменять Родине, что я сильно помогал своим людям, попавшим, как и я, в беду, на это следовал ответ: «Люди сами себя спасали, ты тут не при чём, ишь, спаситель нашёлся! Ты – изменник Родине, работал в немецком фашистском учреждении, и если бы ты не пошёл к ним на эту работу, то немцам пришлось бы сажать на это место своего человека, и на фронте у них было бы одним человеком меньше».

На мой аргумент, что немцы своего человека, немца, на это место никогда бы не поставили, они бы нашли настоящего русского изменника, нужного, а такие нашлись бы. И вот такой тип начал бы «работать» там, проверяя досконально каждого человека, не имею-

щего документов, проверяя сам, и ужас сколько бы погибло наших людей в лагерях, в тюрьмах, замучено на допросах и т.д., а я же этого не делал? (Абзац отчёркнут слева красным – А.П.).

Был такой вопрос: «А кто тебе задание давал, герой?» – язвительно спрашивал следователь. Я отвечал: «Задания на помощь людям, действительно, ни от кого не получал, что люди, которые могли бы это сделать, были далеко от меня, и я – от них. Но разве оскудевала Русская земля когда-либо в своей истории, что у неё не оставалось людей с совестью, работающей по велению своего сердца для своего народа в самых напряжённых условиях и даже в стане врага? Разве не было таких примеров и в этой Отечественной войне?

«Ха! Нашёлся патриот! Ну-ка, кончай волынку, изменник! Подписывай протокол!»

И так из дня в день, из ночи в ночь – без сна и пищи, без передач и с угрозами в течение двух месяцев. Душа моя была надломлена, и я физически не мог всего этого вынести.

Я был в полном смятении. «Вот, – думал я, – перенёс трехкратное пленение, был накануне смерти, смотрел ей в глаза, возненавидел всеми фибрами своей души фашистских палачей, поставивших нас в такое страшное положение, старался, по мере своих сил, помочь своим несчастным людям, ждал день ото дня своих, и вот – они пришли, и всё обратилось против меня. Где же правда? Правды нет!»

И чтобы избавиться от мук допроса, поставил свою подпись под протоколом об измене. Мне было уже всё равно: «Прощай, жизнь осмысленная, целеустремлённая» – так я чувствовал себя в то время.

Но самым тяжёлым и унижительным, просто издевательским был аргумент следователя в одном из допросов:

«Ну, пусть некоторым «окруженцам» и другим, кому ты помог, что не привязывался к ним и не препятствовал им получить удостоверения, – за это тебе спасибо, а за то, что ты служил у немцев – получишь сполна!»

Значит, мои усилия ставились ни в грош (эти абзацы отчёркнуты слева красным – А.П.).

Был и такой вопрос на следствии: «Ну, пусть, как ты говоришь, ты работал на пользу Советской власти. А почему же нам об этом ничего не известно? Почему ты работал в одиночку и не имел сообщников? Вот они бы сейчас подтвердили твою правоту!»

Я отвечал и утверждаю сейчас то же самое: «В помощниках или сообщниках я не нуждался. Дело от этого в лучшую сторону не изменилось бы, дело шло и без того. Это, во-первых. Во-вторых, привлечение других людей могло привести дело к провалу. В-третьих, в свидетелях, на случай прихода наших частей, с тем, чтоб гарантировать возможность мое-

го обвинения в содружестве с немцами, я не нуждался (это кусок текста М.М.М. подчеркнул красным карандашом – А.П.).

Считал, что лучшими свидетелями будут люди, оставшиеся в живых и ставшие в боевые колонны. И я просчитался. Этих людей, а их было сотни, никогда не живших в Орле, никто не спросил. Я считал тогда, что меня судить не за что и тоже просчитался» (этот абзац с левой стороны отчёркнут красным карандашом – А.П.).

Меня судили – и я стал не человеком, ибо какой же есть человек – изменник Родины?

Ко мне подошли с предвзятым мнением, старались обвинить во чтобы то ни стало. Хороших, добрых начал у человека и не старались найти, имели только целью отыскать злые, подлые.

И вот вследствие этого приклеили мне ярлык изменника, подлеца, каким я никогда не был. Не признаю этого за собой никогда.

Только принуждение и боязнь убивать своих братьев и терзать их заставили меня оказаться в стане врага. Противоестественно кролику полюбить удава, заведомо знающего, что зазевайся он, будет немедленно проглочен.

И ещё раз заявляю!

Находясь в стане врагов, я врагом не был и не буду им никогда.

Подпись – Зюзюкин.

Стр. 15

Тов. Мартынов!

В последующих строках этого письма-заявления я постараюсь рассказать всё, что помню до сих пор в той или иной мере о людях, которые Вас интересуют, связанных прямо или косвенно с моей деятельностью или знакомы по какой-либо причине мне.

Буду говорить об этих людях в порядке последовательности – так, как я с ними сталкивался впервые.

Лукин Павел – помощник полицмейстера. Первым человеком, с которым я столкнулся, являющимся моим «протезом» на «добровольную» должность начальника паспортного стола, был Лукин Павел (отчество не помню).

До Отечественной войны он работал военруком медтехникума. Сам был офицером запаса (звания не помню). Знакомство наше с ним произошло на одном сборе военруков летом 1940 года.

Лукин жил на улице 2-я Посадская, дом № не помню. Он знал, что я был под следствием в 1937 году и был освобождён за отсутствием состава преступления. Знали об этом и другие военруки, секрета я из этого не делал.

В это время ничего порочащего за Лукиным я не знал. Был он, как и все. Это был мужчина высокого роста, блондин. В полицейском управ-

лении на должности помощника полицмейстера он проработал до конца лета 1942 года, после чего был уволен (подчёркнуто красным – А.П.). Причина увольнения мне была неизвестна. Кажется, это было вызвано тем, что он работал при полицмейстере Ставицком, покончившим жизнь самоубийством в тюрьме гестапо (подчёркнуто красным – А.П.), и его посчитали неблагонадёжным человеком, но утверждать этого я не могу.

После увольнения, кажется, в начале весны 1943 года я его видел, ведшим под уздцы лошадей какой-то немецкой части (подчёркнуто красным – А.П.), и он сказал, что работает конюхом. Вот всё, что я знаю о нём, после я его не видал ни разу.

Ставицкий (имя, отчество не помню).

Ставицкого я плохо себе представляю. О первом с ним знакомстве я говорил в момент, когда Лукин П. затащил меня в полицейское управление. Как помнится, это был мужчина среднего роста, лет 42-44, блондин.

По работе я с ним почти не сталкивался и указаний он мне никаких не давал, да и, видимо, не успел бы дать. Вскоре, кажется, в декабре он был арестован и в тюрьме гестапо покончил жизнь самоубийством.

По разговорам в полицейском управлении полицейских и служащих конторы было слышно, что он был связан с советскими властями, имел от них какое-то задание. Больше о нём сказать ничего не могу (отчёркнуто слева красным – А.П.).

Головко Василий Иванович

Головко В.И. появился в полицейском управлении в должности полицмейстера в январе 1942 года. В разговоре с ним, по его словам, насколько я помню, он прибыл из Черни (почёркнуто красным – А.П.), вместе с отступающими от Москвы немецкими частями. Как мне помнится, он говорил, что работал там в каком-то садоводстве (подчёркнуто красным – А.П.), не на виду, как он выразился.

Когда я впервые его увидел, он был одет в крытый чёрным сукном полушубок с надетым на него сверху брезентовым, защитного цвета, плащом. На голове была шапка конусом. Сам был он выше среднего роста, брюнет. На вид – рассудительный, степенный человек. Работал он в управлении, кажется, до августа 1942 года, после чего был арестован и замучен в застенках гестапо.

Заходил он иногда ко мне в паспортный стол что-либо спросить или приводил какого-либо человека и давал указания оформить на него документы. Основанием для оформления документа были, насколько помню, устные указания по распоряжению горкомендатуры (так и делалась отметка в удостоверении личности). Сколько таких приводов было – не

помню. Не помню также и людей, кроме того, когда он привёл ко мне Челюскина Николая (подчёркнуто красным – А.П.).

В августе месяце, придя на работу, я услышал, что Головка арестован и сидит в гестапо, как и за что он был арестован, сведений у нас не имелось, а расспросов я старался избежать. Излишнее любопытство могло быть вредным. Через какое-то время, когда я зашёл в общую канцелярию управления, из разговоров бухгалтера, машинистки я узнал – говорила бухгалтер, фамилии не помню, что она от кого-то слышала, что Головка сильно истязали и, в конце концов, убили. Был он от побоев весь чёрный, но, говорят, что ничего им не сказал, т.е. немцам ни в чём не признался. Вот всё, что я знаю о Головке В.И. (отчёркнуто слева красным – А.П.)

Челюскин Николай

Челюскин Николай появился в паспортном столе в апреле 1942 года. Входя в помещение паспортного стола, я увидел у барьера крупного телосложения мужчину с большой красивой чёрной бородой, разговаривающего с паспортисткой Ирой (фамилии не помню).

Пришёл он получать удостоверение личности и вскоре, получив его, ушёл. На второй день полицмейстер Головки В.И. приводит ко мне этого человека, но уже с обритой бородой и рекомендует его мне (подчёркнуто красным – А.П.): «Вот, Матвей Михайлович, господин Челюскин Николай будет работать у Вас старшим паспортистом и Вашим, по существу, помощником, любите и жалуйте его», – промолвил он, улыбаясь. Мы познакомились, и он сразу же приступил к работе. Я его, предварительно, проинструктировал: как оформить удостоверение, как прописывать и выписывать людей, особо подчеркнул необходимость соблюдать точные установки с представлением поручений, так как малейшее несоблюдение этих установок навели бы соответствующие подозрения тайной и явной агентуры сыскного отделения, возглавляемого палачом Букиным (подчёркнуто красным – А.П.)

После ознакомления его с обязанностями у нас здесь, в помещении паспортного стола, завязалась общая беседа на тему: откуда Челюскин попал к нам. Он охотно об этом рассказал. Из его слов явствовало, что он всеми правдами и неправдами пришёл из Молотовска Архангельской области, где жил вместе со своей сестрой. Что он перешёл, где, не помню, фронт и перебежал к немцам и пришёл в Орёл, откуда он родом. Что здесь живёт его мать. Тут он вынул бумажник и показал нам, форматом в писчий лист, грамоту или, вернее, фамильное удостоверение, где значилось, что он – сын дворянина Орловской губернии Челюскина (имя отца не помню) и т.д., текста не помню.

В верхней части удостоверения стоял герб Российской империи – двуглавый орёл. Внизу тоже была печать. У меня мелькнула мысль: «Вот слетаются чёрные вороны из тёмных мест», а он и в самом деле был чёрный брюнет. Глаза у него были чёрные, выразительные, голос громкий, басовитый, движения энергичные, живые.

Через небольшой промежуток времени Челюскин полностью освоился с работой, и я, уходя куда-либо по личным своим или служебным делам, оставлял его за себя, и он выполнял всю работу. Не помню точно, но 2 или 3 раза он носил удостоверения на подпись бургомистру и раз или два получал со мной вместе бланки удостоверений в комендатуре.

С полицмейстером Головки В.И. Челюскин с первых же дней был, как говорят, на короткой ноге. Шутил с ним, вёл свободно, без тени робости, разговор дружеского характера – это мне хорошо помнится.

В обращении с народом Николай был прост, внимателен и вежлив. Со мной держался совершенно свободно (подчёркнуто красным – А.П.), был в нормальных служебных отношениях, но близко не сходилась, да и не успели мы узнать друг друга глубже. Правда, был случай, когда от горуправы мы получили два билета на открытие детского приёмника в Корольково. Я с ним в воскресенье ездил на велосипедах на это открытие.

В обоюдном разговоре (о чём – точно не помню) он как бы мельком сказал: «Немцам прошлая зима стоила 800 тысяч солдат и офицеров». «Ничего себе цифирка, – ответил я, – больше, чем вся армия Наполеона».

В общем, в его деятельности в паспортном столе я ничего необычного не заметил, он делал то, что делал и я.

В августе или сентябре (точно не помню), придя на работу, я не увидел Челюскина, и вскоре выяснилось, что его забрало гестапо (подчёркнуто красным – А.П.). Помню, правда, очень смутно, будто бы в паспортный стол приходила его мамаша, спрашивала о нём, и я ничего не мог ответить. Для меня такое было совершенно неожиданно и загадочно.

После было, из разговоров служащих, известно, что Челюскина много допрашивали, били, что он пытался симулировать сумасшествие, чтобы, видимо, найти выход из положения, но это ему не удалось, и его где-то уничтожили.

Вот всё, что могу сказать о Николае Челюскине.

Барков Павел (отчество не помню)

Появился в управлении не помню точно: то ли осенью 1942 года, то ли после ареста Головки и занимал должность помощника полицмейстера. Это был молодой, очень красивой наружности человек, тоже брюнет. Лет ему было в то время 27-28. Ходил он одетым в тёмно-синюю шинель железнодорожного образца. Может быть, это тот человек, железнодорожник, о котором Вы, тов. Мартынов, мне говорили. В

паспортных же столах никого из железнодорожников не работало. Не помню, как и когда произошло моё с ним знакомство, вероятно, это произошло обычным служебным порядком.

Из разговоров с ним мне стало известно, что он офицер Советской Армии – артиллерист, о причинах и обстоятельствах, как он стал помощником полицмейстера, я точно не знал.

Не помню, сколько раз он приходил ко мне в паспортный стол с людьми для выдачи им документов и приводил ли вообще в 1942 году, но помню, что весной 1943 года он попросил меня выдать удостоверение личности, имеющим только двух поручителей на всех их (подчёркнуто красным – А.П.).

Удостоверения этим товарищам мною были выданы беспрепятственно, потому что инструкция не оговаривала этого положения, и я, не опасаясь тяжёлых последствий, документы выдал. Выдавал я удостоверения личности и ранее, и много раз лицам совершенно новым, но с поручителями повторными, т.е. такими, которые ранее уже за кого-либо уже давали поручения. Это была тоже отдушина, которой я и пользовался, выручая людей из беды. В инструкции это положение тоже не оговаривалось.

Осенью 1959 года я видел в последний раз Баркова Павла в Орловском горвоенкомате. Я подошёл к нему, и он меня сразу узнал. Мы разговаривались. Он сказал, что тоже, как я, отбыл наказание 10 лет по ст.58 (подчёркнуто красным – А.П.).

«Помнишь, – сказал он мне, – как я к тебе приводил трёх человек, это ведь были три советских лётчика, где-то сбитых с самолётов и пристрелявшие в Орле» (отчёркнуто слева красным – А.П.).

Шалимов – бывший бургомистр г.Орла.

Шалимова я увидел впервые, когда понёс к нему на подпись и приложение печати заполненные бланки удостоверений личности. По распоряжению комендатуры подписывание документов вменялось в обязанность головы города.

Шалимова я почему-то помню только в положении, когда он сидел за столом. Это был мужчина 45-47 лет, жгучий брюнет в очках или пенсне.

Когда я зашёл в кабинет, он разговаривал с каким-то штатским лицом, который, судя по характеру разговора, просил Шалимова дать ему работу в горуправе в должности какого-то чиновника.

Шалимов вспылил и громко обрубил: «Какого чёрта вы все лезете в чиновники? Шли бы лучше куда ещё, – вон хоть торговать, что ли!» (отчёркнуто слева красным – А.П.).

В середине 1942 года, точно не помню, в каком месяце, прошёл слух, что Шалимова забрало гестапо, как и за что, точно было неизвестно. Но

предполагали, что он был связан тоже с советским командованием и работал на пользу Советской армии (подчёркнуто красным – А.П.).

Вот всё, что я могу сказать о тех людях, кои Вас интересовали, т.Мартынов.

Сведения, конечно, скудные, но выдумывать нет цели и не имею права, покажу истину.

О себе я, конечно, написал много, но ведь о ком больше можешь знать, как не о себе?

Стр.20

Тов. Мартынов!

После того, что я сказал о себе, мне кажется не ясным и даже более парадоксальным следующие обстоятельства.

Как же так получается?

Вы получили партийное задание выяснить через меня и, видимо, через других свидетелей, что представляли из себя люди, погибшие в застенках гестапо, люди, посланцы партии и народа, и характер их деятельности в стане врагов.

У меня и у многих вошло в сознание, что это были советские разведчики, посланные в тыл врага делать дело, способствующее разгрому врага, т.е. священное патриотическое дело.

Я, конечно, многое не знаю, что делал Челюскин Николай и другие патриоты (?), о которых шла речь, но если бы, к примеру, Челюскин ничего не делал, кроме выдачи документов, его поступки рассматривались бы и сейчас рассматриваются, как героические, патриотические и в этом роде.

Почему же мои действия, подобного же рода, рассматриваются, как тяжко наказуемое действие??? вражеские?

Неужели в том и только разница, что Челюскин и другие были кем-то посланы, а я не был послан, но делал, по существу своему, такое же дело: лил воду на нашу же мельницу, работая в одиночку по велению своей души и сердца, как советский человек.

Мне кажется, нельзя все явления и действия людей и самой жизни подводить под одну марку, по одному трафарету. Ведь условия – то у людей бывают разные, и разные у людей судьбы.

Ведь это же чистая случайность, ставшая для меня роковой, что я встретил этого Лукина и под давлением власть имущих, подверженной маразму предшествующих событий, был вынужден выполнить их условия – но не своё. Разве это не есть насилие?

Если бы я был тем, кем меня тогда насильно сделали уже в своём Отечестве, то многие сотни людей, боевые колонны, ушедшие из Орла после его освобождения громить врага, не досчитались бы в своих рядах.

И это было бы легко мне сделать, путей для этого было много: и шпионаж, и доносы, всякие доскональные расследования, исправление инструкций, закрывших бы все «отдушины», и т.п.

Но я же этого не делал.

Изменником я никогда не был и не буду!

Несмотря на то, что я и отбыл наказание, Вы, Тов. Мартынов, говорили, что у Челюскина при обыске было отобрано около сотни бланков удостоверений. И было заметно по Вашему тону, что Вы расцениваете это явление как героический поступок.

Но ведь и у меня при обыске на квартире, по моему сообщению, конфисковано было изъято около 50 таких же бланков удостоверений, похищенных мною в целях возможного использования их советскими властями.

Но об этом в моём деле нет ни слова, я что-то не видел указаний на данное обстоятельство. Ко мне следствие и трибунал подошли с предвзятым мнением, невзирая ни на что, не разбираясь в сути дела, ставили задачу осудить меня во чтобы то ни стало. Таково моё мнение, в этом я убеждён и до гроба не соглашусь и не признаю своей виновности в измене и пособничестве врагу.

На этом я и окончу своё письмо-заявление и прошу Вас довести до органов прокуратуры его содержание – для ознакомления с ним.

1-го января 1963г. г. Орёл, ул.Достоевского, 40

М.Зююкин (подпись)

В дополнение к письму – три документа с сайта «Память народа»

Донесения о безвозвратных потерях

1. Зююкин Матвей Михайлович

Дата рождения: 1905

Место рождения: Орловская обл., Орловский р-н, Лаврентьевский с/с, д. Фоминка

Дата и место призыва: 1926

Воинское звание: ст. лейтенант

Последнее место службы: ЗапФ 40 отд. бат. полев. охр. 20 А

Дата выбытия: между 10.1941 и 12.1941

Причина выбытия: пропал без вести

Место выбытия: Смоленская обл.

2. Зююкин Матвей Михайлович

Военно-пересыльные пункты и запасные полки

Дата рождения: 1905

Дата и место призыва: 08.08.1943

Военно-пересыльный пункт: 18 азсп
Прибыл в часть: 08.08.1943
Воинская часть: Орловский ГВК, Орловская обл., г. Орел
Выбытие из воинской части: 08.08.1943
Куда выбыл: 204 фзсп

3. Зюзюкин Матвей Михайлович

Учетно-послужная картотека
Место рождения: Орловская обл., д. Калинина
Дата поступления на службу: 09.10.1926
Воинское звание: ст. лейтенант
Наименование воинской части: 40 обо, 599 лап
Дата окончания службы: __.__.1941

И четвертое – из Банка данных «Жертвы политического террора в СССР»

Зюзюкин Алексей Михайлович (*видимо, родной брат – А.П.*)

Дата рождения: 1902 г.

Место рождения: Орловская обл., Орловский р-н, дер. Фоминка

Пол: мужчина

Профессия / место работы: колхозник.

Место проживания: Орловская обл., Орловский р-н, дер. Фоминка

Мера пресечения: арестован **Дата ареста:** 1943 г.

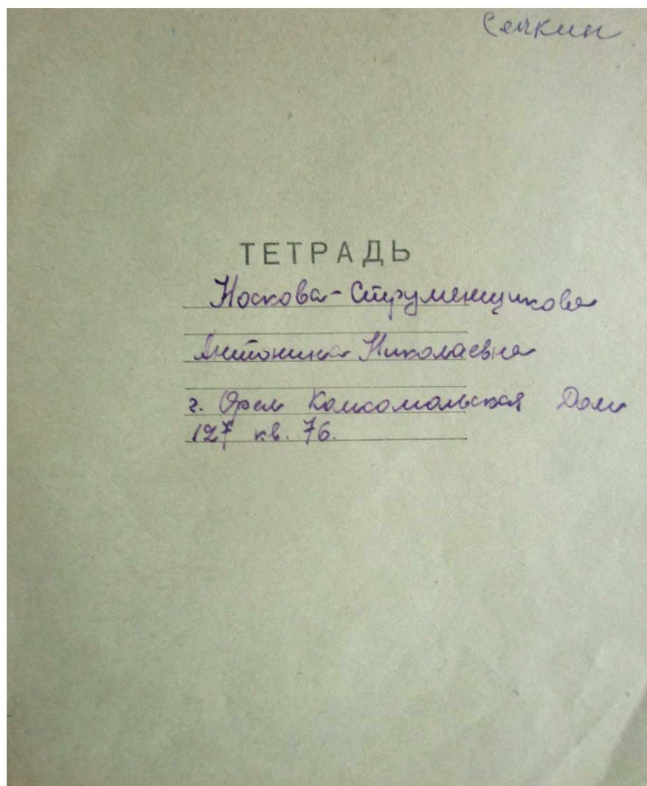
Приговор: 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах.

Источники данных: БД «Жертвы политического террора в СССР»;
Книга памяти Орловской обл.

**Немецкий эстрадный театр «Пёстрая сцена»
(«Бюнте-Бюнне») в оккупационном Орле**
(воспоминания Антонины Николаевны Носковой-Струменщиковой,
из архива М.М. Мартынова)

Ученическая тетрадь в косую линейку. 11 страниц, написанных от руки.
На обложке – в правом верхнем углу написано (скорее всего, рукой
М. Мартынова), – «Сечкин», по центру –

**«Носкова – Струменщикова Антонина Николаевна,
Г.Орёл, Комсомольская, дом 127, кв. 76**

Тетрадь с «Воспоминаниями»

«Во время вторжения немцев в г. Орёл 1941 года я находилась в деревне Большая Куликовка со всей своей семьёй, так как мы дальше эвакуироваться не могли по случаю ранения нашей матери при сильной

бомбёжке перед захватом немцами г. Орла. В середине октября 1941 г. мы пришли из деревни в Орёл в себе домой, где мне соседка передала записку от Черенкова Георгия Гуровича (до войны он работал в филармонии и в музыкальном училище), который просил придти меня в помещение городского Драматического театра на Ленинской улице. Когда я пришла в театр, Черенков Г.Г. собирал концертную группу из оставшихся в Орле артистов филармонии, студентов музыкального училища и участников художественной самодеятельности, как всем, так и мне предложил принять участие в концертах, за что будет даваться нам хлеб, обеды по талонам, и с этого дня я стала работать в театре в группе Черенкова танцовщицей.

Когда я пришла в театр, там уже было много артистов из филармонии, из эстрадного оркестра – тех людей я не помню, помню я наш танцевальный коллектив, среди которых были: сёстры Нонна, Ина Боголюбские, Зина Сычёва, Валентина Рождественская, Зоя Гнеушева, Вера Санькова, Люда Кузнецова, Таня Карабанова, Валя Суркова. Позже, в начале 1942 года, – Люся Уборская, Николай Сергеев, Сима Федюкина, Вера Соколова, Эльза Берзина, ещё позже в театр поступили Нина Алексеева, Тамара Алексеевская. В театр шли по основной причине, что кто работал в театре – не забирали в Германию.

До начала 1942 года мы работали только днём, одни русские артисты с эстрадной программой, которую делали сами, что знали из самодеятельности клубов, под руководством Черенкова Г.Г. В начале 1942 г. в помещении городского Драматического театра немцы сделали эстрадный театр под названием «Бюнте – Бюнне» («Пёстрая сцена»), артистов из солдат разных жанров, только балет были мы, русские, все танцовщицы из эстрадной группы Черенкова, за что нам давали солдатский паёк и незначительную зарплату.

Здесь, в немецком театре, мы выступали по 2 раза в день, днём и вечером, исключительно для немцев. Шеф театра был старший лейтенант Вернер Шефер, администратор – унтер-офицер Франц Келер, балетмейстер – солдат Вальтер Хорн, дирижёр эстрадного оркестра – унтер-офицер Юб Шмитц.

Со всеми девушками в то время я была с нашими знакома до войны по самодеятельности и по школе и школе балетной, как с Верой Саньковой, Люсей Кузнецовой, Ниной Алексеевой, Тамарой Алексеевской, Татьяной Карабановой и другими.

Танцевальная группа состояла из 15-12 человек, солистами были Вера Санькова и Люся Уборская. Балетная программа была разнообразна: большие постановки из Штрауса, из сказки «Шехерезада», эстрадные и национальные танцы. В мае-июне 1942 года был массовый угон молодёжи в Германию, и многие устраивались на работу, где отстраняли от поездки в Германию. И в это время в театр поступил Вла-

димир Сечкин в качестве парикмахера, благодаря хорошему отношению шефа театра Вернера Шефера к Люсе Уборской. Владимир Сечкин – брат Люси Уборской – был принят в театр и этим был оставлен от поездки в Германию.

Во время изгнания немцев в г. Орле
1941/годе я находилась в деревне Бавинки
Куликовской со всей своей семьей, т.е. как мы
даже эвакуировались не могли по случаю
ранения нашей матери при сильном
бомбежке перед захватом немцами г.
Орла. В середине октября 1941 г. мы пришли
из деревни в Орел к себе домой, где
мы соседка получила записку от Зерен-
кова Федора Зуровича (до войны он работал
в кинофирме и в музыкальном училище),
который просил пригласить меня в помеще-
нии Зеренкова Орловского Государ-
ственного Ленинского училища. Когда я пришла в
училище Зеренков в.в. собирал концертную
группу из оставшихся в Орле артистов
Кинофирмы, служившей в Музыкальном

Начало «Воспоминаний»

Володю Сечкина я знала как брата Люси Уборской, которая была моей подругой по самостоятельности до войны. В театре я его видела

часто, говорят, что в парикмахерской работал Евгений Цыганков – этого я не помню, это было так давно, 20 лет, возможно, он не ежедневно не был, а его я знала по 32 школе и по Дому культуры железнодорожников до войны, а по театру во время оккупации я не помню.

Работали мы ежедневно по скользящему графику, ежедневно одна-две девушки были выходными, только помню, 5 дней не работал театр по случаю траура немцев – гибели немецкой армии под Сталинградом.

В конце раб. дня в симметрично
массировано, где делались декорации
лесница, большой каменный леснице
на выходы этажи, сработаны
ныш комнаты, и дверь на 3 этаж
на 2-м этаже также большое
дверь едущая и дверь с в зрелищ-
ным зал на 600-500 мест
с двумя помещениями.
на 3-м этаже комнаты где
артисты-эстрадники-актеры
костюмные и парикмахер-
ская. и в конце коридора
лесница на сцену.
15/7-1964. В. Лоскут

Окончание «Воспоминаний»

2 октября 1942 года мы пришли на репетицию и дневной концерт, все девочки стояли и шептались, нам сообщил рабочий сцены (немец

с Поволжья) хорошо говорил по-русски, что Люсю Уборскую, Нину Алексееву и её брата Володю Сечкина и ещё сестру её Надю Сечкину арестовали, как будто они состояли в подпольной партизанской организации, подложили мины в подвал, и во время концерта должен был театр взлететь на воздух, но это было обнаружено, и взрыва не произошло.

И сказал этот рабочий сцены (не помню его фамилию), что их всех забрали в гестапо. Но когда должен был взорваться театр, Люся и Нина были по графику выходными.

Вечером, когда был второй концерт, пришёл администратор Франц Келер злой, стал ругаться на всех нас по-немецки своей руганью, что мы все здесь партизаны. Мы молчали, ничего не говорили. Шеф театра Вернер Шефер не показывался в театр целую неделю, якобы его подозревали в связи с Люсей Уборской и проверяли его в штабе, так как он был в дружеских отношениях с Люсей. И все немцы-артисты думали и предполагали, и говорили, что ради Люси Уборской он поплатится головой, и его могут разжаловать в солдаты и послать на передовую. Но в последствии выяснилось, что Люся Уборская не причастна была к подпольной организации.

Шеф остался в театре, но был уже меньше с нашими говорлив, но Люсе помогал через своих людей. Их отправили в Германию. Потом Люся Уборская писала письмо шефу из Германии, она благодарила, что он очень помог ей в жизни, и работали они в Германии. После войны я встретила Люсю Уборскую и её маму, и они мне сказали, что Володю Сечкина, Нину Алексееву расстреляли. Люся в настоящее время живёт со своей семьёй в Москве, мама её здесь.

Вот все мои воспоминания, что я могла вспомнить – 20 лет тому назад, что было в театре во время оккупации немцами г. Орла.

Работали мы в бывшем помещении городского драматического театра по улице Ленина. Расположение помещения театра: вход с улицы Ленина, входим в театр – маленькое помещение, кассы с двух сторон, дверь, фойе по первому этажу с вешалками. В конце фойе – дверь в столярную мастерскую, где делались декорации театра, большая каменная лестница на второй этаж, справа – туалетные комнаты и дверь на третий этаж. На втором этаже – большое фойе отдыха и двери в зрительный зал на 600-500 мест с двумя ложами.

На третьем этаже – комнаты для артистов: гримировочные, костюмерная и парикмахерская, и в конце коридора – лестница на сцену.

15/1 – 1964г. А.Носкова

На следующих страницах (12-17) – продолжение «Воспоминаний», в которых даны характеристики немцам-руководителям театра (синие чернила, очевидно, сделано позже, но датировка отсутствует – А.П.):

Вернер Шефер – шеф (директор театра) «Бюнте-Бюнне» («Пёстрая сцена») в чине старшего лейтенанта. Культурный человек, сам он откуда-то с юга Германии, большой музыкант, играет на всех инструментах. Был случай, когда с дирижёром оркестра случился припадок, шеф тут же заменил его в оркестре. Как к немцам, а так же к нам, к русским артистам, относился человечно. Он подбирал артистов-немцев с других частей, и нас, русских, он принимал в театр.

Помогал материально нашему танцевальному коллективу, по его распоряжению давали нам соль. И, в частности, очень человечно относился к Люсе Уборской и к её ребёнку. И при встрече с Уборской после войны она сказала, только благодаря шефу её жизнь была спасена и её дочери.

Вальтер Хорн – балетмейстер, простой человек, очень далёк от политики, исключительно человек посвятил всю жизнь балету. Учился в балетной студии и работал всё время до войны в оперном театре артистом балета. Он ставил нам танцы и если с нами танцевал, относился к нам, как ровный нам артист – он всегда говорил: «Ради вас я не на фронте, если бы не балет в театре, я давно был бы убит на фронте».

Сам из Висбадена, он один жил с сестрой, сестра работала в мастерской швей. Когда кончилась война, мы первое время жили у Вальтера Хорна, они с сестрой своей к нам относились как к родным. Мы жили у них 1 месяц, пока мы не нашли нашу советскую миссию в Висбадене. Из переписки с Верой Саньковой я узнала, что он умер от разрыва сердца.

Юб Шмитц – директор эстрадного оркестра, сам берлинец, гордый, интересный, мало разговорчив, до войны он считался известным музыкантом Берлина и этим хвалился, и к свои коллегам по театру он относился свысока, всегда считал себя большим артистом. К нам относился он так, что мы необходимы для программы, и что без нас программа была бы не так интересна.

Франц Келер – администратор театра, унтер-офицер, злой, настоящий фашист, за малейшую провинность он наказывал тем, что было в его руках: лишал пайков и зарплатой. Он – большой коммерсант, в Германии у них свои магазины, и ему жена посылала посылки с разными безделушками, и он продавал здесь всем и брал большие деньги – марки, за марки он всё продавал, и драл с нас три дорога.

Все немцы – артисты-солдаты до войны у всех основная профессия – артистов, и они были все счастливы, что во время войны они не на фронте, а в театре, и к нам относились, как к своим коллегам.

Были у нас два воздушных акробата – Франц и Оси (фамилии их не знаю, так как у них были цирковые прозвища, единое для всех, трудное, не помню). С ними участвовала девочка-сирота Алочка, ей тоже было 11-12 лет. Франц к ней относился, как к родной дочери, он писал своей жене, у них не было детей – и они её взяли к себе в дочери. Она была

очень хорошенькая и способная в акробатике, он её увёз в Германию, к жене, и там удочерили, отдали её в акробатическую школу. Дальше я не знаю, где она, там ли или вернулась домой...

Носкова-Струменщикова Антонина Николаевна (1921)

Дата рождения: 1921 г.

Место рождения: г. Орла

Пол: женщина

Место проживания: г. Орёл

Мера пресечения: арестована

Дата ареста: 1948 г.

Приговор: 25 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. В 1955 г срок снижен до 7 лет ИТЛ и 2 лет поражения в правах.

Источники данных: БД «Жертвы политического террора в СССР»; Книга памяти Орловской обл.

Подпольщик Николай Оловянный

Для начала я приведу отрывок из книги Матвея Мартынова «Фронт в тылу»: «...В газетёнке «Речь», выпускавшейся гитлеровцами в Орле, 1 февраля 1942 года комендатура опубликовала сообщение о расстреле двадцатилетнего Александра Руцкого и семнадцатилетнего Николая Оловянного. В поисках следов гибели юных патриотов автор этих строк слякотным декабрьским днём шестьдесят четвёртого года

Подпольщик
Николай Оловянный

пришёл на Троицкое кладбище. Смотритель кладбища, сгорбленный старичок Иван Васильевич Угаров, провёл посетителя в дальний угол и остановился у могучего клёна, широко раскинувшего крону.

«Тут и убили их, – скорбно произнёс Иван Васильевич. – Как сейчас помню, привязывали по одному к дереву и стреляли из винтовок. Трое стреляли. Разрывными пулями. Кору вон как разворотили. Следы и досе видны. Теперь уж и останутся, пока клён стоять будет. А эта трещина тоже с тех пор. Не зарастает. Зимой-то ничего, остаётся, а летом постоянно сочится. Слезами на землю сок капает. Плачет старик... Мы ведь с ним почти ровесники. Мне восемьдесят три, а ему, клёну, – немногим более ста. А на кладбище мы с ним рядом службу несём с 1911 года... Похоронил я ребятку вот тут...» – Угаров показал не могильный холмик, обнесённый обветшалой металлической изгородью. «А он – всегда на посту: летом от зноя затеняет могилку, к зиме своё одеяние сбрасывает и укрывает её. Не забывает и заупокойную. Слышь?» – Иван Васильевич умолк, чтобы не мешать собеседнику уловить заунывную песенку старого клёна и сам склонил голову направо, прислушиваясь. В вышине ветер раскачивал оголённые, потемневшие от сырости, сучья, они приглушённо шумели и печально подсвистывали.

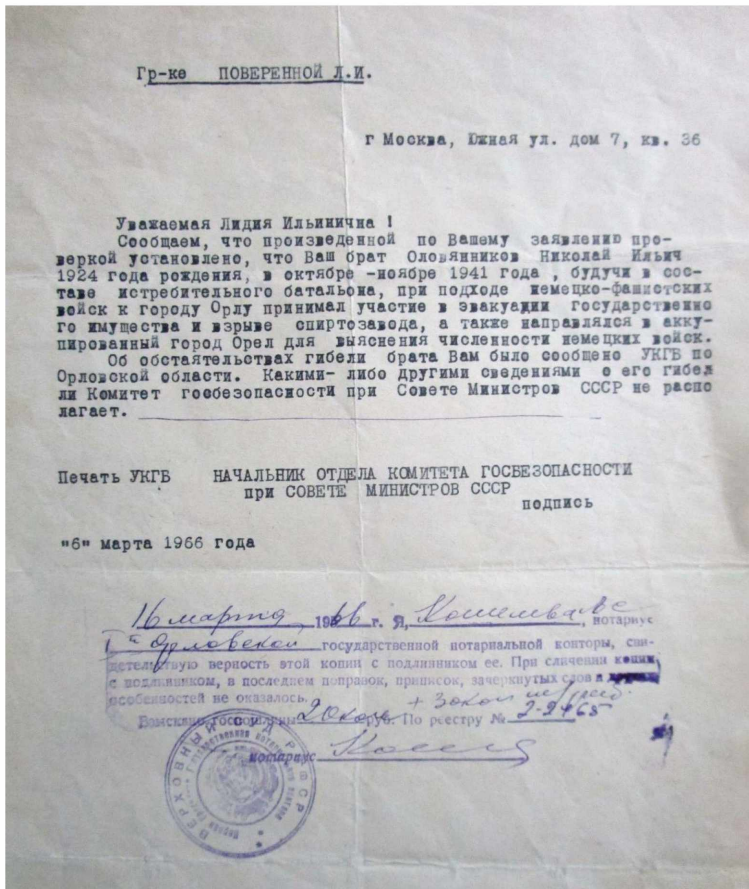
«Говорят, человек – высшее создание природы, – словно очнувшись, заговорил смотритель. – Это верно. Даже звери понимают. И самый кровожадный хищник не всегда бросается на человека. А фашисты убивали запросто, хладнокровно, будто обычное дело делали. Я так скажу: лютей фашиста зверя нет»...

А теперь к этому отрывку я добавлю несколько документов о Николае Оловянникове, орловском герое-подпольщике, не дожившем и до 18 лет. Все документы – из архива М.М. Мартынова.

Документ первый.

Воспоминания сестры, Лидии Ильиничны Поверенной
(Оловянниковой)

Мой брат, Оловянников Николай Ильич, родился в 1924 году, 4 мая, в городе Орле. С 7 лет Николай пошёл в школу. Учился он в 30-й железнодорожной школе, где окончил 6 классов. Но так как наш отец был арестован в 1937 году, в январе месяце, при культе личности, по 58 ст., то брат был вынужден оставить школу. Семья была большая, т.е. 5 человек детей. Николай из-за недостатка пошёл пасти стадо коров.

Справка КГБ

Предложила ему эту работу уполномоченная городским стадом Головлёва Анна Павловна, проживавшая Пушкинская улица, д. 200.

В то время ему было 13 лет. В свои 13 лет Николай пользовался большим уважением у людей, которые его знали. Он был очень внимательным, уважительным, любил помогать всем в труде.

Помню, был такой случай. Николай, как всегда рано утром, гнал стадо на пастбище. По направлению к лесу Андрябуж, в Емецком пруду, стал тонуть человек. Он звал на помощь. Собрался народ, но никто не решился прыгнуть в пруд, т.к. пруд был очень глубокий и опасный, во многих местах били ключи. Николай, не долго думая, бросился в пруд спасать утопающего. Все стоящие на берегу, увидев 13-летнего мальчика, стали кричать, что он делает, предупреждали его об опасности. Но Николай не послушал, продолжал плыть к утопающему, который уже погрузился под воду. Он его спас. Им оказался Курбатов Борис Семёнович, проживавший по Пушкинской улице, д.154.

Проработав лето пастухом, он поступил осенью 1937 года в артель «Стандарт» учеником, где и работал до 16 лет. В 16, получив паспорт, его приняли на завод имени Медведева учеником электросварщика, где и приобрёл специальность электросварщика. Работал Николай на заводе до дня оккупации нашего г.Орла немецкими войсками.

При отступлении он был оставлен заводом в истребительном батальоне. Им было дано задание: уничтожать главные объекты города, чтобы не оставлять их гитлеровским захватчикам.

В это время наша семья бежала от немцев по елецкой дороге и остановилась в деревне Ржавец (Моховского района). Николай с нами не поехал, он остался в городе. Некоторое время мы о нём ничего не знали. В октябре месяце он появился у нас, т.е. в деревне Ржавец. Когда он пришёл к нам, я его спросила, где он был. Он мне объяснил, что по дороге его задержали немцы. Его везли в машине обратно в Орёл. В деревне Домнино он сбежал от немцев, там его спрятала Кондрашова, бывшая председатель колхоза. Она его неоднократно прятала и даже сопровождала иногда в Орёл. В данное время мы не знаем, где она, а дочь её, Нина, проживает в Орле, на улице Фомина, д.3.

Пробыв с нами 2 дня в деревне, он снова ушёл. Неоднократно он появлялся верхом на лошади в нашей деревне. Однажды, придя к нам, Николай сказал, что он хочет перевезти нас в другую деревню Покровского района, в школу. Заявил, что там будет лучше, но переехать мы не успели, так как немцы заняли нашу местность. Через несколько дней наш хозяин заявил нашей матери, что Ваш Николай – партизан, и Вам лучше уехать от нас. Фамилию этого хозяина я не знаю, но его звали Кузьма Егорович, по прозвищу в деревне «Пан». Когда Николай появился у нас, это было 28 ноября, мы стали собираться обратно

в Орёл. С нами в это время был Николай. По дороге немецкий обоз отобрал у нас корову, вещи. Сняли с нас тёплую одежду. С Николая сняли шапку и перчатки. Вернувшись в Орёл, Николай часто уходил из дома. Возвращался через 3 дня, а иногда не было с неделю.

Несколько раз к нам заходила Мария Земская. Она подолгу разговаривала с Николаем. Мария Земская училась с моей сестрой Верой. Приходили к Николаю и ещё нам незнакомые парни. Они уходили в другую комнату и там разговаривали.

Во время оккупации я неоднократно встречала Марию Антоновну Ушакову, которая передавала привет Николаю и интересовалась им. Ушакова М.А. знала Николая с 1938 года. Она работала зав. столовой, которая находилась в здании, где сейчас находится трудколлония.

Николай ходил к ней обедать, когда работал в «Стандарте». Она кормила его бесплатно, потому что хорошо знала нашу семью. Её подруга, Надежда Инько (?), к которой она часто заходила, до войны жила у нас.

Во время оккупации однажды я увидела Николая с двумя парнями. Они шли по берегу реки Оки. Одного из них я узнала. Это был Володя Сечкин. Володю Сечкина я знала по школе. Мы учились в 32 ж/д школе г. Орла. Знала также его двух сестёр – Надю и Людмилу. Николай однажды принёс домой целый мешок немецкой почты. Он был не один. С ним вместе пришёл незнакомый парень. Это было в конце декабря. Они обобрали несколько пакетов под сергучом, а остальные сожгли в печке. Взяв с собой пакеты, они ушли, и Николая не было дома несколько дней.

1 января 1942 года немцы встречали Новый Год. Утром 1 января Николай пришёл домой. Он был очень весёлый. Он сказал нам, что преподносили «подарки» немцам. Николай, как и вся наша семья, сильно ненавидел фашистов. К Николаю часто заходил Саша Русский. Иногда он приходил не один. Другие парни мне были не знакомы.

27 января к нам пришёл Глагольев Олег. Николая дома не было. Через полчаса Глагольев опять появился у нас и уже на этот раз застал Николая. Они о чём-то долго разговаривали. Потом ушли. Утром 28 января мы узнали, что на Старо-Московской улице, дом №11, от Володичевых были забраны: наш Николай, Саша Русский, отец Русского Володичев, Сафонов Константин и два брата Глагольевых. Я пошла к Володичевым узнать, за что их забрали, и как это произошло. Мне рассказали, что когда пришли гестаповцы, то Николай сразу спрятался, всех остальных стали выводить из дома, тогда один из этих ребят сказал, что один остался в доме. Два гестаповца вернулись и нашли Николая за дверью. А т.к. у Глагольевых сестра работала переводчицей, мы узнали от неё, что их забрали за хищения ящиков из автоколонны, которая стояла на Старо-Московской улице и за порчу аккумуляторов в машинах этой колонны.

29 января меня забрали в комендатуру и посадили в подвал. Меня допрашивали: видела ли я оружие у брата, что он приносил домой, кто к нему приходил. Когда я отвечала отрицательно, меня били по лицу, кричали, что мой брат – партизан, что они его расстреляли и меня также расстреляют, если я не буду говорить правду, но я утверждала, что ничего не знаю. Меня посадили в подвал, после чего забрали всю нашу семью. Избивали всех и погнали на работу, угрожая, что если кто из них не явится, то расстреляют и меня. Меня тоже стали водить на работу. Гестапо стали за нами следить. Приходили много раз с обысками, но найти им ничего не удалось. Они в бешенстве кричали, что наш брат партизан.

После расстрела Николая мне рассказывал дровокол, который работал в комендатуре, что он видел, как нашего Николая водили на допрос много раз, а когда выводили с допроса, он был весь в крови, растерзанный, в полусознательном состоянии. Его подводили к лестнице, которая вела вниз, в подвал. Сильно толкали ногами так, что он катился по всем порожкам и к двери подвала. Ещё я знала, что Николай остерегался Глагольева Олега. У Глагольевых был родственник – немец, учитель 32 ж/д школы Шенфельдт Адольф Адольфович. После расстрела Николая я встретила Нину Алексееву. Она интересовалась, что у нас смогли обнаружить гестаповцы при обыске. Нина очень переживала за Николая.

Меня неоднократно пытались вывезти в Германию, но я травила себе ногу. Один раз я заставила брата Сашу, чтобы он мне обварил ногу кипящим молоком. Потом я брала каустик у Масленниковой З.Н, проживавшей по улице Пугачёва, 23, которая знала, что я травила каустиком себе ногу, чтобы избавиться от Германии.

В августе, после освобождения нашего города, я раскопала ямы, которые у нас были. Одну – в сарае, другую – во дворе. Там я обнаружила, кроме вещей моего мужа-лётчика, три ящика. Два из них были с взрывчаткой, один – с ракетными патронами. Я передала их нашим войскам.

В октябре меня вызвали в Ж/Д райком комсомола. Там была секретарём Павлова Анна. Она мне предложила вступить в комсомол. Я ей ответила, что когда-то мне было запрещено это, потому что наш отец был арестован как враг народа при культе личности.

Она мне ответила, что всё знает о нашей семье и знает, что я передала три ящика, которые были зарыты Николаем. Я подала заявление в комсомол и тут же меня направили в райпрофсоюз ст. Орёл Московско-Курской железной дороги, где был председателем тов. Флегонтов. Я работала председателем ДСО «Локомотив» и одновременно работала преподавателем физкультуры в железнодорожном техникуме, где был начальник Яцевич.

В то время, когда выкапывали комсомольцев из Сквера Танкистов, повешенных немцами, секретарь райкома Павлова А. предлагала мне, если я знаю точно, где зарыт мой брат, то его тоже похоронят вместе с этими комсомольцами, но мы точно не знали, где он зарыт немцами. Знали только, что он расстрелян на Троицком кладбище.

Я не знаю, где в настоящее время находится Анна Павлова. Знаю, что она была орденоноска и в то время она мне подарила своё фото с дарственной надписью, которое у меня сохранилось.

В декабре месяце меня приняли в комсомол, но секретарём уже была Зинаида Алексеева. Она мне вручала комсомольский билет за №20240409.

В декабре 1945 года я выехала из Орла со своим мужем по назначению его части. В настоящее время проживаю в г.Москве по адресу: Москва, Д-367, Южная, 7, кв. 36, фамилия – Поверенная.

Отец наш вернулся после освобождения из тюрьмы из г.Чебоксары. Долгое время был гоним культ личностью. Умер в 1961 году. Мать проживает в Орле – улица Ем.Пугачёва, д.15.

Два брата, Михаил и Сергей, работают газосварщиками на заводе имени Медведева – ударники коммунистического труда.

Сестра Вера проживает также в Орле.

22 июля 1964 года

Поверенная (Лидия Ильинична)

Документ второй.

Воспоминания матери, Оловянниковой Евдокии Михайловны

В начале июля 1941 года мы выехали из Орла в деревню Ржавец Моховского района Орловской области и остановились у колхозника Мишина Казмы Павловича и прожили там до прихода туда немцев. Когда пришли немцы, то наш хозяин нам отказал в квартире и сказал, что Ваш Николай – партизан, и мы боимся, что нас за Николая немцы расстреляют. На 2-ой день мы стали собираться домой, и бывший председатель Серёгин Василий Васильевич дал нам плохенькую лошадь, и мы выехали в Орёл.

Ехали мы 5 человек: я, моя дочь Вера с сыном 1,5 года, сын Сергей 11 лет, и Николай. К телеге была привязана корова, которую мы брали с собой из дома. Доехали до деревни Собакиной, нам встретился немецкий обоз, который отобрал у нас корову, а с Николая сняли кожаную шапку и кожаные рукавички. Сзади обоза шли 2 солдата и 1 офицер и взяли у нас из корзины 4 куса мыла, 3 свечи и 2 литра топлёного масла.

Моя дочь Вера с малышом пошла за обозом, она просила, чтобы ей вернули корову, но они велели ей уходить и сказали, что мы тебя застре-

лим. Она испугалась и вернулась обратно, и мы поехали дальше. Так как лошадь была очень сморёная и еле шла, то мы к 10 часам вечера еле доехали до Домнинской горы, на которую лошадь не могла въехать.

Тогда дочь с малышом пошла одна поискать кого-нибудь, чтобы помогли лошади въехать на гору. Дошла она до деревни Домнино и постучала в один дом и рассказала о своём горе. Вскоре она вернулась и привела с собой 5 человек, которые помогли лошади въехать на гору, и мы доехали до их дома. И эти спасители оказались семья Кондрашовых. После они нас обогрели, накормили, и мы у них переночевали.

После этого знакомства Николай стал к ним стал часто ходить, зачем – я не знаю. 2-3 раза Кондрашова привозила Николая на лошади до переезда, то есть, до Пушкинской, где она оставляла лошадь, я не знаю, но приходила она к нам без лошади, и скажет: «Я привезла Вашего Николая». Сам Николай приходил позже.

После, когда расстреляли Николая, Кондрашова приходила к нам и очень по нему соболезновала и жалела его.

*Оловянникова
(без даты)*

Документ третий.
Обращение к Первому секретарю ЦК КПСС,
Товарищу Брежневу Л.И.
(карандашное письмо на шести страницах, без даты,
написанное Оловянниковой Евдокией Михайловной)

Дорогой Леонид Ильич!

В своём докладе о Дне Победы Вы очень хорошо сказали о том, что никто из тех, кто погиб в борьбе с фашистами, не забыт и не будет забыт. Однако нас, то есть, меня, Оловянникову Евдокию Михайловну и Руцкую (другое написание – Русскую – А.П.) Прасковью Ивановну, заставляют забыть наших собственных сыновей.

Дело в том, что мой сын, комсомолец Оловянников Николай Ильич, 24 года рождения, и сын Руцкой, Александр Михайлович, 21 года рождения, находясь в оккупированном Орле, вели борьбу с немецкими захватчиками, но были арестованы гестапо и расстреляны на Троицком кладбище 29 января 1942 года, о чём было опубликовано объявление в фашистской газете «Речь».

Уже 23 года мы ходим на Троицкое кладбище оплакивать своих сыновей, но у нас в Орле официальные органы не признают, что наши сыновья расстреляны фашистами, как советские патриоты, проводившие борьбу с оккупантами. Мы обращались в управление Государственной безопасности с просьбой выдать нам справку о расстреле немцами наших сыновей,

но нам такую справку не дали, ссылаясь на то, что в органах Госбезопасности нет никаких документов об этом, что наши дети были партизанами. Нам известно, что в Управлении Госбезопасности хранится фашистская газета «Речь», в которой объявлено, что Александр Рущкий и Николай Оловянных, то есть, наш сынок, расстреляны немцами 29 января 1942 года за хищение немецкого военного имущества. Из этого объявления видно, что гестапо расстреляло Александра и Николая за то, что они, как патриоты, причиняли ущерб фашистской армии, то есть, как подпольщики, вели партизанскую борьбу с оккупантами.

Когда мы попросили, чтобы нам выдали справку о расстреле сыновей согласно объявлению немецкой комендатуры в газете «Речь», сотрудник управления госбезопасности Канин ответил нам, что наши сыновья были не партизаны, а воры, при этом он сослался на то, что в объявлении комендатуры указано, что Александр Русский и Николай Оловянных расстреляны за хищение военного имущества. Выходит, что Канин, вслед за фашистским гестапо, считает наших сыновей ворами и клеветает на них.

Нам понятно, почему фашисты расстреляли сыновей: ведь они расхищали военное имущество фашистской армии, ослабляли её, то есть, вели партизанскую борьбу, а почему их, то есть, Александра и Николая, считает ворами Канин, нам совсем не понятно. Он что, разве заодно с фашистами? Я, Оловянная, обращалась я заявлением в Орловский обком партии и просила, чтобы нам помогли получить справки о расстреле наших сыновей фашистами, но без результата.

Дорогой Леонид Ильич!

Недавно советский народ отмечал 20-летие со дня Победы над германским фашизмом. И Вы в своём докладе, и все наши люди тепло вспоминали тех, кто сложил свои головы в борьбе с этим проклятым фашизмом. В настоящее время в Орле ведётся подготовка к 22-ой годовщине освобождения города от захватчиков. И нам, престарелым матерям убитых фашистами комсомольцев-партизан в Орле, в таких органах, как КГБ и обкоме партии, считают просто ворами, и могила их на Троицком кладбище находится в запущенном состоянии, и помочь нам привести могилу в порядок никто не может, так как считается, что там похоронены не комсомольцы-партизаны, а просто воры.

Убедительно просим Вас, дайте указание, чтобы с нашим настоящим письмом разобрались внимательно и помогли нам установить, что наши сыновья были не ворами, как их считали фашисты и теперь считает Канин, а патриотами-партизанами и помогли нам привести в порядок их могилу.

(Даты нет, но по тексту письма можно определить промежуток времени: после 9 мая, но до 5 августа 1965 года – А.П.).

Документ четвёртый***Письмо Голованова Владимира Тимофеевича***

На конверте:

«Г. Орёл, улица Салтыкова-Щедрина, дом №35, кв.8
Мартынову Матвею Матвеевичу»

Тов. Мартынову

*от гражданина Голованова Владимира Тимофеевича,
проживающего – г. Орёл, 1-я Селикатная, д.№20, кв.12*

Объяснение

О гр. Оловянникове Николае Ильиче, 1924 г. рождения

Я, гр. Голованов Владимир Тимофеевич, уроженец Орловской области, Покровского района, Журавецкого сельсовета, дер. Черкасы, во время оккупации немецкими войсками проживал в вышеуказанной деревне.

Семья Оловянниковых в то время эвакуировалась в дер. Ржавец Моховского района, Ломовецкого сельсовета. Во время проживания семьи в деревне Николай приходил несколько раз из Орла к матери, а потом попутно заезжал ко мне. Пожив у меня день-два, он снова возвращался в Орёл. С какими заданиями он приезжал в наши деревни, мне не известно, но имел связь с нашими местными коммунистами, которые были оставлены по заданию партии:

1) с Закутаевым Василием Васильевичем, бывшим председателем сельпо, которому было поручено ликвидировать колхозное имущество, Моховской спиртзавод, магазины и всё остальное целое имущество, находящееся в этом районе. Николай Оловянников принимал в этом участие. В 1950 году Закутаев умер от ранения;

2) с Рябыкиным Иваном Васильевичем, который в настоящее время проживает в дер. Успенка Журавецкого сельсовета Свердловского района. Когда наш бывший Покровский район не был ещё оккупирован, то мне, Голованову, было поручено задание начальника уголовного розыска Покровской милиции тов. Феофановым Василием Николаевичем и сотрудником ОГПУ тов. Венидиктовым разузнать в гор. Орле численность немецких войск, их расположение, направление и расположение аэродромов. Через день я выехал в Орёл на подводе с коммунистом Егоровым Петром Егоровичем для выполнения задания, попутно мы заехали в дер. Ржавец, где квартировала семья Оловянниковых для отдыха и кормления лошадей, в это время Николай Оловянников был у матери. Отдохнув, мы снова тронулись в путь.

Конверт письма Николая Голованова

Тов. Мартынову
 ай гр. Голованова Владими
 Якимовича прошив.
 2. Орел 1-я семикатная
 д. 20 кв. 12

Об'яснение:
 О гр. Оловянкинове Николае
 Ильиче 1924 г. родился
 Я гр. Голованов урож. Владимир
 Якимович уроженец Орловской обл.
 Болховского р-она Мирновского Уезд.
 дер. Горкасы во время оккупации
 немцами захваченными проживал
 в доме усадьбы рожке деревне
 Семь Оловянкинов в то время
 эвакуировалась в дер. Жавиц ма-
 ловского р-на Орловского Уезде
 Во время проживания семьи в деревне
 Оловянкинов Николай применил несколько

Письмо с воспоминаниями Николая Голованова о Николае Оловянкинове

Доехали до посёлка Суходолье на пути Новосильского большака, близ станции Золотарёво, там тоже мы остановились – для того, чтобы узнать положение в Орле. Нас там предупредили, что на лошади мы в Орёл не проедем, так как немцы отбирают лошадей и возят на них из леса Андрибуж дровяной материал. Тогда мы вернулись обратно домой и заехали переночевать в дер.Ржавец, где проживала семья Оловянных. В это время Николай был там, и я ему предложил выполнить моё задание. И он это задание охотно принял и его выполнил. Через 4 дня он снова приехал верхом на лошади и доложил мне о выполнении этого задания, а я, в свою очередь, сообщил тем, кто мне его поручал. Потом я у него спросил, почему он долго не приходил, он ответил, что выполнял другое задание.

Ещё он мне рассказал, что около их дома стояло несколько машин, и он из них вытащил аккумуляторы. Через несколько дней наш район был оккупирован немцами, и больше Николая я не видел, так как немцы нас эвакуировали в Брянскую область, Погарский район. В сентябре месяце 1943 года мы были освобождены от немецких оккупантов и возвращались в свою деревню Черкасы. Меня всё время беспокоила семья Оловянных, и мы по пути ехавши через Орёл, заехали к ним, и там я узнал, что Николая Оловянного расстреляли немцы за уничтожение военного имущества.

Вот всё, что я знаю о Николае Оловянных.

К сему Голованов (собственная подпись, очевидно, письмо написано кем-то ещё по просьбе Владимира Голованова – А.П.).

На штемпеле – 21.6.1964

Документ пятый.

Письмо Рябыкина Ивана Васильевича

на имя Поверенной Л.И.

Москва, Д-367, улица Южная, д.7, кв.36

Обратный адрес:

Орловская область, Покровский район,

Журавецкий сельсовет, с.Успенка, Рябыкину И.В.

Свидетельское

Подтверждение, я гражданин Рябыкин Иван Васильевич, уроженец д. Черкасы Покровского района Орловской области, рождения 1904 года, член КПСС 1946 года, дважды орденоседец Красного Знамени за боевые заслуги за участие в боях ...подтверждаю, что гражданин города Орла Оловянных Николай, примерно в возрасте 18 лет, знаю о том, что известно мне о его патриотической работе. В ноябре месяце 1941 года нашему односельчанину, гражданину Голованову Владимиру Тимофеевичу, было дадено выполнить задание съездить в город Орёл

в разведку о расположении аэродромов в г. Орле. Я в это время был председателем колхоза и был закреплён всех объектов колхозных и кооперативных, и государственных, я выделил транспорт и маскировочные предметы. Гражданин Голованов возвратился и мне доложил, что я до Орла не доехал ввиду того, что немцы загораживают лес для укрепления города Орла и отбирают лошадей для перевозки леса в г. Орёл, а он инвалид и подвозчик тоже инвалид, коммунист Егоров П.Е.. А тов. Голованов сказал, что я поручил гр. Города Орла Оловянникову Н. выполнить моё задание.

Через короткие дни, дней через 5, приехал гр-н Оловянников Н. и доложил нам, что немцы держат направление на Елец.

А аэродром расположен на старом аэродроме г. Орла. Нам было задание Покровским районом эвакуировать Моховской спиртзавод, в котором и принимал участие гр-н Оловянников Н. Патриотически настроен после этой работы, он выехал, в какое направление – мне это неизвестно. Через короткое время немцы занимали наш сельский совет, продвигались на г.Елец. Я попал в окружение и под маскировкой я выбрался к советским войскам, о чём и подтверждаю.

Собственно ручную подпись тов. Рябыкина Журавецкий сельсовет заверяет.

31.1.66 г. Председатель совета Кузнецов

(письмо написано с большим количеством ошибок, грамматические я исправил, речь оставив без изменения – А.П.).

Документ шестой.

Воспоминания Верёвкиной Пелагеи Фёдоровны

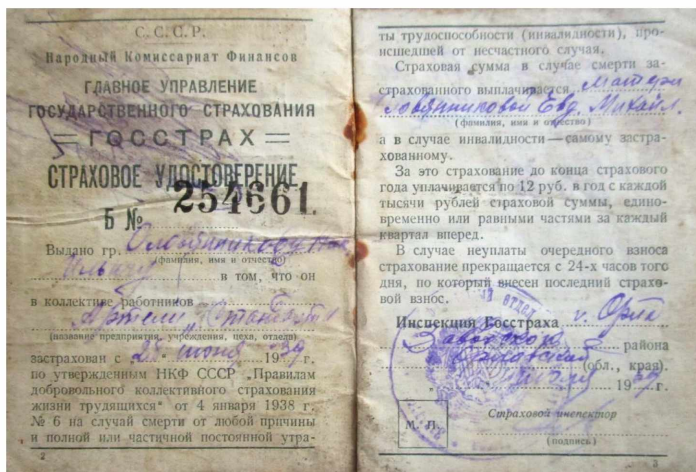
Я, Верёвкина Пелагея Фёдоровна, с 1906 года рождения. С 1936 года проживала в г. Орле по улице Старо-Московской, дом №3.

Работала на хлебозаводе мастером. Оловянникову семью знала, так как была моими соседями. Оловяникова Николая Ильича, их сына, знала с 1936 года. Работать на производстве он стал с детства. В 1941 году, перед оккупацией, он работал на заводе имени Медведёва сварщиком. Во время оккупации города Орла немецкими войсками он был оставлен в истребительном батальоне по заданию. Это было мне известно с его слов, и я ему верила. Мне было известно, что он носил сведения нашим в Новосиль, где в то время находился наш орловский работник милиции тов. Венидиктов.

По моей просьбе, так как я была кандидатом партии, он выполнял и мои задания. Которые заключались в доставке продуктов коммунистам, которые скрывались в лесу Андрябуж: Заболоцкий Василий Дмитриевич, проживал колхоз «Правда» Володарского района, был председателем сельсовета; **Шаламов Иван Денисович**, директор МТС Орловского

района, проживал Харьковские Дворы, где в настоящее время проживает его сын Анатолий; Федоровский Егор Афанасьевич – был председателем Овсянниковского сельсовета, там же проживал.

Последняя работа Оловянникова Николая Ильича была проведена 22-23 января (1942 года – А.П.) с группой мне известных ребят: Русского Александра, Глагольевых Олегом и Вадимом, Володичевым Виктором.

Страховое удостоверение Николая Оловянникова

Они разгромили автоколонну, которая находилась на улице Старо-Московской, машины стояли почти у каждого дома на этой улице, где я в это время проживала. Они вывели из строя автомашины, испортили аккумуляторы и моторы, а также были разграблены продукты. Машины долгое время стояли на ремонте, этим самым задерживали продвижение немцев вперед.

За это они были схвачены гестаповцами, после чего были произведены у них обыски. Обнаружены и забраны были продукты. У Глагольевых, Русских и у Володичевых, у Оловянниковых ничего найдено не было.

29 января за это были расстреляны Оловянников Николай и Русский Александр, а остальные были отпущены. Сестра Глагольевых Юля и сестра Володичева Зина были хорошими друзьями с немецкими офицерами, с которыми жили. Я храню хорошую память об Оловянникове Николае и Русском Александре, которые отдали свою жизнь за Родину.

В настоящее время я проживаю – Комсомольская, д.№304, под.1, кв.1, я являюсь пенсионеркой.

16 сентября 1965 года
Верёвкина.

Документ седьмой.
Ещё одно её воспоминание.

Я, Верёвкина Пелагея Фёдоровна, знаю Оловяnnикова Николая Ильича с 1936 года. Оловяnnиков Николай с детства пошёл на работу, лет с 13-14.

Во время оккупации немцами г. Орла я с Николаем Оловяnnиковым часто виделась и встречалась. Однажды мы с ним встретились на Елецком направлении, шли в Орёл. Дойдя до д. Кузмичёвки, к нам навстречу вышел человек, и я испугалась, так как он направлялся к нам, но меня Николай успокоил, заявил, что идёт к нам не немец, а русский. Когда этот человек подошёл к нам ближе, я его узнала, это был Шаламов Иван Денисович, и он мне сильно обрадовался и обратился ко мне с просьбой, чтобы я сходила к его жене, взяла у неё продукты и принесла ему. Дальше он сказал, что он здесь не один, и назвал фамилии людей, которых я тоже знала. Это Заболоцкий Василий Дмитриевич, бывший председатель Платоновского сельсовета, Федоровский Егор Фёдорович, председатель Овсянниковского сельсовета. Я объяснила ему, что если я достану продукты, но не смогу их принести, то принесёт Николай Оловяnnиков.

Тов. Шаламов указал нам место, куда бы должны принести продукты. Один раз я вместе с Николаем вдвоём носили на то место продукты и передавали Шаламову, после чего Николай один ходил и носил им продукты, которые я ему помогала доставать.

После войны я встречалась с Шаламовым И.Д. Он меня благодарил за помощь, оказанную мною. Он спросил о Николае Оловяnnикове, и я ему сообщила, что Николая расстреляли немцы, он очень сожалел и сказал мне, что Николай был хороший парень, часто ему оказывал помощь. После войны Шаламов И.Д. работал пред.колхоза Платоновского сельсовета – колхоз «8 Марта».

К сему – Верёвкина

Адрес:

Комсомольская улица, д.304, кв.1

Верёвкина Пелагея Фёдоровна.

Нижe рукой М.М. Мартынова, в левом нижнем углу, наискосок, написано: *«В этом документе речь идёт о партизанской группе Шаламова И.Д., действовавшей в окрестностях гор.Орла в первые месяцы оккупации. М.Мартынов».*

Документ восьмой.
Воспоминания Лагутиной Нины Яковлевны

Я, Лагутина Нина Яковлевна, раньше была Кондрашова, проживала до войны со своей мамой, Кондрашовой Варварой Фил. Моховского района Орловской области, д. Домнино.

Когда наступили немцы в 1941 году, в октябре месяце, то моя мама не смогла отступить ввиду того, что мой брат, а её сын, Кондрашов Д.Я. был на фронте, а семья его оставалась в г. Орле, и он просил маму, чтобы она взяла детей и сохранила семью. И так, значит, кроме меня, ещё была у неё внучка совсем маленькая, и ради детей она осталась на оккупированной территории...

Теперь в ноябре месяце (1941 года – А.П.) – то ли вначале, то ли в конце, этого я не помню, но помню, вечером уже, было темно, как к нам постучали. Вышла моя сестра, Мрыхина Александра Яковлевна, прож. – Орёл, 1-я Коммуна, 9А, и узнала Николаеву сестру, Оловянникову Веру, она рассказала, что едут они с братом Николаем и мамой ихней с д. Ржавца, что в д. Собакиной отобрали корову, и такие убитые и уставшие, попросила помочь, у них под горкой лошадь и никак не влезет на горку. Мы собрались человек пять и пошли, помогли вывезти повозку.

До этого семью Оловянниковых мы и знать не знали, кроме, как вот сестра Николая и моя сестра, они работали когда-то девчонками на телеграфе вместе и повстречались они совсем случайно. Переночевали они у нас, а утром уехали. И так после этого Николай ещё несколько раз ночевал у нас и всегда приходил вечером, возвращаясь с того же направления со стороны Новосилия. Но где он бывал и зачем он ходил – этого он никогда нам не рассказывал, может, он и говорил что-нибудь маме моей, так как он больше с ней общался. Но об этом ведь узнать невозможно, так как они уже мёртвые.

Теперь, помню, такой был случай. Это уже в декабре месяце, было очень холодно, у нас ночевал Николай, а утром он собрался идти домой. Вдруг едет обоз и стал как раз против наших домов, там были и русские мужчины. Когда обоз остановился, мужчины стали разбегаться и хорониться за дома – какие к кому-нибудь в дом. А немцы начали бегать по домам и искать их. Мы так напугались и схоронили Николая под кровать, вдруг вбегает немец русский: «Пан есть?» А мы все замерли и покачали головой – нет, нет. Но он посмотрел поверхностно и пошёл дальше. Когда обоз уехал, мама скорей пошла к соседям – Хохловой Анне, отчества так же не знаю, попросила лошадь и отвезла Николая в Орёл. Когда она его привезла в Орёл на улицу Пушкинскую, то он почему-то не пошёл домой, а мама моя заехала к ним на немного, сказала, что, мол, привезла Вашего сына, и вернулась домой.

Потом ещё как-то его подвозила, а что и зачем он занимался – этого для меня ничего не известно. Хохлова Анна, у которой брала лошадь моя мама, она живёт в д. Шаталово Сеножатского сельсовета Орловского района, от деревни Домнино – два или полтора километра.

Вот и всё, что я могла Вам написать по этому поводу.

Лагутина. 27 июля 65 года.

Далее – рукой М.Мартынова – пять вопросов по этому письму-воспоминанию и вступление, на отдельном листочке, перед письмом:

«Кондрашова В.Ф. до оккупации Орловщины являлась председателем колхоза. На оккупированной территории оставалась по поручению партийных органов для связи с партизанами.

В первое время после оккупации Орловского и Моховского района поддерживала связь с руководителем партизанской группы, директором МТС т. Афанасьевым. Помогала проникать в Орёл Николаю Оловянникову, который ходил в Орёл с разведзданиями от командования истребительного батальона.

М. Мартынов».

Документ девятый.

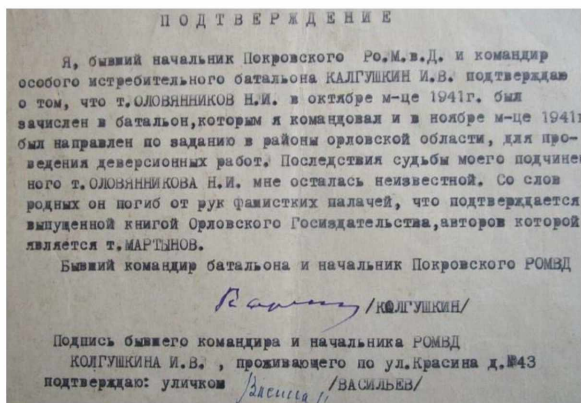
Подтверждение

Я, бывший начальник Покровского РОМВД и командир особого истребительного батальона Колгушкин И.В. подтверждаю о том, что т. Оловянников Н.И. в октябре месяце 1941 г. был зачислен в батальон, которым я командовал, и в ноябре месяце 1941 г. был направлен по заданию в районы Орловской области для проведения диверсионных работ. Последствия судьбы моего подчинённого Оловянникова Н.И. мне осталась неизвестной. Со слов родных, он погиб от рук фашистских палачей, что подтверждается выпущенной книгой Орловского Госиздательства, автором которой является т. Мартынов.

Бывший начальник батальона и начальник Покровского РОМВД Колгушкин (подпись – Колгушкин)

Подпись бывшего командира и начальника РОМВД Колгушкина И.В., проживающего по ул. Красина, д.43, подтверждаю:

Улицком Васильев и печать улличкома №32 (без даты)

Документ десятый.

Копия письма

Гр-ке Поверенной Л.И.

Г. Москва, Южная ул., д.7, кв.36

Уважаемая Лидия Ильинична!

Сообщаем, что произведённой по Вашему заявлению проверкой установлено, что Ваш брат, Оловянников Николай Ильич, 1924 года рождения, в октябре-ноябре 1941 года, будучи в составе истребительного батальона, при подходе немецко-фашистских войск к Орлу, принимал участие в эвакуации государственного имущества и взрыве спиртзавода, а также направлялся в оккупированный город Орёл для выяснения численности немецких войск.

Об обстоятельствах гибели брата Вам было сообщено УКГБ по Орловской области. Какими-либо другими сведениями о его гибели Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР не располагает.

Печать УКГБ Начальник отдела КГБ при Совете Министров СССР

Подпись

6 марта 1966 года

Нотариально заверенная копия от 16 марта 1966 года.

Документ одиннадцатый.**Выписка из протокола №3 заседания заводского комитета профсоюза завода имени Медведева от 16 марта 1966 года****Повестка дня:**

7. Рассмотрение заявление гр. Поверенной Лидии Ильиничны, проживающей: г. Москва, Д-367, Южная улица, д.№7, кв.36, являющейся сестрой братьев Оловянниковых, работающих на заводе электросварщиками в РМЦ в заготовительном цеху.

Слушали: заявление гр. Поверенной Л.И., которая сообщила, что её брат, Оловянников Николай Ильич, с 1939 по 1941 год до дня оккупации немцами города Орла работал на заводе имени Медведева электросварщиком и был участником в уничтожении завода при подходе немцев к г. Орлу, после чего был зачислен в истребительный батальон. В январе 1942 года он был схвачен немцами и расстрелян.

Гр. Оловянникова представила справку от 6 марта 1966 года за подписью начальника отдела КГБ при Совете Министров СССР Прокопченко, что Оловянников Николай Ильич, 1924 года рождения, в октябре-ноябре 1941 года, будучи в составе истребительного батальона, при подходе немецко-фашистских войск к городу Орлу, принимал участие в эвакуации государственного имущества и взрыве спиртзавода,

а также направлялся в оккупированный город Орёл для выяснения численности немецких войск.

Похоронен Оловянников Н.И. на Троицком кладбище.

Гр. Поверенная просит изготовить во внеурочное время силами братьев Оловенниковых ограду на могилу и обелиск из отходов производства.

Завком решил:

Просит администрацию завода разрешить братьям Оловенниковым изготовить из металлоотходов во внеурочное время металлическую ограду и обелиск на могилу расстрелянного немцами Оловянникова Николая Ильича.

*Председатель завкома профсоюза завода имени Медведева
Глушко.*

Документ двенадцатый

Копия справки

Верховный Суд Союза Советских Социалистических Республик

15 ноября 1965 года

№26/47с-37

Г.Москва, Д-367

Южная улица, дом 7, кв.36

Гр.Поверенной Л.И.

Справка

Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 29 сентября 1965 года приговор линейного суда железной дороги имени Дзержинского от 27 января 1937 года и определение коллегии по транспортным делам Верховного Суда СССР от 7 мая 1937 года в отношении Оловянникова Ильи Устиновича, 1886 года рождения, отменены, и дело о нём производством прекращено, то есть, Оловянников И.У. по настоящему делу реабилитирован.

Секретарь Пленума Верховного Суда СССР – А.Ефанов (подпись)

Печать – Верховный Суд

20.11.1965 – Ружицкая Я.В.

Матвею Матвеевичу Мартынову посвящается... (вместо заключения)

20 марта 2020 года газета «Красная строка» опубликовала письмо-обращение ветеранов УФСБ России по Орловской области, которое я процитирую в полном объёме:

«Дань памяти писателя-чекиста

Этот человек, безусловно, заслужил, чтобы в отношении него была восстановлена справедливость. Он и сам буквально всю свою жизнь занимался этим – и будучи журналистом, и в годы службы в Орловском Управлении госбезопасности, и после, посвятив себя изучению патриотического подполья на территории Орловской области в годы Великой Отечественной войны... **Речь о ветеране войны и писателе Матвее Матвеевиче Мартынове** – по существу, первом глубоком исследователе советского подполья в оккупированном фашистами Орле. Именно благодаря ему десятки имён наиболее активных подпольщиков стали известны последующим поколениям жителей Орловщины.

Матвей Матвеевич Мартынов

О Мартынове немало написано в местных СМИ. А в июле 2012 года в военно-историческом музее г. Орла при участии УФСБ России по Орловской области даже проходила тематическая выставка, посвященная роли патриотического подполья области в борьбе за освобождение Орловщины в 1941–1943 гг. и 100-летию со дня рождения самого М.М. Мартынова. И, тем не менее, кратко напомним сегодня основные вехи его жизненного пути.

Матвей Матвеевич родился 15 августа 1912 г. в шахтерском поселке под Макеевкой на Украине, куда его родители уехали на заработки в начале XX века. В 1921 г. семья переезжает в Орловскую губернию, на родину умершего отца. Здесь, в деревне Семенково Кромского уезда, Матвей учился и начинал свою трудовую деятельность. Он был основным кормильцем в семье и работал пастухом, почтальоном, заместителем председателя колхоза «Красный сеятель».

В 1933 году будущий писатель становится литературным сотрудником кромской районной газеты «Ленинский путь». После службы в Крас-

ной Армии, закончив отделение журналистики межобластной партийной школы, работает собственным корреспондентом ТАСС по Орловской области. С 1940 г. М.М. Мартынов служил в органах внутренних дел и государственной безопасности. Занимал должность следователя Управления НКВД по Орловской области, руководил следственным подразделением в годы Великой Отечественной войны. Матвей Матвеевич награждён 9 государственными наградами, в том числе орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги».

С 1945 г. по декабрь 1963 г. он работает на различных должностях в Управлении КГБ по Орловской области. Последняя должность – начальник архивного подразделения.

С 1959 года Матвей Матвеевич по своей инициативе начинает собирать и изучать материал о деятельности Орловского патриотического подполья в 1941–1943 годах, он встречается с участниками и свидетелями тех лет, много работает в архивах, собирает письма подпольщиков, систематизирует материал для будущих книг.

М.М. Мартынов становится членом Союза журналистов СССР, заочно получает юридическое образование, пишет статьи в периодические издания, публикуется в сборниках рассказов.

Интересно, что Мартынов вел переписку с уроженцем Болховского уезда Ильёй Григорьевичем Стариновым – знаменитым советским чекистом, «дедом русского спецназа» и одним из организаторов и преподавателей «школы пожарников» в Орле, которая готовила кадры для партизанских отрядов и патриотического подпольного движения.

В 1963 г. выходит первая документальная повесть Мартынова **«Орлиное племя», затем – «Подпольный госпиталь», «Тайна сапожной мастерской», очерк «Это было в Орле».** Все эти произведения посвящены орловским подпольщикам и партизанам, исследователь называет первые имена героев орловского подполья: **Георгий Огурцов, Николай Авицук, Анатолий Евдокимов, Александр Комаров-Жорес, Николай Борхаленко, Михаил Суков и Анна Давыденко...**

Позже выходит в свет книга М.М. Мартынова **«Фронт в тылу»** (было два её издания), статьи, очерки, документальные рассказы: **«Честное пионерское», «Истребители», «Госпиталь остается в Орле», «Они не могли иначе», «На хуторе Рыжном»** и другие.

Свою исследовательскую работу Матвей Матвеевич не прекращал до последних дней своей жизни. У него было очень много планов: собирал материалы об орловских чекистах, их участии в Великой Отечественной войне.

Труды Мартынова стали отправной точкой для последующей работы орловских журналистов, исследователей и краеведов. Об орловском подполье начинают активно писать.

В итоге благодаря подвижническим усилиям М.М. Мартынова Президиум Верховного Совета СССР наградил медалями «За отва-

гу» и «Боевые заслуги» около ста наиболее активных патриотов Орловщины.

9 мая 1986 года Матвея Матвеевича поздравили с 41-й годовщиной Великой Победы, а через одиннадцать дней, **20 мая 1986 г., на 74-м году жизни он умер. Похоронен на Наугорском кладбище в г. Орле.**

О том, какое влияние на судьбы людей оказывали журналистские расследования М.М. Мартынова, обладавшего незаурядным талантом и писательскими способностями, рассказал одной из телепередач известный российский актёр, Народный артист России **Валерий Александрович Баринов**. Когда во время гастролей в Курске архивисты вручили ему копии документов о боевой деятельности малоархангельских подпольщиков, которыми руководил его отец – Александр Митрофанович Баринов, он испытал непередаваемые чувства.

А ведь о подпольной группе, действовавшей на территории Малоархангельского района во время оккупации, широкая публика впервые узнала как раз из документальной повести Мартынова **«Тайна сапожной мастерской»...**

Александр Митрофанович Баринов до войны работал механиком на одном из орловских предприятий. Незадолго до оккупации города он получил задание в случае продвижения немецко-фашистских войск восточнее Орла остаться в тылу у врага и заниматься разведкой. Для конспирации Александр Митрофанович открыл на окраине села Протасово, куда переехал из Орла вместе с женой Марией Владимировной и малолетними детьми, сапожную мастерскую. При активном участии председателя колхоза Макара Павловича Кузина, комсомольцев Николая Калугина, Николая и Василия Ливенцевых, Владимира Лагутина, Александры Устиновой и других была создана подпольная группа. Баринов со своими помощниками-комсомольцами собирал обширную и серьёзную информацию о противнике, но в первое время она не уходила дальше его тайника, потому, что связника с «Большой земли» всё не было, хотя нужный момент давно наступил. В начале 1942 года гитлеровцы превратили Малоархангельск в один из своих опорных пунктов на Ливенском направлении, и Баринов решил искать в городе своих людей. Связавшись с Курской партизанской бригадой, группа Баринова передавала разведданные в каблуке отремонтированной обуви или запечёнными в буханке хлеба.

Мартынов в своей повести, в частности, рассказал, как подпольщики организовывали саботаж «нового порядка», как в Малоархангельске было организовано распространение листовок и сводок Совинформбюро, как группа через своих людей в полиции предупреждала жителей об очередной кампании по отправке в Германию молодых людей...

Малоархангельское патриотическое подполье вышло на связь с разведотделом 13-й армии и оказывало помощь в сборе данных, которые были использованы во время зимней наступательной операции 1943 года.

А самые горькие строки посвящены мученической смерти многих членов подполья в день освобождения Малоархангельска.

Кстати, повесть М.М. Мартынова «Тайна сапожной мастерской» публиковалась в районной газете «Звезда» зимой 1988 года к 45-летию освобождения Малоархангельска. Газетный вариант повести печатался в сокращении. По словам бывшего главного редактора «районки» писателя-краеведа В. Агошкова, «многие партизаны и родственники их, не знакомые по каким-то причинам с книгой М.М. Мартынова, стали получать в соответствующих инстанциях свидетельства участников войны».

А другой известный орловский краевед А.М. Полынкин в 2017 году в своей статье, посвященной 105-летию М. М. Мартынова, писал: «Более 30 отдельных его публикаций в орловских газетах, в сборниках и 4 выпущенных Мартыновым книги позволили выволить из забвения имена героев-орловчан, долгие годы остававшихся неизвестными или даже числившихся предателями. Благодаря Мартынову, его четвертьвековым исследованиям и поискам, многим нашим землякам, героически сражавшимся в фашистском тылу, было возвращено доброе имя, а почти сто человек удостоились правительственных наград (к сожалению, очень многие – посмертно). На зданиях орловской школы № 32 и областной клинической больницы появились мраморные доски с именами орловских героев подпольного движения, а в селе Протасово Малоархангельского района на могиле казнённых гитлеровцами местных подпольщиков устремился к небу памятник-obelisk.

Своеобразным памятником исследователю Мартынову стал и труд всей его жизни – книга «Фронт в тылу», выходявшая в Приокском книжном издательстве дважды при жизни автора – в 1975 и 1981 годах (второе, дополненное, издание – тиражом 10000 экземпляров). В этой книге Матвей Матвеевич свёл вместе все свои предыдущие публикации, создав монументальное полотно «...истории борьбы советского патриотического подполья с немецко-фашистскими оккупантами на Орловщине в 1941–1943 годах». Многолетнюю работу автора по достоинству оценили читатели, и оба тиража были раскуплены достаточно быстро. Матвей Матвеевич мог гордиться своим произведением, которое положило начало исследованиям орловских краеведов по темам «Орловщина и Великая Отечественная война» (конец цитаты).

В Управлении ФСБ России по Орловской области еще в 2013 году родилась инициатива увековечить память писателя-исследователя М.М. Мартынова. Однако тогда она по ряду причин не получила продолжения. И вот теперь, в канун 75-летия Великой Победы, к той идее самое время возвратиться – например, установив мемориальную доску на доме, где жил М.М. Мартынов. Это будет заслуженной данью его памяти.

Совет ветеранов УФСБ России по Орловской области».

Инициативу ветеранов одобрили депутаты Орловского городского Совета на одном из своих заседаний. В изготовлении мемориальной доски помогло управление по реализации общественно-патриотических проектов департамента внутренней политики и развития местного самоуправления администрации губернатора и правительства Орловской области.

А 4 июня 2020 года на доме № 35 по улице Салтыкова-Щедрина, где жил Матвей Матвеевич Мартынов с 1958 по 1986 год, появилась мемориальная доска в его честь. В торжественной церемонии приняли участие дочь писателя Валентина, внучка Марина и правнуки Виктор и Виталий. Они возложили цветы и почтили память своего знаменитого отца, деда и прадеда.

Теперь любой житель Орла, проходя по улице Салтыкова-Щедрина мимо дома №35, сможет убедиться: имя чекиста, журналиста, исследователя, писателя-краеведа Матвея Матвеевича Мартынова на Орловщине не забыто. И это замечательно!

Содержание

Матвей Матвеевич Мартынов и неизвестные страницы его книги «Фронт в тылу»	3
Кровавая трапеза фашистских лётчиков.....	24
Как гитлеровцы «хозяйничали» в оккупированном Орле	29
«Воспоминания» доктора Турбина	34
О воздушном стрелке Александре Гомзикове и его товарищах	40
Трагедия над Большой Гатью	45
Спасённый в Орле, он погиб под Варшавой	49
Побег из Орла	55
«Белка» в тылу врага.....	60
Разведчица Марта	65
Николай Селифонов – один из орловских чекистов	70
О Троснянском партизанском отряде и его героях	75
Письмо из прошлого	80
Старшина II статьи Плахов с ледокола «Анастас Микоян».....	93
Зюзюкин Матвей Михайлович:	
судьба начальника паспортного стола	102
Немецкий эстрадный театр «Пёстрая сцена» («Бюнте-Бюнне») в оккупационном Орле	121
Подпольщик Николай Оловянных.....	128
Матвею Матвеевичу Мартынову посвящается... (вместо заключения).....	146

**Библиотечка военно-исторического журнала
ОРЛОВСКИЙ ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК
Выпуск № 25**

Александр Михайлович Полынкин

**ИЗ АРХИВА
МАТВЕЯ МАТВЕЕВИЧА**

Главный редактор С.А. Ветчинников
Корректор В.С. Алексеевский
Технический редактор К.В. Стародубцев

Редакция вправе публиковать при-
сланные в свой адрес произведения,
письма и обращения читателей.

Ссылки на источники информации
актуальны на момент выхода журнала.

Редакция уважает точку зрения ав-
торов на какие-либо события, их трак-
товки, хотя не всегда может их разде-
лять, следуя правилу: «Пусть в споре
рождается истина».

Цена свободная

Подписано в печать 02.03.2021 г. Дата выхода 02.03.2021 г. Формат 60x80 1/16

Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Arial

Объём 9,5 усл. печ. л. Тираж 200 экз. Заказ № 31

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.

Адрес издателя и редакции:

302001, г. Орёл, ул. 2-я Посадская, 26, Тел. (4862) 44-51-45.

E-mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в авторской редакции

в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»

г. Орёл, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46.

[45-00]

12+

Сайт журнала: КАРТУШ-ВЕСТНИК.РФ

